

Пискунов Валерий Михайлович

Было приземление

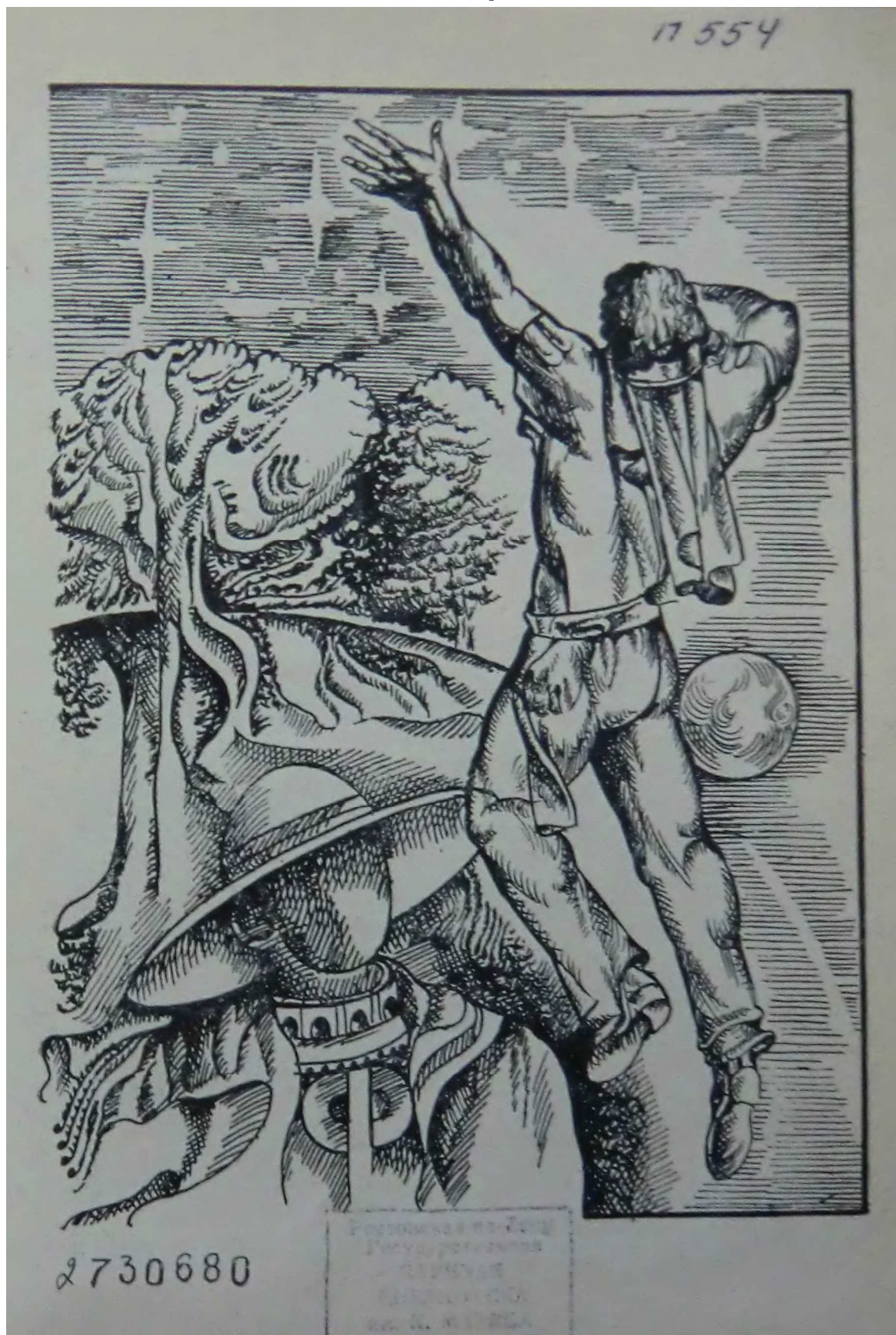
Технологическая сказка

Содержание:

Часть первая	3
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	12
Глава четвёртая	16
Глава пятая	18
Глава шестая	21
Глава седьмая	24
Глава восьмая	26
Глава девятая	29
Глава десятая	31
Глава одиннадцатая	34
Глава двенадцатая	38
Глава тринадцатая	40
Глава четырнадцатая	42
Глава пятнадцатая	45

Глава шестнадцатая.....	49
Часть вторая.....	53
Глава первая.....	56
Глава вторая.....	57
Глава третья.....	58
Глава четвёртая.....	59
Глава пятая.....	62
Глава шестая.....	64
Глава седьмая.....	66
Глава восьмая.....	72
Глава девятая.....	75
Глава десятая.....	78
Глава одиннадцатая.....	81
Глава двенадцатая.....	86
Глава тринадцатая.....	88
Глава четырнадцатая.....	91
Глава пятнадцатая.....	95
Глава шестнадцатая.....	97
Глава семнадцатая.....	100
Глава восемнадцатая.....	104
Эпилог.....	107

Часть первая

«Июня двенадцатого числа, тысяча девятьсот не признаюсь какого года Василь Васильевич Пирюткин вышел на балкон пятого этажа и глянул вниз» - так хотел бы я начать повесть о приключениях на берегах искусственного моря. Однако нет истории без предыстории, нет начала без вступления. Впрочем, сами по себе они важны, может быть, лишь для повествователя, поэтому я ограничусь небольшим предисловием, которое нетерпеливый читатель может пропустить без ущерба для общего среднего образования.

Нет, ты только представь, что в то самое время, когда на видимой стороне Луны завершается строительство первого промышленного комплекса, снабжать энергией который будет атомный реактор, созданный на заводах Атомграда, в то самое время на Земле лето, шумят тополя, голуби ходят косяками, превратив крыши зданий в аэродромы. И, что бы не произошло во Вселенной, наша природа всегда рядом, всегда посветит солнцем, взмахнёт кисточкой тополя, отзовется на наш беспокойный голос. Разве это не стоит того, чтобы отнестись к ней повнимательнее?

Вон там, вдали, синеем коробочка завода, что производит атомные котлы. Стоит она сама по себе, в степи, и сравнить её не с чем. Но вот мы приближаемся к ней, к этой голубой коробочке, – и наше зрение словно переворачивается. То мы смотрели в линзы, что отдаляют и отдаляют, а вдруг мы глядим в те, что приближают и приближают. Вот он каков, завод, половина стометровки вверх! Но всё это поражает, как говорят космонавты, визуально. Глаз наш быстро привыкает ориентироваться, среди гигантских прессов, подъёмных кранов, станков, – вот как эти воробьи, что шныряют там, вверху. А есть тут, на заводе, штучки более удивительные, но их надо понять.

Комбайн или самолёт - немалых размеров. Но Пирюткин, например, представляет, как они сделаны. Множество разных, не очень больших по размеру деталей, собранных вместе, соединённых, спаянных и поставленных на колёса. Пирюткина не удивит токарь, вытаивающий какую-либо детальку на обыкновенном станке... Но, когда заводской подъёмный кран выхватывает из печи огненное кольцо-обечайку и несёт её вдоль пролёта – тогда только до сознания доходит, что это кольцо – диаметром двадцать пять метров – и есть одна деталька!

Но и на этом чувства наши не остаются в покое. Детальку-обечайку надо положить под рентгеноскоп и проверить, нет ли в ней молекулярных болячек, трещинок. Или вдут в ход линейные ускорители – родные братья тех мощных ускорителей, с помощью которых ощупывают микромир, изучают элементарные частицы, которые могут оказаться и... сигналами иного разума.

Вот вам «дважды два», но в различных измерениях. Почему «два» соединимо с «двумя»? Какие законы заставляют «два» так соединяться с другими «двумя», что получается «четыре»?

И, как только задаёмся таким вопросом, привычные границы нашего представления о мире сразу начинают колебаться. И нужна какая-то новая воля-сила, чтобы сказать себе: «Постой, вот здесь остановимся, здесь дважды два – четыре». Но потребность практики толкают нас быть точными всё более и более; на заводе говорят о «нулевой точности», а это значит суметь так обточить обечайку на токарном станке размером с карусель, чтобы ни один точный прибор не выявил отклонений.

А есть ли предел у точности? Раньше мы точно знали, что вода при замерзании превращается в лёд. Вот вода, а вот лёд. Они не похожи друг на друга, их не спутать. Но, как только мы задаёмся вопросом, как и где вода превращается в лёд, – граница сразу теряется. Да и нет этой границы, а есть только новое, необычное, знание: и лёд, и вода, – одно и то же, но сами они уже не лёд и не вода, а нечто третье – что именно?

Пока обечайки вертят и обрабатывают, закаливают и контролируют, пока их сваривают и превращают в котёл, мы можем относительно уверенно сказать – вот он, корпус реактора. Но, как только в него помещают несколько десятков тысяч твэлов (тепловыделяющих стержней, заполненных ядерным горючим), так всё это

сооружение превращается в реактор-размножитель ядерного топлива, в аппарат по использованию космической энергии, в космическую машину, способную двигать не только турбины, но и космические корабли.

Пирюткин, ты где?.. Он ушёл с балкона. Его надо понять – остались считанные минуты до того, как повесть начнётся. Не буду мешать ему, лишь только чуть-чуть опережу события, потому что если я не успею описать Пирюткина, ты, любезный читатель, так и не сможешь представить его во плоти и в одежде.

Какое у него лицо? Глаза? В чём он ходит – в кроссовках или валенках? Что у него на голове – каскетка или дедушкин собачий малахай? Нет, серьёзно, нельзя же пренебрегать внешностью! Тем более, после того, что с ним, Василь Васильевич, приключилось, – ой, не надо! Пусть гости уже улетели, но Пирюткин всё ещё чувствует себя не собой, не в себе. Вон как повзрослел он за этот месяц, глаза раньше серыми были, а теперь в них что-то тёмно-голубое появилось. Да и смотрят они как-то так, что прямо лазеры! На веснушки внимания можно не обращать, они уже всем приелись. Однако, когда Пирюткин смотрит на себя в зеркало, он смотрит и высчитывает веснушки на левой щеке, потом для лучшей видимости и нос набок свернёт – там ему видится некое созвездие, и сердце его замирает...

«Ништяк» - шепчет иной раз Пирюткин. «Чего»? – спрашивает Гришка, младший брат из старшей группы. Он сидит на полу и лепит из пластилина удивительные вещи и удивительных существ. Пирюткин лазерными глазами смотрит на брата так неподвижно, словно сам себе передаёт его изображение, но потом вздыхает и отворачивается.

Тяжело, непривычно ещё жить Василию. Он, точно космонавт после долгого пребывания в космосе – все чувства у него вразнобой, голова иной раз кружится, и Василь Васильевич не признаёт себя за себя, сомневается, его ли это нога, или, может быть, чужая... Ну, да, об этом речь впереди!

Вот, свистят с улицы. Пирюткин, сидевший до этого за столом, вскакивает, но вдруг замирает на месте. Гришка с любопытством следит за ним. Василь сунул руки в карманы, потянулся, расправил плечи и ждёт повторного сигнала. Свист повторяется. Тогда Пирюткин на цыпочках идёт к балконной двери, осторожно ставит ногу за порог и, прищурив глаза, выглядывает вниз. Вон они, друзья-то, – Нетребко да Естественная. Пирюткин смотрит вниз, и мысли у него пляшут, потому что друзья его сверху похожи на каких-то необычных существ, и похожи и не похожи на себя, и Пирюткин никак не может понять, всерьёз или не всерьёз явились они, задрав головы и помахивая руками. Он различает лицо Нади Естественной и приходит в себя, – потому что Надя, существо инопланетного склада, не выносит серьёзных физиономий и сразу принимается хохотать.

Пирюткин выпрямляется и несколько мгновений стоит и смотрит на крыши домов, на верхушки тополей, глубоко вдыхает воздух, пахнувший морем...

Вот и кончается наше предисловие. Сейчас я остановлю машину времени, чтобы, вопреки всем законам природы, насильно пустить её вспять. Прошу садиться, любезный читатель! Предупреждаю, могут быть различные неожиданности – приятные и неприятные, кто его знает. Если две недели назад у кого-нибудь из вас заболит зуб, он заболит снова, хоть и задом наперёд (кто испытывал обратную боль, тот не удивится!). Но самые замечательные приключения будут испытывать наш мозг, наши мысли, к которым мы привыкли, как к нашим волосам, как к запаху моря или вкусу винограда. Вот я сказал: «приключение будет испытывать мозг» - кажется, понятно... Но что понятно? Кто кого будет испытывать – приключение мозг или мозг приключение?

Нет, любезный читатель, как говорит Надя Естественная, хитра наша природа. Только представь себе, подумай... себе, что никто из людей не может мыслить сам по себе, для себя, в себе самом, но обязательно и всегда каждый из нас мыслит только навстречу другому. Если бы это было не так, человек не умел бы мыслить, увы. А, коли это так, то человек впопыхах наделил способностью мыслить и природу, сделал её богом...

Бывает, когда что-либо делаешь впопыхах. Но человек также научился и думать за другие предметы, на какое-то время, поселяться в них, выискивать хитрости, скрытые в предметах, и выносить их на белый свет. Вот, что может человек... Сашка друг Василя, по кличке Секунда, дошёл даже до утверждения, что в предметах всегда лежит один простой закон – может быть, закон всемирного тяготения, это ещё не ясно.

Но, как бы то ни было, куда бы не заносилась мысль человечья, ясно одно: человеку легче думается, когда он ощущает встречное мышление. Человек создаёт искусственные думающие машины, станки с программным обеспечением, роботов, ищет встречи с инопланетным разумом.

Но бывает и так, что есть умные карусельные станки, есть сварочные аппараты, то есть техника готова двигаться навстречу человеку, а люди вдруг обнаруживают, что сами они мыслят вразнобой. Сколько раз Пирюткин наблюдал, как собираются у его отца члены бригады и спорят о технологической дисциплине – что это ещё такое? Василь сначала не понимал, удивляется: ну есть станки, есть расписание работ, вот и работай, чего же ещё? А потом, когда с ним произошло всё то, о чём речь ещё впереди, Василь догадался, в чём дело, – люди учатся мыслить навстречу друг другу. Это, оказывается, труднее, чем создать умный станок...

Что же получается? То мы говорим, что человек не мог бы мыслить, если бы не делал этого навстречу другому человеку, то мы говорим обратное, – что люди мыслят вразнобой. Где же, правда? А правду, я скажу тебе, любезный читатель, давай искать вместе.

Глава первая

Друзья расположились на берегу и надували воздушные шары. Было ясное утро середины июня. Чайки парили то над самой водой, то высоко в золотисто-голубом небе. Пожилой дядька, что невдалеке ловил рыбу, недовольно поглядывал на пацанов – что это за народ, шары надувают, уж не поплавки ли из них делать будут? Иной раз шар громко взрывался, тогда дядька выдёргивал крючок, осматривал наживку и шептал: «Вот же баламуты! Ни уму, ни сердцу, только рыбу травмируют».

- Лопнул четвёртый – сказал Гришка. Ему поручено было считать дефектные и вести счёт надутым, – Надувается пятнадцатый.

Василь Пирюткин приложил к онемевшим уже губам жёлтый шар и через силу вдохнул в него воздух. Перед глазами плавали разноцветные круги – кто же знал, что это такое изматывающее дело! Сашка Секунда сам был, точно мыльный пузырь, но упрямо дул и дул. Десять шаров они с Сашкой надули довольно быстро, но потом воздух как будто стал твёрже, а шары превратились в футбольные мячи.

Надя Естественная, избавленная от этой муки на правах слабого пола, покатывалась со смеху:

- Какие у вас мудрые физиономии. Пирюткин, ты так глубоко мысленно синеешь... Гришка, сколько им ещё?

- Если ни один не лопнет – тринадцать – строго говорит Гришка

- Чёртова дюжина! Ну, прямо заколдованное чис... - Надя не успевает договорить – у Сашки под носом ахает синий

- Шоб у вас головы полопались! – долетает до друзей сухой голос рыболова.

- Лопнул пятый, надувается шестнадцатый, - голосом робота говорит братишка Василя Пирюткина.

Надя принимает из рук Пирюткина готовый шар и запихивает его в чехол размером полтора метра на два. Чехол наполовину забит шарами. Надя осторожно ложится на него и покачивается.

- «Ра»! – насмешливо говорит она, - У-ра!

Идея создать плот на воздушных шарах принадлежит Пириуткину, он вычитал её в журнале. Василью приятно, что Надя, наконец, хоть и насмешливо, но оценила идею. Василь боится её зелёных глаз и наблюдает искоса, неторопливо надувая опять жёлтый шар.

Небо накаляется. Надя уже разделась и побрела к воде. Пириуткину кажется, что и море, и небо, и сам он надуты; подует ветерок, и Пириуткин полетит, покатится по воде, и, если ветер не изменится, Василь выкатится на другом берегу.

- So bleide denn Sonne mi rim Rucken¹ – говорит Надя, усидчивая ученица немецкой школы.

Пириуткин смотрит на красивую фигурку Нади, любуется тем, как плавно ходит девочка в воде, как весело разбрызгивает её ногами. Пириуткин замечает, что и Сашка перестал накачивать шар, скосил глаза на море. Пириуткина охватывает непонятное раздражение, и он говорит Гришке:

- Ну-ка переведи, что она сказала.

Гришка неторопливо улыбается.

- Эх ты, - говорит Василь, - Их бин дубин

Гришка один глаз прищуривает, другой поднимает в зенит.

Василь делает вид, что ничего не произошло. Надя возвращается, стряхивает воду и говорит:

- Ой, как тепло-о! Мой папа говорит, что температура моря поднялась из-за того, что работает атомная электростанция... Ужас.

- Ну, да, это же есте-е-ественно - насмехается Надя. Когда она насмехается, голос у неё поёт, - природу ж тоже надо отаплива-а-ать.

Пириуткину приятно, что Надя принялась, наконец, и за Сашку. Но плот готов, зашнурован. Друзья берут его за углы и несут к воде. Дядька-рыбак оторопело смотрит на происходящее: «Вот чудики! Вот бесенята!»

Плот, как пушинка, лёг на воду, ребята расселись на нём - Пириуткин и Сашка с вёслами по бокам, Гришка впереди, Надя сзади. Гребцы взмахнули вёслами, и плот заскользил, словно не касаясь воды. Ты гля, ты глянь! – закричал дядька, и ребята рассмеялись. Но Гришка вдруг тоже закричал высоким, петушиным, голосом:

- Смотрите, летит!

Невысоко над горами летела маленькая радуга. Вот концы её соединились, и образовался круг; круг, незаметно для глаза, превратился в треугольник, потом в многоугольник. Так же незаметно цвета радуги расслоились и нарисовали хитрый узор, потом узор распался, и на месте его вспыхнул на мгновение ярким электрическим светом овал, но вот и овал тоже погас, вновь появился многоугольник, трепещущий разноцветным узором, перелился в треугольник, затем в круг. Круг разорвался, и радуга стремительно пропала за горизонтом.

- Что это?

- Что это было?

- Как летающая тарелка!

- Эй, пацаны! – кричал дядька-рыбак, - слышь, вон глянь-ка! – дядька показывал удилищем в море, - это отель свалилось!

Первым разглядел Гришка.

- Вон, плавает! – таинственным шёпотом выкрикнул он.

Теперь заметили все – метрах в трёхстах от плота плавал какой-то предмет похожий на буй. Гребцы, помедлив, ударили вёслами, и плот полетел, точно под парусами. Пириуткин увидел, что это не буй, а шляпа, подождал, когда рассмеются друзья, но не выдержал и расхохотался первый:

- «Отель упала!»

Он шлёпнул веслом по шляпе и смял тулью. В самом деле, это была шляпа, светло-коричневая, широкополая, с длинной бахромой. Она, видимо, сильно намокла, была похожа на какое-то водное животное, бахрома шевелилась, точно маленькие щупальца.

Пирюткин схватил шляпу, потянул и вдруг бултыхнулся с плота. Он хотел сказать: «Уп!», но не потому что хлебнул воды. Он торопливо вынырнул, и хотел было крикнуть «стокиллограмовая!», - но увидел развесёлых друзей и предложил Сашке:

- Примерить не хочешь?

Сашка, чувствуя подвох, потянул на себя шляпу, потянул сильнее.

- А, может быть, это вовсе не шляпа, - сказал осторожно Гришка

Сашка улыбнулся:

- Секундочку – и разберёмся.

Он упал с плота и нырнул. Пирюткин хорошо видел, как Сашка, шевеля ногами, подныривал под шляпу, вот тулья выпрямилась – значит, Сашка одел шляпу на голову, что ж дальше?

Дальше произошло вот что – Сашка вдруг делает молниеносный рыбок вниз, каким-то акульным движением ввинчивается вглубь и пропадает. Пирюткин, забеспокоившись, ныряет следом, но не видит друга. А друг выскакивает метрах в двадцати в стороне, выскакивает высоко, как дельфин, и вновь уходит под воду.

Надя смеётся так, что плот проседает.

- Сашка! – позвал Пирюткин, - Опомнись!

Высоко выскакивая из воды и снова зарываясь, Сашка дважды проплыл вокруг шляпы и, наконец, вернулся. Лицо у него было белым, глаза налились кровью, он дёргал головой во все стороны.

- Вы ничего не слышали? – спрашивает он.

- Н-нет! – заикаясь от смеха, говорит Надя.

Неуверенно улыбается Гришка. Пирюткин не смеётся, нет, он-то понимает, что шляпа словно приклеена к воде, и поднять её модно только со всем морем. Но вот что же произошло с Сашкой?

Пирюткин решил. Он поднырнул и надел шляпу на голову...

Только некоторое время спустя он сообразил, что с ним произошло, а в те минуты он, Василь Пирюткин, видимо, выделял что-то такое сногсшибательное, что хохотала не только Надя, но и Гришка. Даже Сашка хихикал каким-то понимающим смехом.

Пирюткин же на это время потерял нормальное сознание. Он словно бы раздвоился – и как! Сначала он увидел, что его второе «я» тонет, и кинулся его спасать. Но потом его второе «я» вдруг решило с ним поиграть в догонялки, и Василь, как рыба, полетел следом, вихляясь и подныривая. С каждым мгновением погони он нагонял самого себя и нагнал-таки!

После этого вернулось к Василию нормальное самоощущение, и он возвратился к плоту. Сашка хихикал, но смотрел понимающе. Пирюткин ничего не хотел рассказывать, да и язык, надо признаться, был немым, чужим, никак не мог нащупать нужные звуки. Пирюткин только фыркал.

Шляпа спокойно плавала, шевеля бахромой, и была невинной на вид.

- Это гравитация, - сказал Сашка, и Василь пожалел, что ему ничего в голову не пришло. Да и голова была тоже ещё не в порядке, как бы раздваивалась – одна сторона смотрела на друзей, другая – на дядьку-рыболова, который метался по берегу и делал какие-то знаки.

Надя поднялась и прыгнула на шляпу.

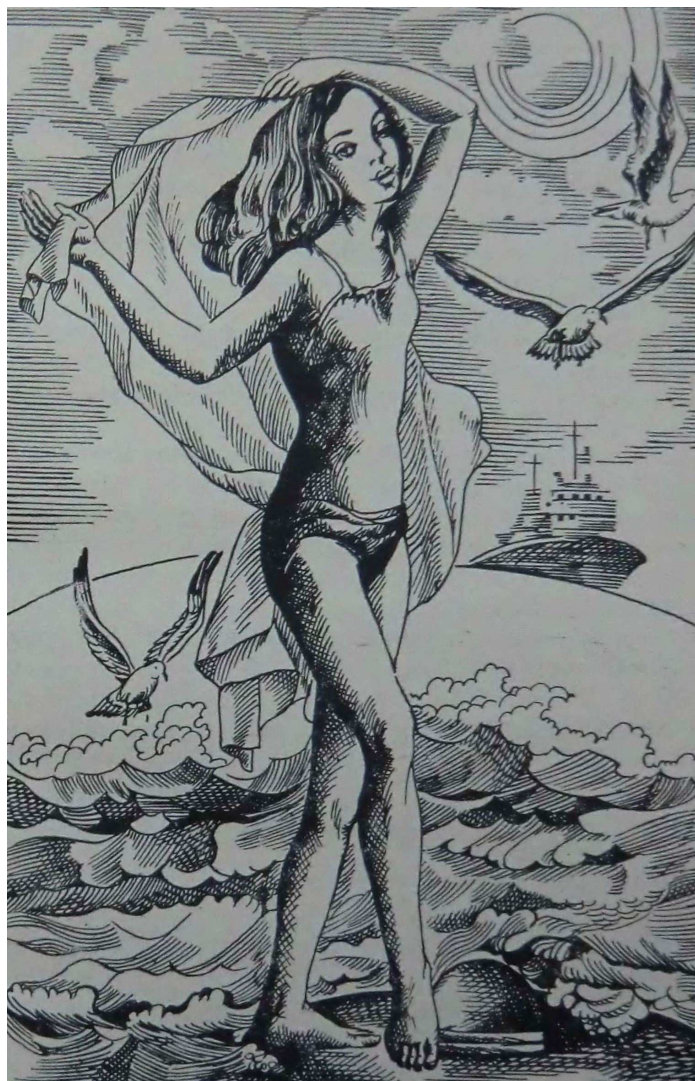
- Оп! Теперь вы видите, что это летающая тарелка, только маленькая, может быть, летающая блюдечка или даже розеточка.

Надя пританцовывала на шляпе и что-то напевала. Гришка смотрел на неё с восторгом.

Василию хотелось дать брату подзатыльник. Он взобрался на плот и растянулся, подставив солнцу расстроенное тело.

Сашка и Надя вели спор.

- Это какой-нибудь исследовательский аппарат,

- говорил Сашка, его сбросили в море, чтобы исследовать гравитационное поле Земли.

- А что летело по небу? – спросил Гришка

- Когда?

- Ну, вот, недавно – сказал Гришка

- Не видел – твёрдо сказал Сашка

- Да, как же! – насмешливо сказал Сашка

Но характер Сашки Секунды надо было знать – он верит только в то, что поддаётся объяснению.

- Естественно, - сказала Надя, - разве ты мог видеть «летающую тарелку», из которой выпал этот зонд!

- Ерунда, - сказал Сашка

- Не ерунда – Надя всё так же покачивалась на шляпе

- А какие доказательства? – спросил Сашка

- Мне интуиция подсказывает, вот какие, - и Надя показала кончик языка.

Она была красивая, Надя Естественная. Василь всегда ею любовался. Правда, бывали часы и дни, когда он её видеть не мог, потому что Надя умела довести любого человека до умопомрачения, или вот, как эта шляпа, совсем до раздвоения личности довести. Тогда Василь избегал Нади, прятался по тёмным углам, чтобы не видеть её заковыристых зелёных глаз.

- Хорошо, - сказал, помедлив, Секунда, - если это инопланетный зонд, тогда ты обязана сообщить об этом в академию наук.

- Ещё чего! – воскликнула Надя, - Естественно, не сообщу. Если инопланетянам захотелось понаблюдать за нами тайно, пусть себе наблюдают.

- А вдруг это агрессоры? – не унимался Сашка, - Вдруг они хотят захватить наш город и воспользоваться атомной энергией?

- Чушь – отвечала Надя.

Сашка сосредоточенно уставился в одну точку, но вдруг крикнул:

- Ой! – Он схватился руками и закачался, словно от зубной боли.

Пирюткин с сочувствием глядел на друга. Увы, примерка шляпы не прошла бесследно – теперь, если о чём задумаешься очень, голова тут же раздваивается. Сашка стал плескать воду себе в лицо.

Пирюткин лежал на спине и сомневался во всём. У него и так-то характер был не очень, а после примерки марсианской шляпы вовсе был готов раздвоиться. Василь слушал спор и думал, что он верит Наде, и Сашке, а если что-нибудь скажет Гришке, то поверит и Гришке... И ещё, он неожиданно подумал: «Ну, со мной ничего, я свой характер знаю, я не очень сосредоточенно думаю... А как же теперь будет жить Сашка? Впрочем, всё, может быть, пройдёт...».

Беспокойство о друге не было случайным. Сашка – натура своеобразная, и Секундой Сашку прозвали потому, что он живёт, как бы сказал фантаст, в другом временном измерении. Спокойный, упрямый в своём спокойствии, Сашка улыбается медленнее, чем Пирюткин, ходит медленнее, смотрит медленнее, ходит неторопливее, руками размахивает, словно плывёт, - всё делает «на секунду» медленнее Пирюткина. Вот только ум Василь не хотел бы сравнивать. Ум, мысль, - это такое движение, которое нельзя сравнивать по признакам быстроты. Тут другие законы действуют.

Сашка успокоился и теперь строго поглядывал на Надю, которая распевала, стоя на шляпе:

- Нет, мальчики, вы только представьте – ещё одно чудо! Снежный человек в Гималаях, Бермудский треугольник, «летающие тарелки» и теперь – инопланетный зонд! – она глянула на кислые лица друзей и расхохоталась: - Контакт! Слышите, олухи, контакт!.. Вот я сейчас сама исследую.

- Стой! – заорали ребята в один голос.

Надя насторожилась – она ещё не знала, не видела их такими. У Нади в глазах мелькнула растерянность. Гришка же – так вот даже попятился.

- Почему же это «стой»? – осторожно спросила Надя Естественная .

- Шары сдувают, надо плыть к берегу – нашёлся Пирюткин – Надя, ы садь возле Гришки, он плохо плавает.

- Кто, я? – возмутился Гришка, но тут же получил щелчок и отвернулся.

Гребцы ударили вёслами, и плот помчался к берегу.

Глава вторая

После примерки марсианской шляпы жизнь Пирюткина пошла необычным для него образом. Пирюткин, правда, никому ничего не сказал. Не поделился и с Сашкой. Сашка тоже делал вид, что ничего не произошло.

На другой день они все вместе опять ходили на море, но шляпы уже не было. Шляпы не было, а последствия примерки не проходили. Пирюткин, например, перестал читать приключения; на двести шестой странице он оставил «Трёх мушкетёров», на двадцать третьей – «Всадника без головы», на пятой – «Шерлока Холмса».

- Мне ка-а-ажется, - медленно пропела Надя, глядя в лицо Василю, - что ты окосел на оба глаза-а-а.

Примерно, то же самое сказала они и Сашке:

- Знаешь, у тебя такой вид, словно ты правым ухом подслушиваешь, что влетает в левое.

Сашка завертел головой – презрительно, но растерянно. Эх, сказал бы ей Василь, но жалко девчонку!

Тоскливо стало Пирюткину без любимых книг, читать невозможно: только захватит действие, как голова раз, два – и раздвоилась. Не на самом деле, конечно, но мозги, как говорится, набекрень – одни в одну сторону, другие в другую. Хоть плачь. Ну, скажите, можно ли жить и дышать, когда в голове одновременно два человека сидят, один орёт: «Да!», другой орёт: «Нет!», один убегает, другой его ловит, - нет, так жить нельзя. Одно мирило с этим состоянием, недолго оно длилось, если не очень задумываться, не сосредотачиваться.

Василь слышал, как на кухне мама шептала папе:

Ты заметил, он стал каким-то рассеянным. И никогда он не был левшой, а тут ест правой, переложит ложку в левую, и как ни в чём не бывало!

- Да?

- Телевизор перестал смотреть

- Возраст такой...

Любимым занятием Василя стало смотреть, как Гришка лепит из пластилина. Гришка был талант! Пластилин в его пальцах делался, как живой, принимал самые причудливые формы; Гришка мог вылепить любое животное за две-три минуты. А за час-два он сотворял целый зоопарк с носорогами, львами, крокодилами. Птицами и змеями... Пластилин как-то успокаивал Василя.

Но хуже всего, пожалуй, приходилось Сашке Секунде. Вот Василь поднимается на седьмой этаж, нажимает на кнопку звонка. Тишина. Давит дальше. Через минуту глухой голос издадека:

- Входи, дверь открыта. Василь входит и видит Сашку, стоящего на голове. Лицо всега свёклы, уши цвета свекольного сока.

- Привет – говорит Василь

- Йога – полезная штука – отвечает Сашка

Но Пирюткина не обмануть, ему тоже в минуты раздвоения хочется встать на голову, а если Сашка встал и стоит, - значит допекло.

Видя такое дело, Василь решил посочувствовать:

- Ты сильнее заразился...

Сашка строит недовольную гримасу, и наблюдать это жутко- гримаса ведь тоже «вверх ногами», а когда Сашка открывает рот – ну вампир!

Сашка демонстративно берёт книгу «Двенадцать стульев», принимается читать.

Василь покидает друга, спускается на лифте, выходит из подъезда и останавливается в нерешительности. Он думает: идти или не идти к Наде Естественной? Идти хочется, но страшно – как она встретит его? Потому что после того, как Василь и Сашка стали таким странными, Надя на них рассердилась: «Хотите валять дурака – валяйте, но не при мне!»

Вот Василь и думал – придёт вроде бы нормальным, а вдруг, да и «сваляет»?

Принять решение Василь не в силах, тогда он полагается на стихию и направляется к четырнадцатизатке, влетает на десятый этаж и раскланивается с Надей:

- Можно?

- Ну, входи – предлагает Надя

Она играет на пианино. Василь садится на диван и молча слушает. Оказывается, к великой радости, музыка действует действительно успокаивающе. Василь следит, как Надя играет и умиляется – волосы у неё горят, глаза туманны и остры, движение рук плавные и чёткие, солнце скользит по розовому лицу так, словно охорашивает.

- Ты чего так смотришь? – спрашивает Надя?

- Там Сашка на голове... ходит – говорит Василь

- Пусть ходит... Мой папа сказал, что появление инопланетян не исключено, понял?

Василь пожимает плечами в знак согласия. Он боится смотреть на Надю, потому что боится за себя. Ведь было же один раз – Василь неожиданно для себя запрыгал вокруг Естественной на одной ножке.

- Может быть, мы заразились? – жалобно говорит он

- Глупые! – возмущается Надя – Я теперь во как жалею, что не примерила шляпу! Рыцари! Слунтяи! Вы первыми соприкоснулись с иной цивилизацией. Я бы гордилась на вашем месте, а вы... - Надя не договорила.

Василь, сколько ни сдерживал своих восхищённых чувств, справиться, не мог. Как только в голове оказалась одна сильная мысль «Надя!», - так его повело. Он развёл руки, вспрыгнул на диван, потом на подлокотник. Он понимал, что делает какую-то глупость, но остановиться не мог, потому что ему срочно надо было поймать самого себя – другого.

- Оп, оп! – прыгал он, хлопая ладонями, Василь Васильевич, и смущённо поглядывал на Естественную.

- У тебя, что, нулевой цикл? – спросила она так, что Пирюткин тут же вымелся за дверь и не помнил, как, забыв о лифте, слетел с десятого этажа.

Пирюткину вдруг пришла в голову мысль, что теперь уже всё переменялось навсегда. От этого ему стало жарко, он направился в соседний магазин и стал в очередь за молочным коктейлем. Вот он стоит, а думать о стакане, наполненном воздушным мороженым ему никак нельзя, надо думать о чём-то другом.

Ага! Василь увидел того самого рыбака, что сигналил им с берега. Вёл себя дядька странно, он неверными шагами, оглядываясь, крался к винному отделу, но остановился, крутнулся и выскочил из магазина. Потоптавшись у входа, дядька вновь начал своё передвижение. Пирюткин слышал, как он бубнит себе: « Не думаю, не думаю, совсем забыл, с чем её пьют, будь она неладна... провались... забыл... р-разорви её!!» - и дядька вновь оказался за порогом.

Пирюткин уже пил коктейль, когда дядька предпринял ещё одну попытку, но только создал давку в дверях и был выгнан со скандалом.

Пирюткин нашёл дядьку в скверике, то понуро сидел на деревянном бегемоте, курил.

- Вы тоже примеряли шляпу? – спросил Василь

Дядька не удивился вопросу

- Примерил, холера – он глянул в небо и погрозил

Пирюткин сел рядом. Помолчали.

- А я с тех пор даже «трёх мушкетёров» читать не могу – сказал Василь, как близкому родственнику

- Што мушкетёры! Тут... - дядька не договорил, плюнул на сигарету.

- Как Вы думаете, это какой-нибудь вирус? – спросил Василь

- Нет, - громко и запальчиво заговорил дядька, - это колпак для дураков. Это значит, за алкашей серьёзно взялись. Ну, я понимаю город у нас передовой, как его зовут – Атомград, солнечные автомобили, атомные локомотивы и всё такое. Но я-то причём? Рази я алкаш? Куда, скажите мне, человеку с жаждой идти?... Зови меня дядей Митей, мы теперь сродственники

Василя немного покорило

- Если за алкоголиков взялись, то я тоже ни при чём...

- Как – ни при чём? – а книжки-то запоем читаешь, а? Вот и ТВ запойный... Нет, - подумав, сказал дядя Митя, - колпак, да не по-колпаковски сшит, понял?

Глава третья

Можно бы потрафить читателю и закручивать сюжет, ошарашить его какой-нибудь выдумкой об инопланетянах, посетивших Атомград.

Но, как я уже сказал в своём предисловии, живём мы все в такое время, тысяча девятьсот не признаюсь какого года, что резкие перепады и повествования нас уже не могут удовлетворить. Нас должно интересовать, как и что происходит, все те маленькие превращения, в результате которых и случается то, что случается. Гулливер ли в страну Гуинггимов или «марсиане» над Атомградом – если они с мозгами, говорят и думают, значит, они, прежде всего, мыслящие существа. А если он к тому же летает на «тарелках» и теряет шляпы, значит, они существа высокоразвитые, не так ли, любезный читатель?

В глазах Гришки Василь сам стал чуть-чуть марсианином. И это подняло авторитет старшего брата. А что раньше было? Василь старался строго следить за развитием младшего брата. «На всё прогрессивное и новое у человека должен быть нюх» - утверждал папа, И Василь воспитывал у Гришки этот самый нюх. Иной раз Гришка принимался капризничать, тогда Василь рассказывал о городке, в котором они жили без Гришки, и глаза младшего брата темнели беспокойством и любопытством. Но однажды, хитро глядя на Василя, Гришка спросил: «А почему же ты теперь там не живёшь?» Тогда-то Пирюткин и ответил: «.Потому что на всё прогрессивное надо иметь нюх. Переехали мы сюда не из-за тебя, а из-за того, что папа хотел попробовать свои силы и ум на самых современных станках, понял?»

Утреннее солнце сияло по-новому. Василь видел вокруг земной звезды голубое, прозрачное, сияние. Птицы летали по-новому, одним глазом Василь видел плавный полёт, другим сильные рывки и мгновенные остановки.

И младший брат смотрел на Василя новыми глазами, ходил следом, как привязанный, ожидая, что ещё выкинет его кумир.

- Василь – спрашивает Гришка, - а какие у марсиан мысли?

- Синие, - ляпает Василь

Трудно, оказывается, быть старшим братом. Дело в том, что хочешь или не хочешь, а любой поступок надо оправдывать пред старшим, надо сделать так, чтобы этот поступок не вызвал никакого сомнения у младшего. Сами понимаете, это нелегко.

Ещё сложнее стало жить Пирюткину Василь Васильевичу после своего некоторого превращения - ведь он стал выкидывать такие коленца, подумать над которыми не было времени. Вот, например, идёт по двору молодой человек почти четырнадцать лет, в красивой майке, джинсах, кроссовках, спортивный, серьёзный, с сероватыми, задумчивыми глазами, с аккуратно подстриженной головой – по всем приметам, достойный старший брат, и вдруг он садится прямо на землю, разувается и принимается яростно чесать ногу. Но этого мало, при этом он наставительно говорит Гришке:

- Имей в виду, Гришка, если ты не будешь мужчиной, а будешь выпендриваться и капризничать, получишь по шее. Ты почему кашу не съел?

- Терпения не хватило - признаётся Гришка, не зная, смеяться или смущаться

- А ты думаешь, этим... марсианам легко?

Гришка видит по лицу Василя, что, в самом деле, нелегко – лицо-то у Василя розовое, не то от стыда, не то от усилий.

Лето, как известно, чудесная пора, нервы, измотанные за учебный год, отдыхают, в голове прекрасная, душеспасительная пустота. Умел Пирюткин отдыхать, до самого первого сентября в его голове не появилось ни одной формулы, ни одного придаточного предложения, ни одного спряжения. В это лето, правда, поскольку Гришка поступал в первый класс, Василь Васильевич изредка был принужден отвечать анна кое-какие сложные математические вопросы типа: два плюс два, как плюс ша.

По обыкновению Пирюткин лежал в своей кровати, Гришка возился на полу, лепил бесконечных человечков и запускал и на выдавшем космические виды межпланетном корабле. Папа с мамой разговаривали где-то там, то на кухне, то в своей комнате. Василь Васильевич медленно погружался в вечернюю дрему. Он устал. Да, он устал от шляпных дел, полчаса простоял на голове, подражая Сашке, полчаса горел на сковородке стыда,

когда в гостях у Нади Естественной он опустил в аквариум утюг, решив, что рыбкам не хватает гравитационной массы.

«Это всё Сашка – досадовал запоздало Василь Васильевич – прилепился со своей ги-потезой!». Дело в том, что после шляпной примерки «зараза», как думал Пирюткин, или, как уверял Сашка, «гравитационное облучение» - чёрт ли дьявол – стали меняться. Невсебятина осталась, но она становилась несколько другой. Василь Васильевич стал замечать, что вроде умеет видеть то, что скрыто от него за углом, - он ещё не понял, оттого ли это, что углы ему видятся округлыми, или оттого, что смотреть и видеть стал по кривой. Почему? Пожалуйста.

Забирать Гришку из садика, обычно, входило в обязанность Василь Васильевича. Он приходил и ждал за углом. Не любил Василь Васильевич такого большого скопления малышни. И вот, он стоит за углом, тихо посвистывает для независимости, а Гришки всё нет. Конвейер движется, из садика всё течёт и течёт малышня, а младший брат испытывает терпения старшего. Ну, проходит минут десять, Василь Васильевич поглядывает на угол, и что видит? Видит он за углом своего подчинённого, который торопливо натягивает на голову пресловутую панамку. Из-за угла он уже появляется в форме, как ему и приказано быть. И первый, строгий, вопрос, который задаёт Василь: «ты почему ходишь без панамы?». Гришка подвержен солнечным ударам, и ему строго-настрого запрещено и т. д. Гришка смотрит на брата верными глазами и говорит:

- Я в панаме

Василь Васильевич хотел сказать: «Я же видел!» - ан как сказать? Что он мог видеть за углом, если сам стоял за углом? Не мог же он заронить в сознание младшего брата подозрение, что подглядывал за ним!

Вот такие мысли плавали в вечерней голове Василь Васильевича, и он им не удивлялся.

- Гришка, - позвал Василь, - ты можешь вылепить марсианина?

- Могу! – с готовностью отозвался Гришка

И опять тихо. Телевизор за стеной демонстрирует футбол. Вот и в Атомграду скоро будет знаменитая встреча – заводчане принимают один иностранный клуб. Вот, что с большим удовольствием посмотрел бы Пирюткин!.. Сердце его сжалось. Вчера они во дворе с приятелями устроили малый футбол, и узнал Пирюткин о себе кое-что сногшибательное – какую-то невиданную любовь к мячу.

Мяч! Вот куда лихо и весело переселялся второй Пирюткин и ждал удара – как передать это чувство? Вот он катится после передачи через площадку, сжавшись, притаившись и вертясь, набрав полную грудь воздуха и затаив дыхание. А вот уже и нога подросла, с разлёту, с размаху – удар, звон, свист и полёт! Всё вокруг делается сразу круглым. Каким-то волшебным лёгким, неземным. И прочь весомость, тяжесть, падение. Невесомость и скорость владеет переселившимся в мяч Пирюткиным, пустота, восхитительная, безграничная, - и хочется летать, чтобы скорость всё время росла, чтобы полёт был всё более и более свободным... Но недолго длится этот восторг, потому что удар слаб, быстро догорает захваченная мячом энергия, воздух уплотняется, а потом и вовсе делается, как вода. Бум – мяч ударяется об землю...

- Вот – сказал Гришка

Он вертит перед самым носом Василя своего марсианина - чудовище не из приятных: прежде всего, марсианин в широкополой, как сомбреро, шляпе, с бахромой по полям; лицо тёмное, плечи узкие, покатые, руки-ноги длинные, вертявые.

- Зовут его Киссел – гордо признаётся Гришка

- У него что же, ни глаз, ни носа? – неприятно спрашивает Василь Васильевич

- У него – когда надо... - непонятно объясняет Гришка

- И пальцы тоже?

Гришка кивает

Н-да – рассуждает Василь Васильевич – Ну вот мы и познакомились. Теперь можешь его отправить его обратно на Марс

- У них ракета распаялась – вздохнув, говорит Гришка
- Позвони дяде Ивану, он на заводе котлы спаивает – нехотя советует Василь

Васильевич

Гришка уходит, через некоторое время возвращается:

- Он говорит, что никогда не сваривал марсианский металл...

У Пирюткина засосало под ложечкой

- Ещё он сказал – замялся Гришка, - Василь, что такое электрические связи?

Вот, от чего засосало под ложечкой! Понимаете, трудно, когда младший брат скачет от букваря к электронам! Святое спокойствие ума нарушается, может быть, даже от этой школьной мудрости, что так не вовремя требует объяснения.

Но авторитет «почти марсианина» и старшего брата требовал, чтобы Пирюткин объяснил.

- Бумага – голосом тяжёлобольного потребовал Пирюткин

Гришка принёс альбом.

- Карандаш – Пирюткина охватило предчувствие чего-то жуткого

Гришка подал красный фломастер

- Вот, смотри, - звенящим голосом сказал Василь Васильевич, - это – электрон...

Нормальный человек, средний землянин, знает, что, прежде чем провести линию, надо поставить точку, приставить к листу бумаги кончик карандаша. Вот этой самой точки Пирюткин и не мог поставить. И не потому, что плохо видел, прекрасно видел, но видел как-то не так. Он забыл и про лист, и про фломастер, а думал только о том, что собирался сделать какую-то невероятную глупость – «поставить точку!» Скажите, пожалуйста, как может быть точка, когда её не может быть? Её нет в природе!

Странными путями движется мысль. Сначала и внезапно Пирюткин вспомнил, как однажды, во время школьных занятий, учитель физики – шутник и хохмач – войдя в класс, спросил: «Кто в классе может нарисовать самую маленькую точку?»

Пирюткин любил учителя и любил развлечения. Он первый вышел к доске и ткнул в неё мелом.

- Кто может меньше? – допытывался учитель

Тогда к доске вышел Сашка Секунда, он долго затачивал кончик мела, и только потом приспособил что-то на доске

Но учитель не унимался: «Кто меньше?»

Класс смеялся, но отважных уже не было. И, как всегда, дождавшись кульминации, вышла Надя Естественная. Сашка попытался было вежливо протянуть её мел, но Надя сказала: «Не надо».

«Ну? – спросил учитель. «Всё» - ответила Надя. И класс грохнул.

Учитель дождался тишины и сказал: «Ставлю пять – её точка самая маленькая» Класс оторопел – неужели учитель не шутил? Неужели «точка», которую Надя поставила мысленно, в самом деле, точка?

Теперь же Пирюткин даже взбесился: «Врёт она!» - воскликнул он мысленно – «Не было у неё в голове этой точки! Потому что не может быть её»

Гришка отошёл в свой угол и притих.

Но в тоже время другой, земной, привычный Василь Васильевич твердил, что как же так, почему же нет, когда она есть?

Пирюткин вскочил с кровати, забежал по квартире, бормоча, что для его «электрона», для его «точки», мал не только альбом, но мала комната, может быть, мала Земля, а там, может быть, и вся Вселенная.

Но вот мысль делает виток-другой, и Василь вспоминает, что за шкафом, в тёмном углу есть паутина, есть и паук, а раз так, то паук, начиная плести паутину, свою первую нить крепит к какой-нибудь... точке на стене!

Я уже говорил, что мысль прихотлива. Разными путями идёт она к истине. Учёному Кекуле во сне привиделись танцующие обезьяны, они подсказали учёному формулу

бензола и подарили всемирную известность. Эйнштейн сфантазировал жука на шаре и перевернул весь физический мир. Пирюткин призвал на помощи паука – и что же?..

«Сказки!» – отвечал другой запальчиво – «Вот, смотри, у тебя глаза есть?»

Паутина, как и ей положено, висела в углу, но при внимательном изучении оказалось, что она... в самом деле, ни к чему не приклеена. Паутина просто висела в углу, бог знает, на чём. Она колыхалась от ветра, который вырывался из носа Пирюткина, довольного Пирюткина, баюкая беспокойного паука.

Глава четвёртая

Всё в жизни, даже фантастическое, имеет свою незаметную, я бы даже сказал, мелочную предысторию. Вот мы уже наблюдали некоторое природное явление, – движение геометрической радуги по небу, над морем. И что из того? Пропала радуга, и никто не поверит, что она летала. Да и забыли о ней уже даже сами очевидцы, потому что событие более прозаическое отвлекло их – шляпа.

Дядя Митя, он же рыбак, до сих пор уверяет, что шляпа упала «оттель». Но имеет в виду дядя Митя сугубо лично своё. Он не только бросил выпивать, но даже надел белую рубашку и галстук, и теперь почти каждый день дежурит возле винного отдела. Пирюткин как-то видел такую сцену. Дядя Митя ухватил какого-то детину за руки и увещевал:

- Шура, не надо. Поверь слову, такое придумали – врагу не пожелаю. Я такое пережил – космонавту не приснится! Понимаешь, сначала свет, как по библии, потом комик какой-то в широкополой шляпе, весь вьётся аки бес!..

Детина недоверчиво смотрит на Митю свекольными глазами и вырывает руки.

- Да нет, стой, стой, Шура! – дядя Митя весь в запале, весь светился каким-то новым настроением – и вот, этот хлыст предлагает мне шляпу – примерь, мол. А ты сам понимаешь. Что такое рыбалка – я уж успел и раз, и два приложиться. Жара, развезло, и я и напаялил, как дурак, эту шляпу... Шура! Всё дело в шляпе, понимаешь? И вот меня развезло, так развезло, никогда в жизни такое не переносил! Повела сразу, понимаешь, во все стороны!

- Выпил бы – как рукой – запоздало посоветовал Шура

- Нет, и подумать не могли. Завязал. Завязал, как мешок, ибо во все стороны. Пойми, во все стороны, как песок разносят, как пыль, как пух!

- Хворь, какая – твердил Шура

- Эх, Шура, пойми, голова твоя бурачная, как же пить, ели при одной только мысли рта от ног не отличить! Где лево, где право, где зад, где что – не понять. И всё вертится, кругом...

Шура смотрел на дядю Митю, как на конченного человека

- Допился ты, братец, до чёртиков – сказал Шура и вырвал руки из цепких пальцев дяди Мити.

Не смог дядя Митя объяснить новое явление в жизни. Пирюткин видел всё это, и ему было и смешно, и грустно. Ведь дядя Митя правду говорил: может быть, не теми словами, какими б сказал её Василь или Сашка, но дядя Митя пытался её рассказать закоренелому выпивохе – и что?

Эх, да что там! Вот возьму сейчас, да и опишу, как в ясном небе появился вдруг тёмно-серебристый предмет овальной формы. Он повис на где-то высоте двух-трёх километров над уровнем моря и ничего не ждал. А, внизу, на открытых широких улицах Атомграда остановились автобусы, автомобили, народ высыпался из домов, дети из детских садов и даже – кто его знает – из яслей, и все, задрав головы, тоже чего-то ждали

«Вертолёт?»

«Не»

Конечно же, не вертолёт! Чего бы тогда все смотрели в небо – вертолёта не видели?

«Самолёт?»

«Не-а»

Ещё бы самолёт на одном месте висел

«Стратостат?»

«Метеозонд?»

И, может быть, впервые в жизни все они, житель этого славного города, почувствовали себя землянами. Потому что то, что зависла над морем, и есть самая настоящая... Есть то, о чём каждый думает, но не решается сказать.

Тут бы появиться Шуре и сказать всем: «Вы чего, а? Того? Ну, давай, завернём за угол, там гастроном есть...»

И ведь вдруг да прав окажется этот бедолага, – потому что серебристо-тёмная штукавина повисит-повисит, да и пропадёт в том же самом ясном небе. И попробуй, объясни, что покинула она Землю по той простой причине, что ей негде было, как говорят моряки, пришвартоваться, некуда было опуститься, приземлиться.

Мало оказалось этой космической штукаvine даже целой планеты!

Поверите?

То-то... Но об этом речь впереди.

Таким же не обычным явлением было то, что однажды днём пришёл к Пирюткину друг Сашка с новой идеей. Сашку надо знать, если ему что втемяшится в голову, какая-нибудь идея, он не откажется от неё до тех пор, пока не докажет или не проверит со всех сторон. И если Сашка отказался от идеи «гравитационного облучения», значит, его стояние на голове свои плоды дало. Сашка порозовел. А был бледноват. Глаза по-живому потемнели, а были после примерки шляпы мутно-коричневые.

- Наш город стал объектом западной контрразведки – сказал Сашка – я тебе докажу

Пирюткин посмотрел на своего друга внимательно, и ему стало от уверенного вида Секунды легче жить. Гора с души свалилась. Всё происходящее нормальный человек старается как-то объяснить. Пытался сделать это и Пирюткин, хотя по характеру, и без того двойственному, Василь Васильевич старался жить без объяснений. Но фантастика превращений, вся эта раздвоенность и прятки с самим собой, умение смотреть не только по привычной прямой, но и кривой, - всё это угнетало

И вот появляется Сашка и говорит: «У меня есть идея», а по лицу видно, что не одна. И пусть это не в характере Сашки – иметь сразу несколько идей, – всё равно уже легче жить. И можно, наконец, показаться на глаза Нади Естественной, одно дело кидать утюги в аквариум, другое дело совершать это ради идеи!

Пирюткин улыбнулся и протянул руку:

- С чем тебя и поздравляю.

Сашка отмахнулся.

Друзья вышли из дому, сели в автобус и поехали на берег моря.

Было жарко, дул ровный знойный ветер. Море было ленивым и зеленоватым. Вид у водорослей такой, словно где-то, в середине моря, их варят, и прибором варенье прибывает к берегу.

Шляпа плавала вон там? – утвердительно спросил Сашка – Ну так это была не шляпа. Это был электронный шпион. Поток попутного ветра принёс сюда воздушный шар, автоматика сработала, и шпион упал в море.

Пирюткин понимающе кивнул.

- А теперь, - сказал Секунда – встань на голову, а то не поймёшь

Мало Пирюткину своих недугов! Василь вздохнул и встал на голову

- Вот так я теперь всегда вижу – сказал Сашка

- Вверх ногами?! – удивился Василь

- Смотри внимательно... Разве ты видишь вверх ногами?

Пирюткин поболтал ногами в воздухе, начиная сомневаться в том, нормален ли друг его, Сашка Секунда.

- Смотри внимательнее! – потребовал Сашка

Василь видел море и небо. Море как было внизу, так и осталось. Небо тоже было на своём месте. Странно, почему Пирюткин уверен, что стоит вверх ногами?

Но минуто-две спустя, под воздействием ли Сашкиной идеи или от самовнушения Пирюткин заметил, что море стало вогнутым, и волны словно бегут от берега куда-то в середину, к какому-то магическому центру. Небо же, столь привычно открытое, воздушное, опустилось и стало плоским. Если бы голова, стоящая на земле, могла кружиться, Пирюткин упал бы. Но голова прочно стояла на земле, и Василь только глаза зажмурил, а когда открыл, увидел чайку. Видимо, и небо, и потоки воздуха стремительно бежали вслед за волнами, образуя вместе с ним гигантскую воронку, и птица каждым своим взмахом сопротивлялась этому бегу, летела не вперёд, а назад и вверх.

Но ещё более страшным предстал мир, когда Пирюткин как бы сверху увидел пароход – пароход тоже уходил от эпицентра, старательно преодолевая каждую волну... Страшно и весело было Василию.

- А теперь посмотри на берег – опять же приказал Сашка

Он увидел высоченную трубу ТЭЦ – памятник индустрии, увидел микрорайон и футбольное поле – всё то, что увидеть в нормальном состоянии невозможно, далеко. Теперь же всё предстало, как на ладони. Пирюткин даже увидел игроков на поле и, если зрение не врёт, чёрно-белый мяч, что летал меж футболистов.

- Ну вот – как бы догадавшись о превращениях, спросил Сашка – теперь ты понимаешь?

- Понимаю – признался Пирюткин, хотя, надо признаться, не понимал ничего. Видел, чувствовал, но, что же в этом было понятного? Перед взором Василя старый мир представился новым, как-то по-новому светились предметы, какой-то новый свет распространялся над этим миром, а что чему, Пирюткин, увы, не знал. Он полагался на Сашкину идею.

- Теперь ты понимаешь, что они хотят вывести из игры Накатова? - спросил, как утвердил, Сашка. Пирюткин так и лег на песок

- Накатов? Правый крайний?

- Они - Сашка показал на море, видимо, на то место, где плавала шляпа, - забросили электронного шпиона, чтобы тот... Понимаешь, они применили НОВЫЙ технический прием — голографию. Я советовался с папой, он сказал, что, может быть, даже лазерная, с помощью которой приказы, как образы, передаются прямо в мозг... Ты читал «Властелин мира»?

Было жарко. Василь почувствовал вдруг себя тем самым маленьким человечком, которым кто угодно может управлять на расстоянии. Это было обидно. Значит, «они» голографией, да еще запустили Пирюткину Василь Васильевичу, прямо в голову какой-то приказ, и вот он теперь, такой никчемный, не от мира сего, как последний в очереди к психиатру, стоит на берегу моря вверх ногами и разговаривает с таким же пациентом о том, игроку атомградской сборной грозит быть выбитым из предстоящей товарищеской встречи между клубом «Атом» и каким-то там иностранным... — Слышал анекдот? — сказал Пирюткин. — Два профессора вертят марсианина и спорят, где у него левая нога, а где правая.

Наконец, марсианин не выдержал и говорит: «У меня нет ни левой, ни правой, у меня есть только третья нога». Сашка не захотел понять юмор.

Мы должны найти шляпу и обезвредить, — сказал он.

Глава пятая

Так вот, из-за кого весь сыр-бор — через неделю будет долгожданный матч.

Атомградские болельщики — а это, считай, все: от трёхлетнего Виталика до единственного долгожителя ста с лишним летнего орденоносца двух войн казака Лаврушина Семена Проклонова - на тренировки ходят, как на футбол. Многие с портативными ЭВМ. Пирюткин сидит рядом со своим отцом. Вот пришли Надя Естественная и её папа, громкоголосый бородач. Следом появился Сашка со своим отцом. Нади смотрит на друзей мимолётными глазами, порой испытывая на них свои насмешливые улыбочки. Идет спор об игроках.

Поле яркое, ровное, зелёное. Мячи носятся над ним, точно круглые шахматные доски. Накатов тренируется у щита с цифрами. Он бьет все время в девятку.

Порой останавливается, начинает бить, мяч опять летит только в девять — Машина, — восхищенно говорит Сашкин папа.

— Его правую можно запрограммировать! — восклицает чудаковатый Надин папа. По его тону не понять, когда он шутит, когда нет.

— Это было бы неплохо, — поддерживает папа Василя, — измерить ударную силу ног, проанализировать движение... Это резко улучшило бы его игру.

— За Накатовым следят, — шепчет Сашка на ухо Пирит ну, — и все это давно уже измерено и запрограммировано.

Надин папа смеется:

— Когда добрые дяди объяснили сороконожке, как она бедняжка после этого не смогла сделать и шагу!

Сашкин папа возразил:

— Если превратить себя в машину сознательно, то в этом нет ничего плохого.

— Но это очень сложно, — сказал громко Надин папа. Пирюткину иной раз кажется, что так громко он говорит из-за того, что борода густая и сквозь нее можно только кричать. — Очень сложно превратить человека в машину. Сколько ни пытались, всегда застревали на полдороге.

Накатов теперь бил в семерку, его нога работала, как поршень.

— Мне кажется, — сказал папа Василя, — что виртуозность техники зависит от таланта.

Папа Пирюткина был карусельщиком на заводе и понимал толк в виртуозности.

— Может быть, — сказал Надин папа. — и очень даже может быть быть... Но вы скажите, чего мы ждём от матча - красоты или выигрыша?

Надин папа был инженером в конструкторском бюро завода, — И красоты, и выигрыша,

— В конечном счете — выигрыша - твердо сказал Сашкин папа. Он был диспетчером на атомной электростанции.

- Там всё видели и рассчитали, - снова зашептал Сашка, - каждого нашего игрока понял? А Накатову будут посылать сигналы голографические с помощью лазера: "Не торопись! Отдай мяч чужому! Споткнись!" Вот что будет.

Спор разгорался.

- Нет, - говорил папа Пирюткина, - мы хотим и красоты, и выигрыша. Иначе мы далеко зайдем...

- Согласитесь, - покрикивал Надин папа, - Накатов сейчас в переходном возрасте - либо он станет машинообразным профессионалом, либо виртуозом.

-Так, — неуверенно сказал папа Василя.

- Судя по всему, он колотит в щит, путь его ясен, — сказал Сашкин папа

Они на минуту примолкли. Накатов бил по цифирному щиту, посылая мяч то правой, то левой ногой.

— Давайте-ка вспомним последний чемпионат мира, — сказал Надин папа, — Кем мы восхищались? Бразильцами и французами, потому что они играли красиво. Даже проигрывали прекрасно...

— А кто победил? — сказал Сашкин папа. — Немцы. Победила четкая, расчетливая, можно сказать, запрограммированная игра.

— Понял? — шептал Сашка в ухо Пирюткину. — Сейчас котируется машинная игра, и тут выигрывает тот, кто первым научился управлять игроками противника.

Надя, поглядывая на друзей, откровенно насмехалась.

Сашкин папа продолжал:

- Красоту, которой блистали французы и бразильцы, немцы вобрали в себя, спрессовали энергию этой красоты, сделали ее более экономичной. Они оценили красоту по достоинству.

— Я что-то не заметил этого - сказал папа Василя.

Это уже другая, более совершенная красота, — упрямо говорил Сашкин папа.

В это время Накатов хотел перехватить отскочивший от щита мяч, но промахнулся и упал. Упал он ловко, и ему заплодировали.

- Ну, тут всё спорно - сказал Надин папа

- Тут и спорить нечего - сказал Сашкин папа.

Папа Василя молчал. Это огорчало Василя, он толкнул папу в бок: мол, что же ты!

— Кто ж спорит, — сказал папа Василя, — технологическая дисциплина нужна и в футболе... Но и красота нужна.

Ответ папы не очень понравился Василю, и он прошептал Сашке:

— А вдруг это вовсе не шпион, а простая шляпа? Вон Надя пас презирует...

Возмущению Сашкиному не было предела, Пирюткин даже отодвинулся от него чуть-чуть.

— Спорим! — напирал Сашка. — Нет, спорим'

Нет, Пирюткин спорить не хотел, потому что Сашкина идея и пугала его железной логикой. Вот если бы Надя предложила какую-нибудь идею, Василь поспорил бы, потому что Надины идеи всегда возникают интуитивно — так, во всяком случае, говорит Надя Естественная. Она обычно говорит: «Зачем тратить время и силы на логику, если в природе есть интуиция. А интуиция меня никогда не подводила».

Подводила, и не раз, но Пирюткину было бы приятно с ней спорить, потому что тогда это означало бы, что он для нее человек...

— Так мы ни до чего не договоримся, — досадливо сказал Надин папа. — Представьте, что перед нами не футбольное, а электронное. Футболисты-электрончики то сгущаются, то разбегаются вокруг мяча-ядра, и вся команда мечется туда-сюда, стараясь выбить как можно больше частиц-голов. Нужно затратить энергию, чтобы пробиться к мячу или удалиться от мяча, но и силы, которые отталкивают, иные, чем силы, которые притягивают, мы это чувствуем, так ведь?!

Когда Надин папа возбуждался, он с трудом говорил, кое-где мычал, глаза у него блистали. Пирюткин невольно следовал за речью Надиного папы, и перед его взором вдруг расцветал "цветник сил", электронное поле играло, как под ветром продолжало бежать, когда потерял мяч, когда его отняли, другое дело, когда бежишь, ожидая паса! Одно дело налетать на "ядро", стараясь его отнять, другое - когда ядро летит через всё поле, и вратарь замирает, напуганный его приближением! И так - до бесконечности, вот что! Каждый пас, каждый финтовый проход — новая форма силы! А Надин папа мычал:

— Теперь представьте, что электронное футбольное поле движется гармонично, и как ни разнообразны силы, в нем плещущие, а никакого атомного распада не происходит. Гармония управляет атомной энергией... Но человеку этого мало! Посмотрите на игроков...

Все молчали и смотрели на поле, где одна часть команды играла против другой в одни ворота

- Вы думаете, что человек прорывается к ядру так же красиво, как прорывается Накатов через защитников? Дудки Красоты ждать не приходится, ясно? Человек бьёт наотмашь.

Надин папа примолк. И все молчали. Неясно было, шутит Надин папа или нет.

- Э! – взмыкнул он – мы разгоняем какую-нибудь частицу и всаживаем её в ядро – бах! Мы наслаждаемся высвобожденной энергией. Но разве можно её сравнивать с энергией болельщиков, получивших удовольствие от красивого гола?! И такое обращение с природой называется управляемой реакцией! А как же природа? Она отвечает рождением новой частицы. А? Физики подозревают: ядро по своему строению элементарно, как футбольный мяч, но на всякую попытку разбить его, отвечает бесконечным разнообразием частиц! Футбол с бесконечным счётом нате вам!

В это время Накатов двумя рывками обошел защитников и тонко, чисто, всадил мяч в правый нижний угол.

Хорошо играет, красиво, - Надин папа, — только в одиночку.

Пирюткин некоторое время сидел, озарённый внезапной поэтической картинкой. Ему думалось, что в природе всё, наверное гораздо хитрее, чем в человеческой практике, что вот уже в этом фантастическом футбольном полеток бьёт по мячу, и по вратарю, и по воротам, значит, и мяч, и вратарь, и ворота все вместе и есть "ядро". И всякий удачный удар, завершившийся голом, даёт огромную энергию - вон как кричат и прыгают болельщики! Пирюткин смотрел теперь на футболистов новыми глазами и не мог вспомнить, как же он смотрел на них пять минут назад.

Глава шестая

Любезный читатель, мне, подозреваю, пришло время извиниться перед тобой за то, что я так долго злоупотреблял твоим доверием, обещал нечто фантастическое, а всё свел к тому, что одна футбольная команда встанет перед другой и должна будет демонстрировать какие-то таинственные таланты коллективной игры. Что из того, что в голове Сашки Нетребко, он же Секунда, появилась бредовая идея проникновения иностранной разведки на территорию Атомграда? Что из того, наконец, что Секунда, он же Нетребко, утверждает, что команда иностранного клуба состоит сплошь из запрограммированных игроков, что для управления пользуются какой-то невероятной лазерной голографией лазерным объёмным изображением, которое передаётся прямо в мозг игрока? В этом нет ничего такого, что заставило бы тебя, любезный читатель, как Василя Пирюткина, стать на голову и увидеть привычный мир в новом обличье... Ведь я уже говорил, что живем мы в тысяча девятьсот не признаюсь каком году и для того, чтобы понять, что происходит знать, что происходит! Нет у нас таких глаз и ушей, чтобы увидеть, как в атомном котле горит ядерное топливо. Мы вынуждены просто знать, что это происходит... Нет, я чувствую очень сильное недоверие со стороны любезного читателя. и потому приведу еще один пример.

Много ли надо знаний, чтобы понять, что два поезда, идущие навстречу, не столкнутся, а проскочат друг подле друга по параллельным рельсам? Смешно! Для этого надо один раз проехать на любом из этих поездов. Но это не всё. Много ли надо учиться, чтобы понять, что поезда сближаются друг относительно друга с удвоенными скоростями? Иной скажет: и учиться не надо. Достаточно, едучи на одном из этих поездов, обратить внимание одновременно и на то окно, мимо которого летит поезд, и на то окно, мимо которого бегут столбы и деревья.

Но и это ещё не всё. А теперь, любезный читатель, представь, что ты родился в оном из этих поездов, и никаких других деревьев ты не видел, кроме тех, что бегут за окном, кроме бегущих деревьев, и никаких других поездов, кроме летящих поездов. И вот, ответь мне, какими будут чувства твои этом мире? И еще хитрее: как ты будешь ощущать

эти чувства? Поистине, ты должен обладать удивительными способностями, ведь твои новые чувства воспринимают деревья, которые приближаются и удаляются со скоростью космической частицы в одно и то же время они здесь и не здесь.

Вот как. А чувств у тебя, любезный читатель, таких нет, организм твой не так устроен и не так быстр, а, значит, во все происходящее тебе надо поверить, уж коли ты познал. Как видишь, любезный читатель (если позволишь, и в дальнейшем буду называть тебя короче — л.ч., или, лучше, лч), я честно объяснял события. Я предлагал тебе вместе с Пирюткиным научиться смотреть по кривой и чудесно видеть, что делается за углом, или, как Сашка Секунда, посмотреть на мир перевёрнутыми глазами и увидеть мир, вроде тот же, и в то же время фантастически не тот. Но время проходит и, признаюсь, даже мои герои попривыкли к своему новому положению и стали забывать и о шляпе, и о чудесной радуге, что пересекала безоблачное небо над спокойным морем, привыкая к тому, что попали под действие "иностранныго лазера» и немного «простудились», когда...

Когда Надя Естественная просигналила: «Иди в парадняк!» Василь не ждал сигнала от Нади Естественной, потому что не в её это характере. Да вот, надо же. Василь скучал, что говорить. Приятная она девочка — острая; и язык острый, и глаза острые. А сердце Василя на остроту эту всегда почти отзывается нежностью.

Был, как всегда знойный день. Получив сигнал, Василь стал быстро одеваться. С некоторых пор ему легче было натягивать брюки сразу на обе ноги, он это и сделал, задрав ноги к потолку. Потом так же, подпрыгнув, он натянул кроссовки. Все эти упражнения стали выводить его маму из терпения.

— Ты за лето так разболтаешься, что не знаю! И чего тебя вертит?

Но все это говорилось уже вслед.

Какое-то шестое чувство твердило Василю, что Надя ему одному назначила свидание. Значит, что-то случилось потрясающее, значит, жизнь для Нади стала невозможной без того, чтобы сейчас, сию же минуту не увидеть его, Василя Пирюткина, не услышать умные его речи.

Еще не завернув за угол, по-своему обыкновению Василь увидел, что к условному "парадняку" на тех же оборотах идет Сашка Секунда.

Я вынужден, лч, сделать маленькое отступление. Потому что герой мой теперь стал человеком, очень чувствительным ко всяким внутренним превращениям чувств, ко всяким новым переживаниям. Пирюткин даже подозревать стал, что чувства его, как и его зрение, стали двигаться как бы по кривой, — а что это значит? А значит это, что Василь Пирюткин жил теперь весь во власти предчувствия! Попросту говоря, Пирюткин стал маяться. Мама с папой в один голос утверждали, что это от безделья, совсем не вникая в смысл сыновнего состояния.

И вот опять, разглядев из-за угла Секунду, Пирюткин понял, что минуту назад глупым образом себя обманывал, надеясь встретить Надю Естественную одну. Увы, не тот у нее характер, чтобы сообщать сногшибательную весть с глазу на глаз. Пирюткин смирился с тем, что быть им опять троим. Они вошли с Сашкой в прохладный «парадняк».

— Надежда в мрачном подземелье... — начал было Пирюткин, но разглядел еще одного участника совещания. На лестнице сидел дядя Митя.

Вид у дяди Мити был удрученный. Одет он был в костюм, шею под воротничком белой рубашки плотно охватывал галстук, на голове — шляпа. У Пирюткина даже сердце скомкалось, когда он увидел дядю Митю в этой форме — значит, в самом деле что-то произошло, если в тридцатиградусную жару человек надел костюм и шляпу... На ногах, правда, у дяди Мити были сандалеты, из которых выглядывали и шевелились очень нервные пальцы.

— Расскажи этим контрразведчикам, — запела Надя, — Расскажи, дядя Митя, пусть послушают.

Сашка фыркнул, но присел на ступеньку. Пирюткин продолжал стоять, прислонившись горячей спиной к прохладной стене!

— Бросили бы вы это, ребята, - сказал глухо дядя Митя - Тут, понимаешь, рыба уж очень большая дюбаёт. Утянет вас, ахнуть не успеете.

Дядя Митя раскурил сигарету и блестящими темными глазами посмотрел вначале на Сашку, потом на Пирюткина - От этого взгляда у Василя прибавилось прохлады, — Тёмная история. — продолжал дядя Митя. — Нет, и чего вам, молодым, недостаёт? Ну, купались бы, плавали на яхтах! Так нет же, ищите на голову приключений... Жизнь у вас — вон какая. А что было у нас? Я с десяти лет на работу подался, потому как уже податься было некуда. Сейчас котлы какие строят? А тогда я паровозные котлы чистил. На это дело, ребята, только мальцы подходили, ведь туда, в нутро-то, только малец и мог проползти.

дадут молоток, и давай — сбивай окалину. А как же ж темно, размахнуться негде, дышишь, не надышишься, но чистишь, тюкаешь, куда там!..

Друзья ждали долгой нравоучительной беседы, но дядя Митя круто повернул разговор: - Видел я эту шляпу!

Пирюткин посмотрел на Сашку — тот не терял легкой улыбки с лица.

— Я теперь по ночам не сплю. Душа у меня, точно на одной в одну сторону кружится, а сердце — на другой в другой, во как!

Пирюткину было бы интересно послушать «родственника», узнать, чем его, дядю Митю, "заразила» шляпа, но Василь не мог отделаться от чувства, что смотрит на дядю Митю глазами Сашки Секунды - мол, "чешет".

Ночами мне часто кажется, что зовет меня кто-то, может, с неба, а, может, ещё дальше, с самых звезд... А один раз даже пригрезилось такой, что в самые голодные годы не снилось! Вот вам слово непьющего человека, не мой это сон, не может мне такое присниться... а, все ж, привиделось... И дядя Митя рассказал ночью, в окне, как в телевизоре, увидел вдруг совсем другие звёзды, ближе мохнатее. А почти рядом оказывается, что впереди не подошва холма, а покатый горизонт и - конец планеты. У идущего ноги начинают скользить, и вот-вот он сорвётся с планеты и бухнется прямо в пустоту. А у самого этого горизонта медленно плывёт маленькая белесая планетка, и материки на ней розовые, потому что где-то всё же солнце такое странное светит, и это оно красит материки, и такое чувство щемящее, что это же наша Земля, такая махонькая откуда-то из другого места. А тёмный человек скользит и скользит по снежному склону и никак не может за что-нибудь ухватиться, нет у него сил или чего-то другого...

Дядя Митя дышал так, точно пробежал полкилометра, пот катился из-под шляпы по щекам, подбородку, капал на рубашку. Галстук, которым дядя Митя промокал лицо, совсем не помогал. Василю всегда было не по себе от чудесных рассказов, а тут и вовсе заворожило. Он забыл смотреть на все глаза Сашки, видел красивое, задумчивое лицо Нади и не мог не верить дяде де Мите.

Сашка опять фыркнул и сказал:

— Гуд бай, чилдренята.

— Ишь, муслик, — обиделся дядя Митя. Сашка растворился.

Василю стало легче. Теперь он мог со всей силой души верить в любую небылицу — потому что Надя была рядом

— Ты веришь, что это была «летающая тарелка»? — прямо спросила Надя Естественная.

Что мог ответить Пирюткин, находясь в мощном поле ее зелёных глаз?

— Верю.

— Эх, конченный ты человек, брат, — сказал дядя Митя — Да и мы не лучше.

Глава седьмая

Ни Пирюткин Василь Васильевич, ни повествователь этой истории, твой покорный слуга, лч, совсем не ожидали, что события повернутся таким образом, что Пирюткину придётся уйти в ночной дозор. Версия Нади Естественной о появлении и пропаже марсианской

шляпы, на первый взгляд похожая и не похожая на версию Сашки Секунды, практически очень роднилась с ней. Так, во всяком случае, подумал Пирюткин, когда Надя Естественная, обжигая его горящими зелёными глазами, говорила:

- Но это же естественно! И мы должны выяснить, кто украл шляпу.

Пирюткин хотел было пошутить, но нежность, которую он испытывал к Наде, сделала его беспомощным.

- К тому-у-у же - капризно пела Надя, - вы, вот, все приме-ерили её, а я нет. Я тоже хочу приме-е-ерить!

Чувство беспомощности Пирюткина перерастало в ощущение рыцарской силы, и он был готов служить прекрасной даме и любым её капризам.

- Считайте, что шляпа у ваших ног, мадам - воскликнул Пирюткин.

И вот теперь бродил по ночному городу, прислушиваясь к тишине и Присматриваясь к теням. А теней было очень много, Луна была такой яркой, что, казалось, - в небе две луны. Да и шумов было немало. От напряжённого вслушивания уши Василя тонко подрагивали. Этого он за собой ещё не замечал, и, надо сказать, струхнул, подумав: "Уж не осложняется ли моя болезнь? Чёртова шляпа!" Пирюткин вспомнил рассказ Джека Лондона, где описывался человек, больной своим желанием возвратиться к своим звериным предкам. Человек этот глубокими ночами бежал по холмам, выл, как волк, на луну, а днём был вроде бы нормальным...

Болезнь, видимо осложнялась, лч. Спину Пирюткина сотрясала мощная мышечная дрожь, и эти мгновения ему хотелось кинуться на землю и, задрав в ночное небо все четыре лапы, кататься и скулить. Сердце толкало разгорячённую кровь то в глаза, то в уши, то в ладони... Вдруг в действие вступил и нос Пирюткина - он ощутил сильный, соблазняющий запах колбасы. Пирюткин чуть не заскулил от голода, завертел головой, - но всюду было темно, окна молчали. А колбаса пахла всё сильнее и острее, и запах указывал на то, что спрятана она где-то близко, стоит только протянуть лапу... простите, руку!

После мучительного головокружения Пирюткин вспомнил, что в заднем кармане у него торчит бутерброд. Ещё никогда в жизни не ел он с таким звериным аппетитом, разрывая бумагу зубами, отплёвываясь и поскуливая от восторга. А в голове мелькали молниеносные мысли: "собачею, что ли... Особачиваюсь... Насобачился..."

Слизнув крошки с губ, Пирюткин глянул на луну и в диком восторге свистнул. "Нет, - подумал он, озираясь, - свист - это не то».

Ему хотелось закричать, зареветь или завывать. Но смущение ещё было сильно, он представлял, как покатывалась бы Надя Естественная, увидь его в таком состоянии - это уж даже не уют в аквариуме!

Пирюткин вспомнил, что у них во дворе, меж многоэтажек, дивёт одна маленькая, доходная, собачка. Днём она ко всем ластится, виляет непрерывно хвостом, выпрашивает непрерывно кусочки, и вид у неё, и глаза такие униженно добрые, такие глупо заискивающие, что даже коты плюют на неё. Но по ночам собачка эта рычит и воет с таким звериным накалом, что один охотник спросонья, решив, что это волк, пальнул из ружья.

Пирюткин сжался, не хватало ещё, чтобы и его отстреливали. Казалось, что "приступ собаки" подавил он силой человеческой воли, но беда, как говорится, не ходит одна: на углу чёрной громадины дома сидел рыжий кот.

Будь Пириуткин настоящим псом, Он был бы хитрым псом. Он не кинулся опрометью на извечную приманку, сдержался. Пириуткин подобрался весь, напрягся, все его чувства - и обоняние, и зрение, и ещё какое-то, которое чувствовало тепло кошачьего тела, всё слилось в одно игольчато-острое впечатление. Чувство это было мучительным, но, нельзя сказать, совсем незнакомым. Пириуткин видел, как каждый волосок кошачьей шерсти отсвечивает тоненьким нежным лучиком, и вспоминал, что в самом своём детстве испытывал нечто подобное, - когда играл с котёнком. Это были и нежность, и страх, и жестокость, - всё вместе. Пириуткин помнил, как обильно шла слюна, сладкая, едкая, как хотелось играть с комочком нежной шерсти, - и он так измучивал котёнка, так измучивался сам, что голова шла кругом.

Пириуткин сделал несколько шагов и остановился. Кот сидел всё так же спокойно, только чуть наклонил в сторону Василя уши. «Он и не подозревает, что я собака!» - мелькнуло в голове Василя радостная мысль. Тогда он сделал ещё несколько крадущихся шагов и уже хотел вежливо позвать...

- Кс кс кс - раздалось из-за угла.

Пириуткин прижался к стене дома и увидел, что за углом кто-то стоит.

— Кс кс

Кот всё так же сидел, только голову теперь повернул в сторону тени. Тень чуть-чуть продвинулась, и Пириуткин увидел, что тень эта в широкополой шляпе. Пириуткин, как зачарованный, смотрел, как медленно растёт тень, и в нём боролось новое чувство - может, даже человечье. Пириуткин не хотел, чтобы кот попал в чужие руки. Пириуткин хотел отстоять кота, другой Пириуткин хотел схватить чужака в широкополой, по всей вероятности, марсианской шляпе, третий Пириуткин хотел уже бежать без оглядки...

Тот, за углом, присел, и собачье обоняние Василя уловило запах ветчины "Ах, так!" - почти вслух подумал Василь Пириуткин и не сдержался

Тень чужака выпрямилась. Теперь и чужак знает, что за углом кто-то есть. Тень чужака сделала шаг вперёд. Сделал шаг и Пириуткин. Кот с любопытством переводил глаза с одного на другого.

Пириуткин был в очень выгодном положении - он, своим боковым зрением, видел того за углом, видел и его тень. А чужак не только не видел Василя, но и не обладал всеми теми собачьими достоинствами, которыми обладал Пириуткин. Чужак прижался к стене и замер.

Василь подумал было, что он решил удрать. Но тут чёрные облачка прикрыли луну. И в тот же момент чужак рванул к коту, однако Пириуткин ему не уступил. Они сцепились и, тяжело дыша, примеривались. Пириуткин провёл один приём, чужак не остался в долгу. И вот они оба на земле, скрипят зубами и отплёвывают песок.

- Вер бист ду? - сказал чужак. Он был без шляпы, потерял в драке

- А ты кто? - сказал Пириуткин

Чужак сплюнул и промолчал.

Кот не исчез, он ходил возле ребят и мурлыкал. Василь посмотрел на луну, потом перевёл взгляд на шляпу, лежащую на земле. Шляпа была ковбойской, и Василь уже знал, чья это шляпа. Она принадлежала его другу, Сашке Секунде.

Но вот Василь посмотрел на чужака и удивился. В этом парне было что-то знакомое: черты лица, насупленные брови, всё это было знакомо, но так изменено, что выглядело совсем уж незнакомым.

Чужак, показалось Василю, такими же глазами смотрел на Пириуткина. И всё происходило, как в дурном сне, всё, казалось, вот-вот прояснится, но тут же, подразнив, исчезало.

- Их бин Александр - сказал незнакомец. И голос его был незнаком Василю.

Да что ж такое происходит? Ночной мир словно двоился не только перед глазами, но и в душе Пириуткина. Он словно просыпался, но это было мучительно,

потому что, чем сильнее просыпался, тем отчетливее сознавал: перед ним Сашка, а вот это-то узнавание и было верхом муки, потому что черты лица друга, повадки друга были чужими.

Чтобы отвлечься, Василь позвал кота:

— Мурзик, Мурзик!

Кот доверчиво подошел. Василь стал гладить кота с облегчением, чувствуя, что кот источает живое тепло и мурлычит тоже привычно.

Сашка поднял шляпу, тряхнул ее, надел. Он был серьезен и поглядывал на Пирюткина искоса. Он хотел что-то сказать. Наконец он вздохнул и произнёс:

- Ти Вась-я? Пирюткин скоренько кивнул и даже шепнул:

- Да,

Сашка сказал ему по-немецки "до свидания" и пошёл в ночь. Василию хотелось крикнуть ему вдогонку: "Стой, что с тобой произошло? С чего мы дрались? Я же тебя хорошо знаю!" Но Василь промолчал. Он не могу крикнуть. Он ещё не проснулся, вернее, не проснулась одна половина его сознания, тогда как другая уже бодрствовала.

Ты уже знаешь, лч, что человеку трудно быть в таком раздвоенном состоянии. Это ведь всё равно, как если бы твой собственный двойник шагнул из зеркала и протянул бы руку для приветствия. Он протянул бы не ту руку

Состояние Василя было удручающим. Он вернулся домой, забыв попрощаться с Мурзиком. Он вернулся домой и молча лёг в кровать. Василию хотелось покоя... А чего хочет маятник? он хочет успокоиться. Ему не позавидуешь, из многих тысяч отклонений, неудобных положений маятник стремится занять одно-единственное положение - положение покоя! Это ли не мука?

Василь дремал, но вздрагивал. Ему казалось, что, если завтра, при солнечном свете, он так же, как Сашку, увидит Надю не в привычном "зеркале"! И Василь не хотел, чтобы следующий день приходил Василь не хотел, чтобы ноги подчинялись закону всемирного тяготения, а глаза доверяли солнечным лучам. И Василь дал себе слово - спать долго, до тех пор, пока всё само собою не образуется, как считал Василь, перешедшее от "марсианской" шляпы раздвоение личности. И Василь, наверное, выполнил бы данное себе слово, не подними его с постели одно событие.

Глава восьмая

Стадион слышен был за несколько кварталов. Над ним и небо казалось светлее и напряжённее, и словно бы под этим светлым куполом звоном раздавались людские голоса. Здесь была жизнь! Это была жизнь! Пирюткин забыл обо всех своих горестях, он озирает ряды болельщиков и то там, то здесь видел лица людей, чьи портреты не раз печатались в газетах, кого не раз показывали по телевизору — лица рабочих, инженеров, передовиков и ударников, что делали уникальное атомное оборудование для электростанций, и вот, не так давно, атомградский реактор был отправлен на Луну. Высмотрел Пирюткин и своих друзей. Сашка Секунда сидел рядом с отцом и делал вид, что не замечает Василя. И Василь понимал его и сочувствовал ему, как себе самому. Они уж думали, что последствия примерки шляпы прошли, но не тут-то было. И Ва-Секунда смотрит на своего старого друга глазами иностранца...или даже инопланетянина, он тот же, Сашка-то, и не тот, а чего-то существенно не достаёт. Василию от этих мыслей стало прохладно. Надя Естественная, может быть, первая увидела Василя, посмотрела раза два насмешливо, и потом не обращала внимания. На Пирюткин недолго огорчился. На поле вышли команды для разминки. Гости были в желтых майках и зеленых трусах. А заводчане — в бело-голубых майках и голубых трусах.

— Василь, а где наши? — И Василь сразу вспомнил, что рядом с ним брат Гришка.

Игра одной команды мало чем отличалась от игры другой. Игроки неторопливо, лениво как-то перебрасывали мяч, нападающие, не разбегаясь, коротко, резко били по воротам. Даже Накатов терялся в этом монотонном перемещении. И Пирюткин насмешливо думал: «Ну, какая тут голография! Какие такие управляемые игроки!»

— Василь, — снова пристал Гришка, — дядя Митя говорит, что шляпа тоже придет на футбол.

— Сам ты шляпа, — поучительно сказал старший брат. Гришка обиделся и спрятал нос под панамку.

Вот вышел судья, пригласил капитанов. Команды рассыпались по полю — голубые слева, желтые — справа. Мгновение тишины, во время которого Пирюткин подумал, что если «дас флигенд теллер л» и появлялась на Земле, то уж ни одного интересного матча и не пропустила! Не зря ведь говорят, что футбол — игра, не требующая разъяснений...

Под светлым куполом неба, над притихшим стадионом раздался глухой, короткий свисток.

Игра!

И с первой же минуты зрение стало подводить Василя — он не мог наблюдать за игрой, чтобы одновременно не видеть, например, лица Нади Естественной. Вот вредный же у неё характер! Самоуверенность ее может вывести из себя бегемота! А когда она принималась насмешливо напевать, тут уж никакого терпения не хватало. Вон как она впиалась в игроков — небось, болеет за Накатова. Ну ладно, пусть весь стадион за него болеет, но Василю было очень обидно, что среди всех и Надя.

Голубые взяли мяч и перестроились для атаки. Накатов ловко ходил по своему краю; мяч, похожий на круглую шахматную доску, перебежал от игрока к игроку, словно исполнял какой-то красивый танец. И вообще ВСЯ игра была похожа на фантастический шахматный турнир — фигуры-игроки бегали вокруг шарообразной доски, порой ловили её, прикидывали расстановку сил и тут же делали ход, посылали доску другому. Вот острый момент у ворот жёлтых - трое нападающих, подзадоренные напором Накатова, вошли в штрафную и разыграли короткую комбинацию - ход вправо, ход влево, удар, шах! Вратарь поймал шахматный мяч и послал его на середину поля.

Пирюткин видел Сашку, тот два рала подскочил — так волновался. Но вот он состроил возмущенную гримасу, потому что на поле инцидент, судья дал свисток и назначил и назначил одиннадцатиметровый в ворота жёлтых... Их надо понять - жара, ни ветерка, ни облачка. Рёв трибун подогревает и без того накалённый воздух... Накатов ставит мяч на отметку, отходит, секунду-две стоит, резко отталкивается, разбег, удар.

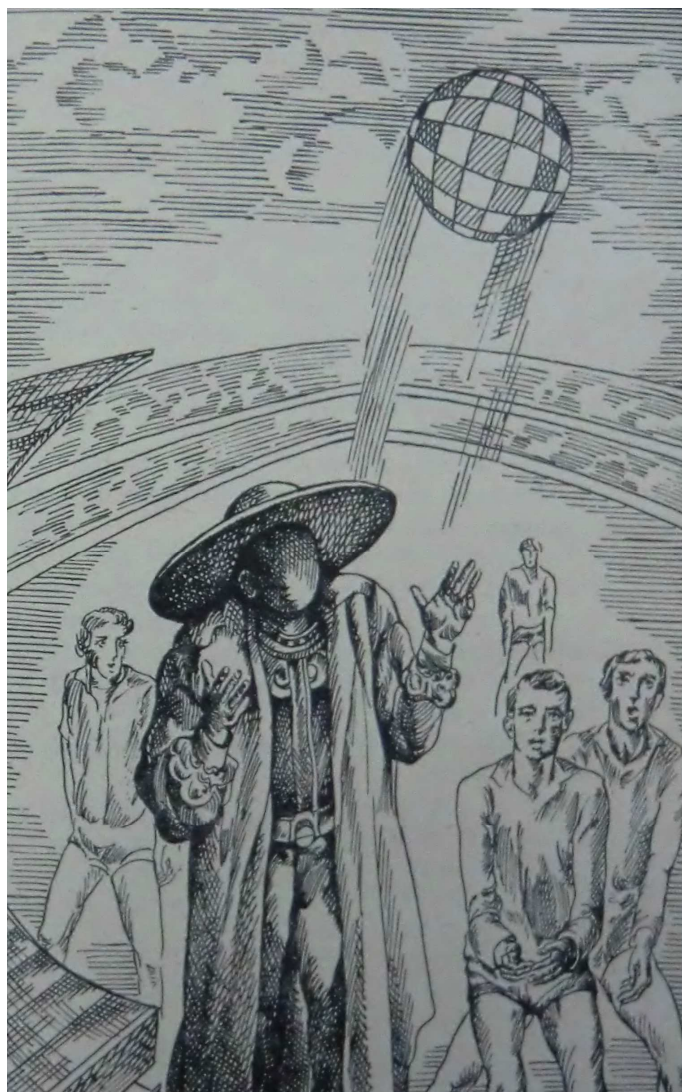
Гол? Нет, вратарь опередил - и как! Этот удар нельзя было опередить, невозможно, вы понимаете? Пирюткин замер, притих, съёжился — потому что он видел лучше всех. Да на всём стадионе было человека, который видел бы то, что видел Пирюткин с его необычным зрением. Судью на мыло! Он не видит того, что вратарь жёлтых упреждает Накатова Он не видит того, что вратарь жёлтых упреждает Накатова почти в каждом его обманном движении! Он действует так, бкдто уверен, как поведёт себя Накатов и куда ударит...

"Нет, я требую - кричал кому-то Пирюткин, молча, разумеется, — я требую, чтобы всё это было заснято на скоростную плёнку! Вратарь предвидел удар Накатова!" Пирюткин красными глазами смотрел на папу, но тот был как и все на стадионе, болел с тем же азартом, что ничего не заметил.

С этого момента Василь стал замечать, что жёлтые ведут себя как-то не так, как голубые. Вот, например, семёрка - бежит, и почти не размахивая руками, голова не вертится, но семёрка берёт мяч, тремя обманными движениями обходит голубого и точно передаёт мяч на правый край. Разве так бегают, так обманывают нормальные игроки? Нет, это управляемые, это запрограммированные игроки!

Пирюткин мокрый от пота, рубашка прилипла к спине, к бокам, к животу.

Вот опять атакуют жёлтые, защита голубых растянулась, в прорыв уходит жёлтая семёрка, на негнущихся ногах врывается в штрафную, перебрасывает мяч через голубого защитника, правый нападающих жёлтых набегают на мяч, удар, штанга, ещё удар... Стадион гремит! Стадион грохочет так, что птицы облетают его

далеко стороной.

Кончается половина матча, и никто, никто не замечает того, что видит Василь Пирюткин!

Вот вам, пожалуйста, случай не заставил себя долго ждать. Накатов опять с мячом, слегка медлит, поджидая левого нападающего, врывается в штрафную, оттягивает на себя двух защитников, тонким низовым посылает мяч левому; тот с разбега, без остановки, как говорится, не разбираясь в ногах, бьёт по воротам - гол...

- Должен быть гол. ты, шляпа! - кричит Пирюткин, срывая досаду на Гришке. должен, должен.

Но как объяснить всему стадиону, что с мячом, этой круглой шахматной доской, происходит что-то странное — своим магическим зрением Пирюткин видит, как мяч идёт в ворота, как вратарь запаздывает, мяч в полуметре от протянутых рук движется в нижний угол, но, не достигнув уровня штанги, виляет влево и в выкатывается за пределы поля.

"Нет - лихорадочно думает Василь - дело не в управляемых игроках! Тут... магнитные ловушки... гравитационные барьеры, что там ваша голография, ваша мафия!"

Перерыв. Но никто не расходится. Напряжение звучит на одной высокой ноте. Гришка что-то спрашивает у Василя, потом, не дождавсь ответа, тербит папу. Папа вытирает пот, спорит с соседями. Василь смотрит на Сашку Секунду и думает: «Тебе бы на голову встать, может, тогда заметил бы, шляпа!» Но Сашке и без того было не по себе. Улыбается и Надя Естественная, запрокидывая голову, весело пьёт из бутылки лимонад. Василь, словно не доверяя солнечному свету, жаркому воздуху, прижимает ладонь к ладони, потом ладони к глазам, думает: "Неужели же игра в самом деле управляется... Может быть, где-то в космосе висит спутник или станция, на которой установлена гравитационная пушка. Наблюдатель следит за игрой и в критические моменты - бац! — стреляет перед мячом магнитным зарядом, посылает магнитную волну, и мяч отскакивает!"

Впрочем, в азарте, Василь сначала не хотел замечать, что то же самое происходит и у ворот голубых. "Значит..." - думает Василь. но что "значит", он не успевает подумать - свисток.

Игроки кидаются в атаку, а мяч из-под двух сошедшихся футболистов выворачивается, по непонятной кривой покидает поле и оказывается в руках какого-то мужчины в широкополой шляпе, который тоже непонятно как оказался у боковой линии, прижимая мяч к груди, бежит к центру поля, где останавливается, кланяется на четыре стороны и принимается жонглировать мячом.

Игроки растерянно наблюдают за этой фигурой в шляпе. Болельщики хранят молчание. Судья оглядывается по сторонам. Милиционер ждет знака судьбы. Первыми не выдерживают болельщики, стадион взрывается свистом и ревом, в воздух летят шляпы и зонтики. Но чем яростнее чувства, тем развязнее ведет себя человек в широкополой шляпе. Он опять четыре кланяется, прыгает, подбрасывает мяч, в общем, выражает безумный восторг.

Надо сказать, что среди сотен болельщиков находится один, что кричит не в унисон, не возмущается, а как-то удивленно радуется, и Пирюткин не может его не видеть — это дядя Митя. Он приветливо машет безумцу, что кривляется в центре поля, и что-то кричит ему. Судья машет всеми руками, игроки нехотя сходятся к милиционеру, наконец, решается в летит наискось прямо на нарушителя международной игры... Свистки судьи и милиционера зазвучали одновременно, и незнакомец вдруг повел себя трусливо. Он бросил мяч, схватился руками за поля шляпы и припустил так быстро, что его ноги, казалось - да что там "казалось"! - не касались земли

Глава девятая

Кто выиграл этой встрече, интересуется тебя, лч? Выиграла, прежде всего, наука. Она обогатилась такой вещью, которая соперничает по уникальности не только с атомными ускорителями, Бермудским треугольником или Тунгусским метеоритом. Надин папа сказал, что это космический вестник иного разума. Речь идёт о футбольном мяче, который...

Вот опять заминка! А как хотелось бы вести повествование прямо, без объяснений и оговорок! Впрочем, лч, у меня есть оправдание.

Сердце Василя Васильевича тяжело забилося; он не знал, что делать, как вести себя. И его память надо, ведь младший брат как бы выставляет его, старшего, за дверь, дает понять ему, словно глупому сосунку, что есть вещи, которые ему знать рано. Что делать? Сила и право старшего требовали немедленной расправы с ослушником. Но Василь понимал, что силой тут не возьмешь, и это обижало еще больше. Тогда оставалось другое — не обращать внимания, плюнуть и забыть.

Просто Василь радовал себя принятием окончательного решения. Это доставило ему радость, очень приятную после стольких дней волнения и болезненной раздвоенности.

Впрочем, как станет известно чуть попозже, радость явилась ненадолго. Радость покидала Василя Пирюткина постепенно. Вся семья ужинает. Мама спокойно предлагает одному кашу — известно, кому, — другому бутерброд, третьему сметану. Папа подмигивает Василию:

— Как там ваши фантастические дела?

Папа намекает на то, что все выдумки о «летающей тарелке» и разных «гравитационных лучах» и управляемых людях — чепуха по сравнению с этим вывернутым мячом! Вот загадка так загадка.

— Ищут все этого гражданина, что помешал игре, — сказал папа. Гришка осторожно стянул с хлеба кусок колбасы и сунул под стол.

— А что вы думаете об этом мяче? — приставал папа. «Детская жизнь кончилась, — грустно подумал Василь. — Теперь обо всем надо думать».

— Мяч как мяч, — ответил он. — И таким можно в футбол играть. Папа удивлённо взглянул на старшего сына. Но Пирюткин даже не смутился, раз он уже взрослый, значит, может иметь собственное мнение, пусть оно даже глупое!

— Вежливый кот, — сказала мама, вместе с Гришкой кормя рыжего гостя — Где же он будет жить?

Гришка ушел в свой угол, принялся за пластилин. Василь облегчённо лёг на кровать и стал думать. Он думал о том, что время показывало, кто вырастет быстрее, а кто еще в коротких штанишках холит. Василь имел в виду, прежде всего, Сашку Секунду и Надю Естественную. Они носятся со своими детскими бреднями - один со шпионажем и лазерной голографией, другая - с марсианами и «летающими тарелками» Нет, Василь человек земной и достаточно трезвый, чтобы не ломать над этим голову. Всё, что было с ним, — было болезнью роста. А теперь он помудрел, теперь он независимый человек, и никакими чудесами в решете его с толку не сбить.

Василь повернулся на бок и стал смотреть на Гришкины развлечения. Гришка в очередной раз лепил странную фигурку в широкополой шляпе. Руки длинные, ноги длинные", лица почти, нос совсем не там, где положено по природе... Василию стало почему-то неприятно, что-то эта фигура ему напоминала. И память недолго мучила забывчивостью - Василь вспомнил футбольное поле и странного человека в широкополой шляпе. Того самого, что подарил атомградцам чудесный мяч!

Василь подскочил на кровати и спросил:

— Где ты видел этого человека? Гришка пожал плечами:

— На стадионе.

— А раньше! Раньше! — требовал Василь.

Вот на этот вопрос Гришка не ответил. И Василь видел, как трудно младшему брату хранить молчание.

Тогда он решил применить тактическую хитрость.

— Не хочешь сказать брату? Родному брату не хочешь сказать? Ну ладно, молчи, молчи, если тебе хочется. Ладно-ладно, но не проси меня больше, ни о чем, понял?

Василь донимал вот такими жалящими речами Гришку минут двадцать. Гришка угрюмо молчал, вздыхал, шмыгал носом и — сдался.

— Ладно... — сказал он.

Что поделаешь с этим характером! Василь Пирюткин. этот взрослый, самостоятельный человек, обиделся. Младший брат, видите ли, сделал одолжение! Да не нужны ему, Василию, эти жалкие одолжения! И неизвестно, чем бы кончилась эта повесть, если бы он

Пирюткин стал упорствовать в своей обиде, если бы он обиделся на весь белый свет, на друзей с их детскими бреднями и замкнулся в себе. Но жизнь хитрее оказалась, повернула всё внезапной для Пирюткина стороной, когда ему, Василь Васильевичу, как бы нехотя,

пришлось согласиться со своим младшим братом. Причиной послужил рыжий кот – он запросился на улицу. Мама вздохнула и сказала:

- Можно, но пусть за вами последит Василь.

Глава десятая

Ночь была ясной, лунной. Дома казались выше самих себя, а тополя словно подернуты электрическими разрядами. Кот бежал неторопливым бегом, нигде не останавливаясь. Оба брата поспешали, и Пирюткин недовольно поучал:

— Если взял кота, то и следи за ним сам! Вот теперь и мне покоя нет. Куда он бежит, а? Ты что же, позвать его не можешь?

— Я не знаю, как его зовут, — ответил Гришка.

А кот, видимо, знал, куда бежит. Да и Гришка знал — старшего брата не проведешь! Вот и ограда детского сада, кот остановился у калиточки и мяукнул.

Через минуту из-за кустов сирени раздался голос:

— А я слышу, свои голос подают. — калиточку открыл дядя Митя. — Сторожую, — сказал он Василию, как будто ждал его прихода.

Василь поднялся по ступенькам в избушку на курьих ножках, где и предстал перед всей честной компанией. Надя Естественная Пропела не очень насмешливо:

— Пирю-у-уткин, у тебя ню-у-ух на внеземные цивилиза-а-ации!

Напротив неё сидел тот самый гражданин в широкополой шляпе, и в лунном свете Василь видел, как колыхнется бахрома, излучая тонкое сияние

— Его зовут Кисиел — сказала Надя Естественная. Незнакомец протянул руку. Василь пожал её, облившись потом - ладонь была без пальцев.

— Мы тут спорим - сказал дядя Митя — Она говорит, что он отшель прибыл - дядя Митя показал в окно избушки, где частым дымом висели звёзды, - а я поразмыслил и думаю что он есть жертва загрязнения окружающей природы. И человек, и нечеловек, какой есть

Пирюткин настороженно смотрел на Кисиела — тот тоже не оставался в долгу, на лице его появилось сразу три глаза, яркие, белые.

- Ты не понимаешь, дядя Митя — спорила Надя Естественная -

Он заблудился или что-то другое случилось он и объяснить еще толком не может. Мне кажется, он столько пережил во время своего космического приключения!

Пирюткин заметил, что Кисиел убрал с лица один глаз. Теперь одним он смотрел на кота, другим - на Надю.

- Как бы там ни было, - сказал, вздохнув, дядя Митя, - чело-веку помощь нужна.

- П-омо-щь, - повторил Кисиел, и Пирюткин вздрогнул от его голоса - трудно передать звучание, тон, потому что каждую букву Кисиел произносил сразу двумя звуками, аккордом. Но это не было пением. Пробовал кто-нибудь из вас, лч, спеть мягкий знак! Кисиел смог, и это, сам понимаешь, не было пением.

Несмотря на то, что внешность Кисиела сбивала Пирюткина с толку, Василь сразу проникся к этому странному человеку глубокой симпатией. Пирюткину казалось, что он понимает Кисиела.

У Кисиела глаза появлялись в таком количестве, какое было нужно ему в данный момент. Еще вольнее он обращался со своим ртом, который, бывало, напрочь исчезал. Все это Василь сумел разглядеть при яркой луне, свет которой квадратными лучами падал в оба окна избушки на курьих ножках. И все увиденное был будто давно знакомо Пирюткину, ему так и хотелось сказать голосом Нади Естественной: «Но это же естественно!» Зачем лишние глаза, когда можно обойтись и одним. И к чему рот, когда хочется молчать?

- Сколь ни пытаю, никак не скажет, откуда родом - сказал Дядя Митя. — Ну вот, мож, ты допытаешь?

Василь молчал. Он словно вдруг перенял настроение Кисиела, и ему не хотелось говорить. У него как бы не стало рта, глаза есть, а рот исчез, стерся с лица. Вместе с человеческой речью. Василь глядел на переливчатое лицо Кисиела и чувствовал, как трудно пришельцу жить.

«Мы для него, быть может, мотыльки,- думал Василь, - мошки ночные. Найди-ка с нами общий язык!»

- А как же так чтобы у человека родины не было? — допытывался дядя Митя.— Так не бывает...

- А, может, он забыл - предложил Гришка

— Вот я и говорю: жертва загрязненной среды! —убежденно сказал дядя Митя.

— Да что вы заладили! — вмешалась Надя. — Мы просто не знаем, кто он, ясно?

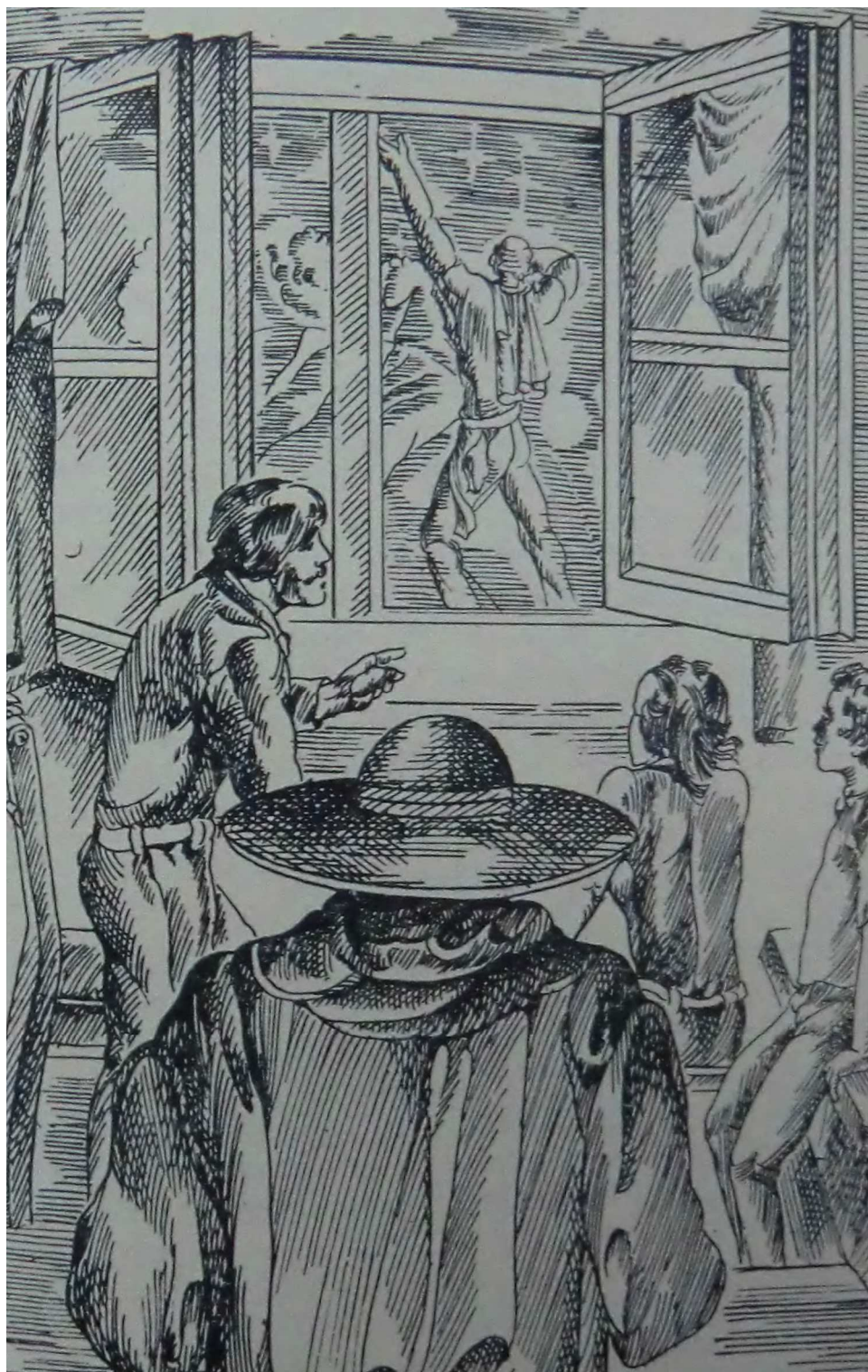
Кисиел молчал. Никто не знал, что он думает. Молчал и Василь, и кто знал, что думает он? А он думал, что вот наступила такая пора, когда он готов снисходительно и веско сказать Наде: «Ты еще мала, чтобы понимать такие вещи!.. Такие вещи, которые и словами не выразишь». Вот что готов был сказать Василь, да хорошо, что рот у него и язык как бы отсутствовали!

Нет, лч, положительно с приходом этого странного человека в широкополой шляпе (да-да, той самой, что Сашка с Василем примеряли в море!) в мире что-то перевернулось, если Пирюткин готов был сказать такие невероятные слова — и кому? Наде Естественной! Кто этот человек? Что ему надо? Что за непонятная манера — вытаращивать сразу по три-четыре, а то и пять глаз! А голос! Это не голос, это игра на скрипке с напильником вместо смычка. И все же — это человек, дядя Митя в этом уверен, пусть и ругает загрязненную среду. Да и Надя тоже уверена, что это существо разумное. А как узнать, насколько разумно и, главное, как оно разумно?

Вот Пирюткину почему-то ничего этого узнавать не хотелось. Он просто знал этого человека. Когда познакомился? А, вероятно» никогда раньше и не знакомился. Вот только один раз шляпу его примерил и — точно сто лет знаком. Василь сожалел, что нет рядом Сашки — он тоже принял бы Кисиела за явление естественное...

— Я предлагаю программу ознакомления Кисиела с нашей жизнью, — сказала Надя Естественная — Прежде всего мы отправим его к нашим врачам, пусть проверят, здоров ли он. Затем мы покажем ему наш завод и узнаем, насколько развит его мозг, и в том ли направлении развит, что и наш, земной. И, наконец, культурные мероприятия — кино, концерты. Ясно?

Никто не возразил. Только дядя Митя попросил:

- На рыбалочку бы его сводить, ушицы ему свеженькой... Ах, дьявол, я ж и забыл, что он не ест нашу пищу!

Ничего, повторяю, Пирюткина не удивляло в Кисиеле. Пирюткин сам хотел быть таким же - человеком ниоткуда.

- Дядя Кисиел, - сказал Гришка - а вы телевизор покажете?

- Т-еле-взр - повторил Кисиел, и бахрома на его шляпе засветилась ярче. Кисиел снял шляпу, обнажив темную безволосую голову, взмахнул шляпой перед окошком, звёздное небо приблизилось, у самого переплёта окна возник круглый бок планеты, потом — снежный сад на холме, тягучие, заиндевшие ветви, казалось, касались оконной рамы. Кто-то шёл спиной к земным наблюдателям, обходя, отстраняя тяжёлые ветви, и вдруг

земляне увидели, что сад расположен не на холме, что это просто-напросто крутой горизонт в звезды висят прямо над садом, вселенский туман окутывает деревья. А из-за вдутого горизонта всходит луна, очень похожая на Землю, небольшая, белесая планетка, на которой светятся розовые континенты. И всё это было страшно и притягательно; казалось, тот, кто идёт по заиндевавшему саду в любой момент может поскользнуться и сорваться прямо в пустоту и, может быть, будет долго, мучительно долго ведать на белесую плакетку, где так тепло светятся розовые континенты...

Глава одиннадцатая

Станным может показаться на первый, непосвященный, взгляд то, что воображение атомградцев было поглощено вывернутым мячом, а не собственно человеком в широкополой шляпе. Но, лч, разве впечатляющие головоломки не соблазнительнее каких-то там странных людей с шестью глазами? Сашка Секунда, например, весь уехал в разгадку уникального мяча, он не обратил внимания на то, что друзья его как-то отъединились; занялись воспитанием темноликого субъекта. Сашка ничего не видел вокруг. Он на пороге отвергал утверждение Надиного папы, что в земных условиях невозможности придать мячу его первоначальную круглую форму.

- Он говорит вам, — возмущенно говорил папа своему сыну, - что этот мяч побывал в каком то другом пространстве, каком-то другом времени. Но вот же он, мяч этот» мы его щупаем, мы его видим! Значит, мы смоём его восстановить его, верно?

Секунда кивал головой хотя как раз эта самая голова мозга которой были похожи на этот самый мяч, - тоже давно была вывернута я открою маленькую тайну, лч, Секунда искал разгадки мяча, надеясь, что тем самым он приведет в порядок и свою голову. Мы научились... почти научились управлять движением ядер, научились создавать новые молекулы! Эйнштейний, менделевий — и какой-то футбольный мяч! — так рассуждал папа Сашки Секунды.

А в это время новый питомец детского сада, некий Кисиел. Жертва загрязнения окружающей среды, как полагал дядя Митя или астронавт с «летающей тарелки», как полагала Надя Естественная, всюду развлекался с малышкой. Надя смотрят на все его проделки с немим восхищением. Пирюткин со снисходительной усмешкой. Они наблюдают со стороны, как резвятся малышня в своем бассейне — "лягушатнике», Кисиел по пояс в воде, в своей неизменной шляпе, брызжет на ребят водой, на лице у него штук десять глаз, ладони лопатками, и он поднимает фонтаны воды. И за всем этим весельем, брызгами, криками не сразу замечают Василь с Надей волшебные превращения. Кисиел снял шляпу, начинает ею ворожить над водой, и вода превращается в живую, вода поднимается столбом, закручивается спиралью, опускается в бассейн и взвивается десятками фонтанов, взвивается метра на три в высоту и - замирает. Кисиел сооружает заросли, горки, пузыря из воды, н ребяташки, визжа, кидаются я атя заросли» ныряют в пузыри, катятся с водяных горок. Надя готова имеет с малышкой кинуться в бассейн, она смеется, ловят маленький пузырь, мнет его в руках, подбрасывает, как мяч, и бьёт ладонью!

Взмах шляпой — я вода спокойно укладывается в свое бетонное ложе.

- Здорово - говорит Надя, и глаза у нее светятся такими же искрами, какими сверкает шляпа Кисиела. - На их планете, наверное, Все из воды, понимаешь? И деревья, и камни. Она мечтательно смотрит на Василя, и тот понимает, что всё это время волосы у него на голове стояли дыбом и только теперь спокойно легли на место, ненадолго, правда, потому что в следующую минуту Кисиел проделывает очередной фокус, и Надя невольно хватается руку Василя своей горячей ладонью. Василь сражен, он ее видит волшебных взмахов шляпы, не понимает, что карусель, на которую взгромоздились малыши вместе с Кисиелом, вертолёт без мотора, одним только мановением «марсианской» шляпы. Василию

хочется, чтобы Кисиел забавлял ребятшек долго, очень долго, чтобы никогда не кончалось это волшебство. И еще мелькает мысль в перевернутой голове Пирюткина: «Упрошу его взять нас с Надей «а его планету... А если Надя не захочет, украду ее!» Как он это сделает, Пирюткин не представлял, но был убежден, что с помощью Кисиел а сделать это будет нетрудно — раз, шляпой взмахнул — и уже во Вселенной, два — и на планете!

А Кисиел уже предлагал другую игру — на территории детсада стоял деревянный невсамделишный вертолет, подарок шефов. Вот на атом вертолете и катал Кисиел детей с помощью своей шляпы, разумеется. Вертолет, как стрекоза, бесшумно поднимался в жаркое, безоблачное небо, делал два-три круга и так же бесшумно, словно на магнитной подушке, приземлялся.

Дошла очередь и до Василя с Надей. Они кое-как — не маленькие! — поместились в кабине и посмеивались смущенно, глядя на толпу возбужденных «лягушат». Кисиел поколдовал над вертолетом, и — дух захватило, страх объял Василя, словно его подхватил скоростной лифт. Земля резко отдалялась, и детсад и соседние дома уменьшились до размеров спичечных коробков. Земля как бы выгибалась, края опускались, и делались видны поля, море, синие коробочки завода.

- Ой-ой-он, — радостно стонала Надя и дергала Василя за руку.

Ветер, резкий, прохладный врывается в щели вертолётника, солнце появлялось то справа, то слева. Было тихо-тихо, только шипение ветра — это было удивительно и страшновато. Вертолет летел силою непонятной, и все время чудилось, что он падает, — ведь не было слышно работы мотора! Да и какой мотор в модели вертолёта, в детской игрушке? Так летают на Земле только планеры или дельтапланы...

Атомный двигатель тоже работает бесшумно, но надо приспособить к нему целое озеро воды, которое, нагреваясь, в виде пара станет двигать турбины, а турбины будут вращать гигантские торы, и уж потом появятся энергия в нужном количестве — вот, какой долгий путь!

А тут — взмах лохматой шляпы, детская забава. Фантастика!

По невидимой горке вертолет упал вниз и тихо прилепился к площадке

Василь был переполнен впечатлениями. Но, как и раньше, удва* ление непонятым мало тревожило его. А теперь он заметил, чтх>1 Кисиел делается все озабоченнее, глаз на его лице стало меньше. Он развлекал детей, а думал, как видно, о чем-то своем.

— Ему нездоровится, — сказал Василь Наде, и Надя нахмурилась, она словно одернула себя, устыдившись детской своей забывчивости.

— Да, — сказала она, — его надо показать врачу.

Но не вести же Кисиела в поликлинику! Надя предложила показать его знакомому детскому врачу-пенсионеру. Жил он на одной из старых улочек, в двухэтажном доме, куда и заявились друзья.

— Тимофей Никитич, — сказала Надя Естественная, — мы не можем сказать вам всей правды о происхождении Кисиела, мы и сами не все знаем... Посмотрите его!

Тимофей Никитич ничем не выдал своего удивления. Он спокойно надел белый халат, прицепил на шею стетоскоп, протер очки.

— На что... молодой человек, жалуемся? — спросил Тимофей Никитич.

Кисиел быстренько сделал рот и сказал:

— Жалую-с-ь.

— А нельзя ля попросить вас снять рубашку?

Наступило молчание. Кисиел посмотрел третьим глазом на Надю, Надя отвернулась. Но Василь-то сразу понял, что Кисиелу нечего снимать. Костюм его представлял собой что-то похожее на спортивный, но брюки и куртка составляли одно целое.

— Ну хорошо. — согласился доктор, — я послушаю вас через рубашку.

Тимофей Никитич приложил к груди Кисиела стетоскоп и зажмурил глаза. С этого момента Тимофей Никитич стал неудержимо краснеть, но, краснея, он вдруг взволнованно заговорил:

- Ну, время, я вам скажу, молодые люди! Атомное время! Не успеваю читать специальную литературу, хоть и на пенсии - говоря,

Тимофей Никитич лихорадочно переставлял микрофончик стетоскопа на груди Кисиела. — читаю торопливо, может быть, что-нибудь и пропустил... Знаю, что уже пересаживают печень почки... хорошо приживаются сосуды... Так, молодой человек, повернитесь-ка спиной... ага... Да что там говорить! Вот и сердце... что? Я говорю сердце тоже... пересаживают... но вот куда его пересаживают? Что?

- Как это — куда? — спросила Надя.

- Вот и я спрашиваю — куда? Где оно, сердце? - Тимофей Никитич краснел все сильнее.

- И старый профессионал, и, наконец, врач! Я понимаю... умом, что природу надо и можно... можно и надо совершенствовать... В конце концов, почему аппендикс должен быть обязательно здесь, а не где-нибудь в пятке, например, а? Его оттуда и удалять легче... И сердце, я понимаю, слово святое... с ним столько связано в нашей культуре, но, если мм научно вывели, что сердце лучше всего расположить... где-нибудь в другом месте... А? Где, простите, ваше сердце?

Вопрос относился к Кисиелу. Видимо, Тимофею Никитичу очень трудно было задать тот вопрос, но, задав, он уже испытывал некоторое облегчение, достал носовой платок и вытер вспотевшее лицо. Каскад молчал. Тогда Надя осторожно сказал

— А может быть, у него нет сердца... Ну, такого, как у всех!

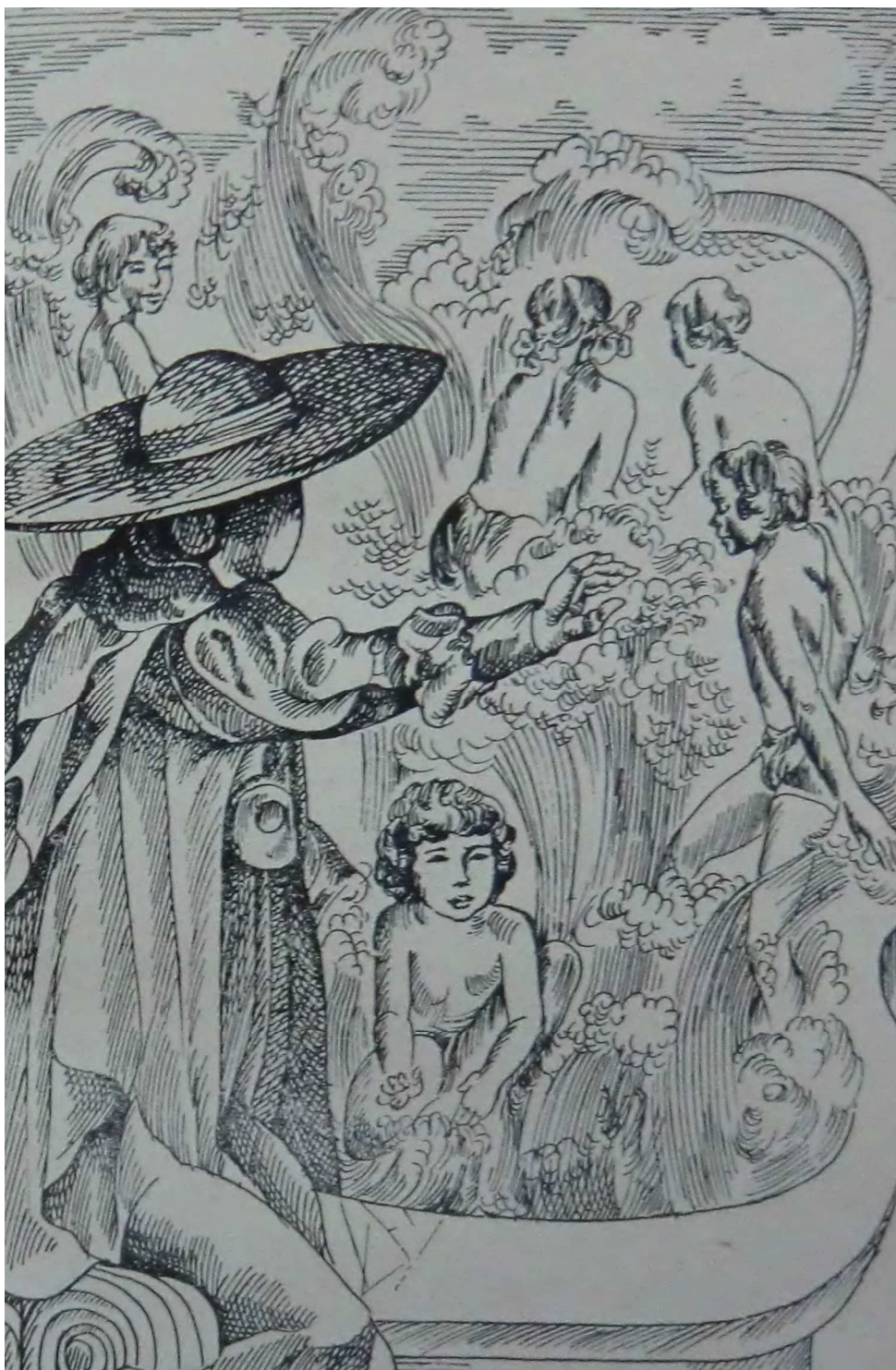
— Тоже может быть! — радостно подхватил Тимофей Никитич — Вполне и вероятнее всего! Миниатюризация, так сказать; согласен. А теперь глянем-ка полость рта... Ну-ка, мол чек, скажите «а».

- А-а, — пропел Кисиел свои аккорд, в котором смешались почти все гласные земного языка.

— Прекрасный тенор! Удивительная гармония! Но, признаюсь, язык я не вижу... Его что, тоже нет? — Тимофей Никитич перестал накаляться краснотой. Он уже привыкал к необычному пациенту

Надя подмигнула Василию и еле сдерживала смех.

— Ну-с, допустим, языка нет,- суеился Тимофей Никитич. И с этим «могу согласиться, в каком-то смысле язык - рудимент, отмирающий орган... вот его и упразднили, так сказать. Как сказать? Какими болезнями, мол чек, болели в детстве?

- Бо-лез н-ь - сказал Кисиел и улыбнулся нечаянно, двумя ртами.

- Ага - согласился Тимофей Никитич, - возможно, были переломы
Врач взял руку Кисиел и стал её сгибать — рука гнулась в любой части, но тут же распрямлялась.

— Прекрасная эластичность Можно сказать, гуттаперчивый мол чек! А,. скажу вам, незавидная доля быть профессором! Не поспеваю... хе хе, перезрел я, не поспеваю, вот какие фортели выкидывает жизнь! Атомные скорости, молекулярные трясплантации полная рационализация человеческого организма!.. Вот уж нам, старым спецам, и нечего делать... Кончилась наша практика... Где гланды? Нет их! Где, простите, легкие? Где бронхиты? Ни легких нет, ни бронхитов... Всё, кончилось наше время, разбились

песочные часы, для чего мне, простите, вот эта резиновая трубка? Этот так называемый стетоскоп? Поскольку в... организме этого молодого человека и не обнаружил ни одного органа, констатирую: болеть нечему. Здоров.

Тимофей Никитич с каким-то томительным сожалением посмотрел на Надю и Василя, свернул стетоскоп и положил его в карман

— Ничем помочь не могу! - сказал он таким тоном, словно ждал помощи сам. — Но на случай, если у него более глубокие расстройства, я напишу вам записочку к моему старому знакомому рентгенологу... пусть и он тоже... хе-хе...

Это «хе хе» потом приснится старому врачу, он проснется и долго не сможет уснуть.

Перед его глазами будут плавать существа лишённые форм, но такие... хитрые, что стоит взглянуть на них повнимательнее, как они тут же обретут форму и подмигнут. Тимофей Никитич будет упрекать себя в том, что так глупо держал себя с ребятами... Но позволь, попробую заступиться я за старого врача: где ты, лч, видел человека, который сразу бы поверил в небылицу? Нет, лч. не в ту небылицу, которую тебе в детстве рассказали бабушки-дедушки, а в ту, которая подошла к тебе спящему, дунула в ухо и сказала скрипучим шепотом: «здравствуй, это я!»

После яркого солнца ребята долго тыкались в темноте рентген-кабинета, пугая каких-то людей и извиняясь. Так же в темноте Надя протянула мужчине в белом халате записку Тимофея Никитича, рентгенолог поднёс листочек к свету, прочёл, спросил: "Который?", сказал: "Можно не раздеваться»

- Вставьте вот сюда. — Рентгенолог подвел Кисиеля к аппарату, подбородок... нет, сначала снимите шляпу, теперь подбородок вот сюда, руки на пояс и локти в стороны... Рентгенолог взглянул на экран и недовольно сказал: - вы там! Куда вы делись?

- З-д-ес-ь, - ответил Кисил,

— Не шевелитесь... черт! Куда вы все время пропадаете? Василь и Надя еле сдерживала смех, потому что Кисил никуда не пропадал, просто... его не было на экране.

— Это что — шутка моего старого друга? — раздраженно спросил рентгенолог. — Что это такое, я вас спрашиваю?

— Мы тоже хотим знать, — как можно убедительнее сказала Надя Естественная.

— Что вы хотите знать?

— Ну, здоров ли?

— А что у него может болеть? Покажите мне здесь хоть один орган, который может болеть — Рентгенолог тыкал в чистый сияющий экран - Что это такое? Это... просто какой-то пластилин! Вот какие-то нити. вот какие-то узелки... а где скелет? Забирайте

— Но ведь... — заикнулась было Надя Естественная

— Нет - отрезал рентгенолог. — Передайте Тимофею Никитичу, что пенсионеру не к лицу так глупо разыгрывать друзей. До свидания!

Рентгенолог отправил ребят вместе с Кисием, но сердце у него было не на месте. Сказать, что такой пациент в его практике встречался впервые, значит, ничего не сказать. «Странно, — думал он - Как же он разгуливает без скелета?» Но другой голос подсказывал «Что же тут странного? Если устанет, развернёт складкой скелет и обопрется!» От таких разговоров с самим собой рентгенологу не делалось спокойнее. И долго еще потом рентгенолога будет преследовать подозрение, что он проморгал некое существо, вменим» не одни, а, чего доброго, много разных скелетов, которые оно держало в платяном шкафу и пользовалось ими, как костюмами.

Глава двенадцатая

Может быть, на этом и закончились бы оздоровительные походы друзей, если бы сердитый рентгенолог не крикнул вдогонку: «Пусть ему поставят диагноз в какой-нибудь физической лаборатории!"

В самом деле, разве не Кисиел поднимал высоко в небо вертолёт, пусть и детский? И разве Пирюткин, он же Василь Васильевич, сын своего отца, неслух своей мамы, разве этот вполне земной человек не проявил такие свойства, о которых на земле еще и не подозревали?

Во всяком случае, Василь не удивился, узнав и увидев, что Кисиел не похож на земного человека — привычного человека. Не удивился не потому, что вообще не способен удивляться чудесам, а потому, что как бы предчувствовал все это. И Надя Естественная смотрела на Пирюткина с завистью — потому что так и не пришлось ей примерить чудесную «марсианскую», а теперь-то мы знаем, что вовсе не марсианскую, а шляпу гражданина Кисиела.

Пока Надин папа готовился к экспериментам над Кисиелом, Надя, а Василь старалась обраться в том, что знает, а чего не знает Кисиел.

Надя показала Кисиелу два пальца. Кисиел тут же вырастил на своей ладони два пальца, Надя показала два пальца на другой руке, Кисиел повторил. Тогда Надя показала четыре пальца на одной руке, что проделал и Кисиел.

— Ну вот, — сказала Надя Естественная. — Их разум развивался тем же путем, что и наш. — Он просто повторил за тобой, и все, — сказал Василь.

Свидетелями этого открытия были: дядя Митя, Гришка и рыжий кот. Все сидели в той же избушке на курьих ножках, вечер был светлый, прохладный. Ничто вроде бы не предвещало переворота в мировоззрении не только Нади Естественной, но и дяди Мити... Правда, кое-какие перестановки произошли в голове Гришки, может быть, по-другому стал смотреть на мир и рыжий кот, но я не могу утверждать этого.

Нет, привычный нам мир, разумеется, не сразу дает себя перевернуть, он предлагает все новые и новые доказательства своего нормального, перевёрнутого существования. Но... чем детальнее привычный мир доказывает свою незыблемость, тем зыбче он делается, вот что. Надя Естественная предложила Кисиелу согласиться на аксиоме: $2 + 2 = 4$ Разве это не так?

А так ли? Вот Гришка сидит и думает: у кота сколько вот? Есть две правых, две левых, две задних, две передних. Это уже восемь. А когда бежит, у кота бывает и двенадцать, и девять, и даже восемнадцать ног! Нет, серьезно. Мы можем смеяться и сомневаться, но коту надо точно знать сколькими ногами распоряжаться, так что такая арифметика, как "дважды два", ему совсем не подходят. Не подходит, потому что... потому что — пусть это покажется странным, — но четыре ноги кот принимает за одну. И то, когда идёт или бежит, а когда лежит и спит, то все четыре ноги у пего равны — нулю. Не верите? Спроси у рыжего кота.

Да что кот! Посчитай, лч, на скольких ногах ходишь ты. $1 + 1 = 2$. Но обрати внимание на такой "пустяк" - ты ведь не будешь складывать две одинаковые ноги? Ты складываешь разные ноги! К одной левой ты прибавляешь одну правую. Повторяю, а ты соображай - ты складываешь разные ноги. Если ты говоришь: в сумме две одинаковый и, значит в сумме "два". А если то говоришь: в сумме две разные ноги, — чему же равен результат сложения?

Две разные ноги не складываются. Не хотят складываться. Как две одинаковые ноги не хотят разъединяться. Но, с другой стороны, нам легче сложить две разные ноги, потому что мы сразу знаем, что ноги разные, а потому их две. А с одинаковыми ногами мы путаемся — что такое две одинаковые ноги? Нет, какой смысл их складывать! Это — одна да одна нога, а суммы не получается. Вот такая штука.

И это не пустяк, лч. Мы привыкли в нашем мире быть уверенными в том, что если столкнутся два шара — очень большой и очень маленький, — то маленький отскочит. И мы сразу примеряет свою арифметику: потому что большой шар во столько-то раз больше маленького. Значит, что мы делаем? Мы маленький шар принимаем за единицу и увеличиваем эту единицу во столько раз, во сколько маленький шар меньше большого, так?

А теперь, лч, представь себе такой мир, где не бывает ни большого, ни маленького... Представил? Трудно? А надо уметь, потому что время такое сейчас.

Представь себе атомным котел — толстостенное металлическое яйцо размером в шесть комнат. Я уже рассказывал, что котел этот состоит из нескольких деталей — мы еще не умеем делать это атомное яйцо целиком, Каждую деталь надо обработать, а затем все Детали сложить и сварить, спаять

Детали эти надо так спаять, чтобы они представляли одно целое. Вот мы уже поддадим к этой арифметике: $1 + 1 = 1$. Это не каверзный, обманчивый, язык цифр, это требование того самого мира, с которым столкнулись на заводе. После того как к одному прибавит, приварят один, сумма не должна состоять из двух, сумма должна быть одним целым. Ну, спросит иной, лч, приварят и приварят, лишь бы крепче было... А вот и нет, ли? Котел должен быть не столько крепким, столько... гладким, ровным зеркально чаистым, пластичным.

Вот видишь, лч, опять загадка: как ж то возможно, чтобы, чем тверже металл, тем он мягче?! Но медь мы договорились, что речь идет о необычном мире. В этом необычном мире нет смысла говорить о крепких и хрупких предметах, о предметах больших и маленьких. На иго похож итог мир? Вспомни, лч, я говорил о паутине, которую наук сплел, не прибегая к помощи стены? Ну, так вот, котел должен быть таким, как паутина! Ты должен был заметить, лч, что в паутину попадают все насекомые, кроме одного — самого паука. Не правда ли, странно?

Но тайну наука и его паутины разгадать легко. В нашем повествовании это только пример. Котел же должна быть таким, чтобы ловить ядерных «насекомых», но самому не попасться в свою «паутину».

Пирюткин, например, знает, как его пана «плетет паутину», как он работает на карусельном станке, обтачивая обечайку. Вот уж точно «паучья» работа! Вот где нужны точность и точность, терпение и выдержка.

Может быть, поэтому Пирюткин предчувствовал, что скажет Кисиел после того, как разберётся в человеческом счете в арифметике.

А спросил Кисиел вот что:

- Чт-о дв-а?

Растолкую. Кисиел скрашивал: в какую сторону "два"? Какое «два»? Сколько «два»? Какого цвета «два»? Чем пахнет "два"? И еще много других малопонятных вопросов содержалось в одном.

Не знаю, лч, кто ответит на эти вопросы. .Может быть, ты сан .поднатужишься, как Пирюткин, или сосредоточишься, как Сашка Секунда, и создашь, например, теорию «ароматического ядерного двигателя». Или вооружишься, как Надя, интуицией, дождешься вдохновения и... А знаешь ли ты» лч, как паук натягивает свою самую первую паутинку — инстинктивно? интуитивно? или сознательно?

Глава тринадцатая

Итак, был ясный вечер. Звёздам в небе было просторно. Солнце снимало с горизонта последние свои лучи. Последний пароход переправлялся по шлюзам. И на этом пароходе, что носил название «Привет», не было ни одного человека, который знал бы, что пароход, перешагнув ступеньку последнего шлюза, окажется не просто в море, но в новом, удивительном мире. Ни одного человека, увы.

Ах эти пароходы! Что бы ни горело в их топках — уголь ли, нефть, газ или ядерное горючее, уран, они остаются пароходами, И вниз во реве они бегут быстрее, чем вверх. И всякий понимает, почему это так... А почему?

Но те, что выясняли отношения в избушке на курьих ножках, уже не ломали голову над такими вопросами.

— Ты что же. совсем считать ее умеешь? - спросил дядя Мятя. Он курил, он волновался и курил очень много. Но дым странным образом исчезал в бахроме широкой шляпы Кисиела

- Он умеет - заступался Гришка. — Он не так считает.

— Не так! — сомневался дядя Митя. — Раз, два, три. — он загнул три пальца на руке. — Как же не так, а?

Гришка растерянно замолчал.

- А сколько тебе лет? - подозрительно спросила Надя. Но Кисиел не понял вопроса.

— Л-ет?

Надя показала на Гришку, потом на Василя, в потом на дядю Митю. Для убедительности она несколько раз изобразила рукой, как растут люди. Кисиел вытаращил четыре глаза и молчал. Он, подражая Надиной руке, коснулся головы Гришки, Василя, дяди Мити. От этого прикосновения Василь испытал состояние полной невесомости - словно он резко взлетел и опустился. Дядя Митя показал часы. Кисиел долго смотрел на цифры? И все заметили, что от его взгляда время в часах остановилось, секунды не подталкивали движение минут. Часы стояли. Но стоило ему отвести глаза, как часы вновь побежали.

— Уж ты, — сказал Гришка, — Гипноз. Но Василя вдруг осенило:

— А что, если это не гипноз?

Василь увидел, как ярко взглянула на него Надя Естественная, как она ждала его слов — ведь всех мучили загадки!

— А что, если он так видят?—сказал Василь.

- Не бузи, — сказал дядя Митя.— Как — так? Так у меня бывало, когда я на взводе...

Но Надя Естественная поддержала Василя:

— Видят медленнее?

Василь солидно кивнул. Но, подумай, добавил смущенно:

— А может быть, и быстрее видит...

Все опять поникли. Тогда Василь сказал первое, что пришло в голову:

— У нас минуты складываются из секунд, часы из минут... Пока не проскочит секунда, не появится минута... А у него, может быть, наоборот...

Кисиел вдруг взял из пальцев дяди Мити сигарету, забрал ее в рот и принялся выдувать дым. Теперь дым висел неподвижно у его лица и все густел. Вот скопилось целое облако, и Кисиел, вернув сигарету дяде Мите, стал комкать, мять дымное облако, словно комок ниток. Он вытягивал его, расправлял, где развихривал, где вал — и вот на глазах вдруг стала вырастать Вселенная. Вот засверкали галактики, вот Вселенная словно расширилась и приблизилась, и люди увидели Солнце, увидели зернышки планет, среди которых медленно плыла бисеринка Земля. А Кисиел все расправлял и расправлял дымные нити Вселенной, все лепил, закручивал галактики, и тогда представала картина удивительного, всепоглощающего движения. Солнца Земли то удалялось, то вновь выныривало из дымного далека, приводя за собой хоровод планет.

Вглядываясь, Пирюткин видел, что звезды бегут быстро и живут недолго, как искры, но прежде чем исчезнуть в россыпях миллионов и миллиардов звёзд-пылинок, каждая звезда успевала вспыхнуть так ярко, что и после исчезновения звезды оставленный ею след-свет продолжал плясать и длиться, а космическая метель свивала звезды в галактики и гнала, гнала их во неведомому кругу.

От напряженного внимания, от того, что глаза, зрение терялись в этом противоречивом беге, голова кружилась. Дядя Митя то и дело бубнил:

- Ну надо ж! Ну, чертово колесо! Ну, дела!

Кисиел поглядывал на землян во все четыре глаза, а порой выуживал ал пятый, который обращал на рыжего кота, что тёрся у его ног. Рыжий кот вообще проникся безоглядным доверием к Кисиелу, и тот платил ему тем же. Объяснялась эта привязанность, может быть, тем, что Кисиел был очень мнительным существом, склонным ко всякого рода сильным, но невысказанным мыслям. Например, когда земляне начинали думать о нем

очень сосредоточенно, Кисиел напяливал шляпу поглубже и говорил своим аккордным голосом:

- Не д-умай т-ак!

Не любил Кисиел быть центром внимания. Если внимание это становилось неотвязным, Кисиел убирал с лица своего все глаза, втягивал нос, проглатывал рот и превращался в куклу, очень похожую на ту, что как-то вылепил Гришка из пластилина - в пластилинового Кисиела.

Вот и сейчас, как только мысли землян вернулись из Вселенной к Кисиелу, тот нахлобучил шляпу и замкнулся. Вселенная пропала, кот жалобно мяукнул и вопросительно посмотрел на Кисиела

- Ох, и трудно же находить общий язык — вздохнула Надя Естественная.

"Ещё бы" - подумал Василь, имея в виду фантастический характер самой Нади.

- У них часы наоборотные? — спросил Гришка.

- Ишь, куда загнул!

- Папа рассказывал, - осторожно начала Надя и, осмотрев всех внимательным взглядом, продолжала, - Папа рассказывал, что можно создать такие условия, когда, например, металл начнёт расти быстрее, чем трава...

- А разве металл может расти? — удивился Гришка

— Даже у нас, на Земле, научились сращивать металлы, - запальчиво сказала Надя Естественная. — Это же естественно! Значит, можно и выращивать разные железные детали, понял?

— Понял, - с сомнением ответил Гришка

- Прививка металлов! — Надя села на своего конька — Вон в космосе сращивают такие металлы, которые на Земля ни за что не соединить?

Помолчали. Кисиел открыл один глаз и искоса наблюдал за друзьями. Кот уютно устроился на его длинных коленях. Рука Кисиела, на этот раз без пальцев, осторожно ходила по шерсти животного, вызывая веера сиреневых искр. Но рыжего кота это видно, не беспокоило.

— Представляете, точка какого-нибудь металла начинает быстро расти и размножаться, как амеба. Через несколько месяцев это уже кусочек железа весом в два-три килограмма, а ещё через год - взрослый металл.

— Такой упитанный железный поросенок, - вставил Василь. Гришка засмеялся. Вместе с ним засмеялся и Кисиел - так, наверное, смеялся бы дуэт эстрадных певцов - тенором я баритоном одновременно.

- За смехом за своим, не очень остроумным, мы можем пропустить какое-нибудь важное открытие, — назидательно сказала Надя Естественная, но, увидев очень серьезное лицо Пирюткина, сама расхохоталась: — Пирю-уткян - запела она, — если ты будешь так туго ду-у-умать, превратишься я металлического поросё-о-онка

Пирюткин спохватился. В самом деле, его поглотила целиком одна ужасная мысль, а именно: каким образом Кисиел оказался на Земле, если он не только из другого измерения, но и на другого материала

создан? Если для Кисиела секунда, например, предстает часом, а час - секундой, как Кисиел смог обнаружить Землю? Уж не случилось ли, в самом, деле чего-нибудь?

"А если случилось, то как узнать — что? Не очень-то мы понимаем его!" - успел подумать Пирюткин, когда светлячки Надиных глаз остановились на нем.

Мысль похитить Надю Естественную с помощью Кисиела отошла на второй план перед мыслью понять Кисиела и, если надо, помочь!

Глава четырнадцатая

Ты только представь, лч, что металлы, в самом деле, можно выращивать. Скажем, можно за один год вырастить несколько атомных котлов. Это было бы достижением науки техники — котел выращенный имел бы несравнимые преимущества перед котлом, составленным из нескольких частей. Выращенный котел был бы более надежным инструментом. Но земная наука еще не нашла путей выращивания металлов в таком нужном количестве. И, зная этот недостаток, те, кто видел «летающую тарелку», обратили внимание прежде всего на то, что на ней (цитирую): «нет ни одного шва! Это, надо признать, очень ядовитый упрек землякам — ведь они, земляне, не умеют создавать большие вещи, как-то: самолеты, ракеты, корабли, котлы, без швов, клёпок и т. п. Увы. Но пойдем дальше, лч. В земном котле происходит атомный взрыв, расщепление ядер с выделением огромного количества тепла. В результате этого взрыва накапливаются обломки ядер, вредные для земной природы» для жизни. А теперь мы еще и эти обломки раскалываем... Иными словами, сначала мы отделяла корень слова от приставок, суффиксов, окончания; теперь мы дробим корень и обнаруживаем, что он состоит из частиц, которые к смыслу корня никакого отношения не имеют. Ну, представь, лч, полагают тебе карточку, на которой вот такой текст:

рррееееддд

ддкаааяпптт

тнинцооленн

Подают тебе карточку и уверяют, что это составные части предложения: «Редкая птица долетит до середины Днепра», Согреет эта карточка в грустную минуту?

Выращенный котел—это не просто котел без швов, Вместе с котлом, внутри котла взращивается и «зародыш» ядерного горючего. Это подобно семечку, ведь оно «знает», что из него вырастет дерево, которое принесет плоды...

Когда Пирюткин до этого додумался, он уже не мог остановиться, чтобы не нафантазировать. Он представил, что «летающая тарелка» — это и есть тот самый выращенный котел» или кокон, или яйцо, в котором развивается ядерный зародыш, а, когда приходит время созревания, из яйца, то бишь, из «летающей тарелки», выходит... Кисиел!

Наверное, голова Пирюткина созрела для фантазий, потому что он уже не мог себя удержать. Он думал: «летающие тарелки» летают по Вселенной, как птицы с юга на север, в те края, где они по своим законам должны будут дать потомство. «Да! — вдруг воскликнул Пирюткин. — Значит, может быть, Земля и есть «вторая родина» Книсиела? И те гигантские изображения птиц в Южной Америке...» У Василь Васильевича Пирюткин а дух захватило от такого высокого полета фантазии. «Да ведь наука уже опровергла, — напомнил сам себе Василь с большим сожалением. — Наука доказала, что эти гигантские птицы — не посадочные знаки...»

Но мысль, что «летающие тарелки» есть живой металл, который выбрал Землю для выведения потомства, не давала Василю покоя, требовала завершения.

Поделиться этой идеей с Сашкой Пирюткин не желал. Сашка весь ушел в изучение вывернутого мяча и, конечно же, высмеял бы Пирюткина с ног до головы. Виделись они редко, Сашку совсем не трогали рассказы о Кисиеле и его волшебной шляпе. Он только снисходительно кривился и неизменно говорил; «Гипноз!» Или: «Массовый гипноз!» Или совсем уничтожительно: «Парапсихология!» Однако? несмотря на презрительное настроение Сашки Секунды, Пирюткина, вопреки его собственным доводам, тянуло к другу. И причиной того, что Пирюткин терпел насмешки Сашки, было то, что Сашка, как говорится, в упор не замечал Надю Естественную и все ее выдумки. Это-то и удивляло Пирюткина, он не мог понять — как можно не замечать Надю, как можно даже не думать о ней!

Волей-неволей Пирюткина тянуло к Сашке, и он приходил к нему якобы для того, чтобы поспорить.

- Разгадать и вывернуть мяч — это все равно что изобрести вечный двигатель, — с порога говорил Пирюткин, он же Василь Васильевич.

— Ошибаешься, — вместо приветствия говорил Сашка Секунда — Это такая же игрушка, как кубик Рубика. Надо только все ходы разложить по нисходящей, а сложить потом уже будет просто.

Воронкообразный мяч лежал на столе и имел вид кривой, никогда не созревающей груши. С какого боку ни смотрел на него Пирюткин, ничего понять не мог. У мяча все на месте — и пятиугольные черно-белые «шашечки», и ниппель, все, как у обычного мяча, кроме одного — сам мяч «не на месте». Сашка уже несколько раз сдувал и снова накачивал его, но ничего не изменилось.

— Раз воздух выходит и входит, значит, разгадать можно, — сказал Сашка Секунда.

— А может быть, входит один воздух, а выходит уже другой, — настаивал Василь Васильевич.

Сашка ехидно усмехался:

— Тот, что выходит, тяжелее? Или легче?

— А ты взвешивал? — в свою очередь язвил Василь Васильевич.

— А ты думал, прежде чем высказываться? Между землянами грозила возникнуть ссора.

— Он, может быть, не легче я не тяжелее, а радиоактивнее, - примиряющим тоном говорил Василь Васильевич.

Сашка презрительно пожимал плечами. Потом все же снисходил, показывал Василию книжку, где изображалась «бутылка Клейна», и объяснял:

— Если путешествовать по этой «бутылке», то в исходную точку вернешься зеркально перевернутым... или вывернутым...

И тут-то Сашка запинался я начинал гадать: вывернутым или перевернутым зеркально? Или, может быть, ввёрнутым? Василь удивлялся, он понимал, что Сашка после той ночи, когда они с ним сцепились и чуть-чуть помяли друг другу бока, с той ночи Сашка для Василя так и остался немножко чужим, немножко недоповернутым к Василию человеком. Но, все же, Василь не мог взять в толк, к чему над этим мячом ломать голову. Не нравится «выкручен»? Не подходят «завинчен»? Ну, тогда — «закручен». Чем плохо? Или «перекручен»... Пирюткину достаточно было чувствовать, что произошло с мячом. И он не искал слов и объяснений... может быть» потому, что трудно было подобрать слова, которые отразили бы правильно и самое чувство, и то, что произошло с мячом.

Нет, Пирюткин не взялся бы объяснить это явление. Он уже однажды обжегся — когда опустил утюг в аквариум. Разве этим самым он не стремился показать Наде Естественной, что утюг может плавать в воде? А что вышло?

Чувство тогда было у Пирюткина такое: утюг плавать может! Это после того как шляпу примерил. Сейчас это чувство поутихло! Если и обостряется, то чаще снами, когда Пирюткин вдруг взлетит над землей и летит одним усилием воли! Одной уверенностью, что можно захотеть — и полететь...

Стоп. Какая же связь между полетами во сне, утюгом в аквариуме и Кисилевым мячом? Какая связь — Пирюткин не мог выразить, но чувствовал её очень хорошо.

Вот и объяснись с таким героем, лч! Он, видите ли, чувствует. А как это передать словами, не знает. А я знаю? А ты, лч, знаешь?

Что же делать? Вот я чувствую, что через некоторое время с кем-то из героев произойдет такое... — и словами не опишешь! А какой интерес тогда в том, о чем ни в сказке сказать, ни пером вписать? Выходит, лч» интереса никакого. Получается, что и события то, пусть удивительного, как бы ни было! Ведь не мычать же, не жестикулировать, не прыгать же вверх ногами?

Остается одно — писать теми словами, какие есть, а остальное пусть досказывают наши чувства наше воображение...

Глава пятнадцатая

Если спросить Пирюткина: какую музыку вы, Василь Васильевич, любите, он ответит: джаз. Прекрасно! Но какой джаз? Здесь Пирюткин помялся бы, но назвал бы ряд произведений характера ритмического, когда бодрого, когда тоскливого, когда залихватского — по настроению.

Но что точно знал Пирюткин, так это какая музыка ему не нравится! И как раз, как бы назло ему Надя Естественная затеялась обучать Кисиела игре на пианино. Этюды, полонезы, увертюры!.. Это в жару-то, когда на длинных тополях ни листик не шелохнется, когда от жары спасаются, напялив шубу и шапку, - потому что в них прохлада еще с зимы сохранилась.

Кисиел корпел над клавиатурой, вырастив на своих гибких руках по пять пальцев, а в трудных местах дорасчивал еще по два, по три? Играл Кисиел утомительно. Возьмет аккорд и замрет, насторожив ухо, что шириной раковины торчит у него во лбу. Уж и звуки давно смолкнут, а он все сидит, ждет чего-то, зажмурив два-три глаза от удовольствия,

У него слух в миллион раз тоньше нашего! — восхищалась Надя — Папа говорит, что он ловит звук дальше, чем мы...

- Как это — дальше? — удивился Пирюткин.

Надя с сожалением посмотрела на него.

— Для нас звук уже улетел, а для него он все еще летит. «Теперь понятно. «Черепашья музыка!» — решил про себя Пирюткин.

«— Папа говорит, что его музыка звучит во много раз быстрее нашей.

Тут Пирюткин, несмотря на жару, утомление музыкальное и физическое, улыбнулся, Ко Надя наградила его таким насмешливым взглядом, что Василь поёжился, как от прохлады.

— Папа говорят, что мы по сравнению с ним - гусеницы. Ки-снёлу; может быть, приходится все время себя тормозить, понимаешь?

Пирюткин кивнул, но чувства в его душе играли в прятки: как это быстрее, когда Кисиел три аккорда берет в течении двадцати минут?

— Ля мин-о-р,— сказал вдруг Кисиел и что-то еще чирикнул. Пирюткин испугался этого внезапного многоголосого голоса.

Ему почему-то приятнее было думать, что Кисиел живет медленно, что он чем-то удручен и, может быть, ищет помощи, которую и окажет ему Василь Васильевич Пирюткин. Но Пирюткин не хотел согласиться с тем, что перед ним существо, летающее со скоростью ракеты и по-другому жить не умеющее, и только из-за того, что Пирюткин сам живет со скоростью черепахи, это существо вынуждено себя сдерживать! Это Пирюткину не нравилось.

А ведь высказывания Надя Естественной и ее постоянные ссылки на папу имели, как говорят в науке, свое основание. Тот же «вывернутый» мяч. Ему, оказалось, не только не подходит земное пространство, ему и время земное не подходит, оно для мяча слишком кривое.

На каком футбольном поле можно играть таким мячом? На земном, как уверяет дядя Митя, играть в него можно, но... Можно, если сделать целью не забивание голов, а погоню за грушевидным мячом. И все же...

Все же, видимо, есть футбольное поле, на котором этот кривой, воронкообразный, мяч будет кататься, как по ровному столу!

Но где это футбольное поле, в каком мире, на какой планете?

Признаюсь, лч, трудно представить этот мир... но кое-какие черты его уловить можно. Чтобы начать описывать этот мир, я должен изменить стиль повествования. Итак, лч, мы приближаемся к футбольному полю, расположенному в том мире, откуда прибыл к нам уже знакомый тебе Кисиел. Перед глазами возникает нечто широкое, подвижное, как море во время шторма. Но пенистые, беспокойные, волны бегут не к берегам, а

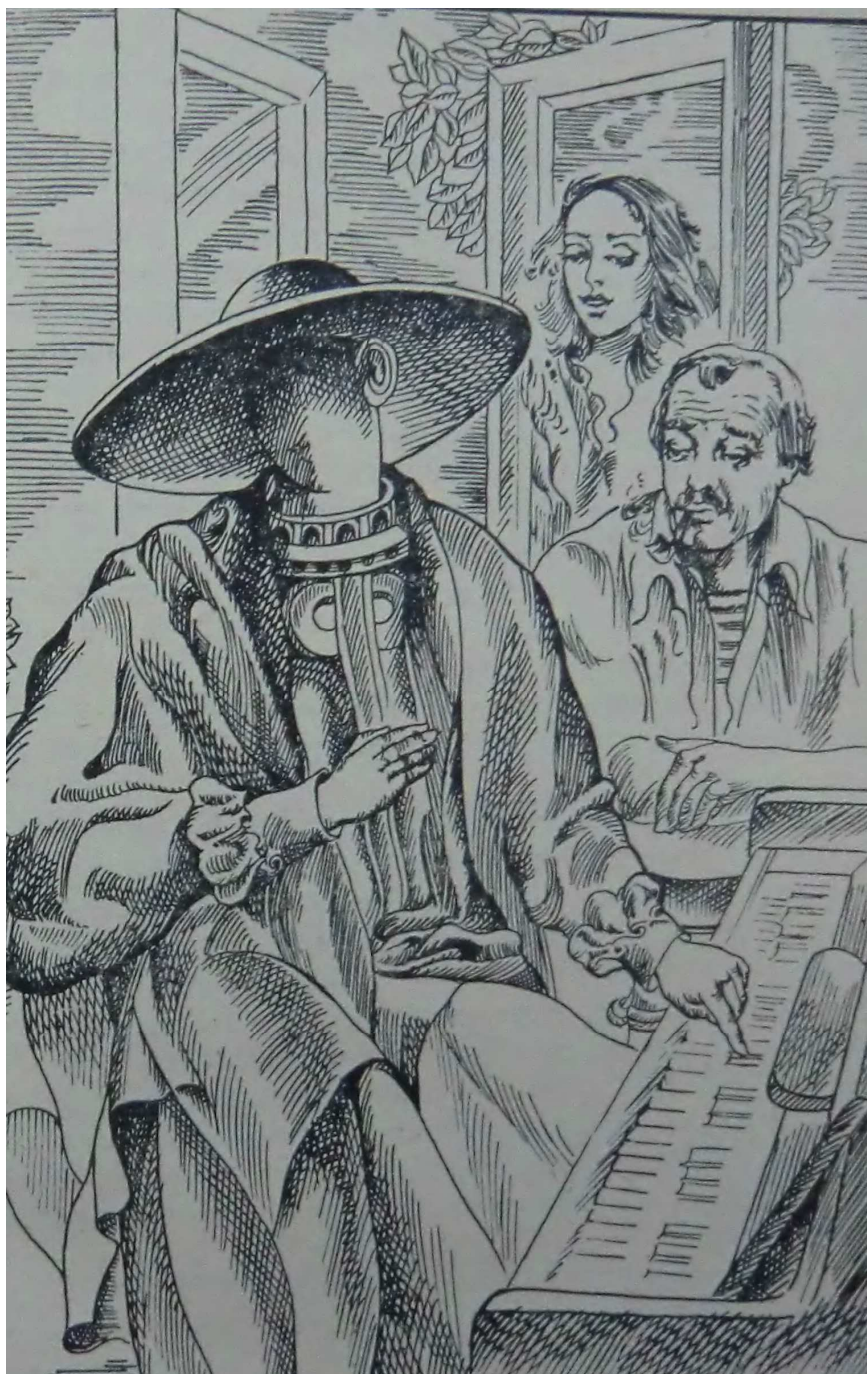
обратно, словно все море со штормовой скоростью устремилось в таинственную воронку, что закручивает тяжёлые валы в самой середине моря.

Дуя вертлявый зеленый
горячийхододныйпрозрачныйветерсолнценепрерывнойдугойчерезвсенебонсветиловсемиц
ветамнрадугитакчтоигрокичтоносилисьповолнообразномуполуотбрасывалисразу понеско
лькутеней...

Стоп, стоп, дай отдышаться. Так рассказывать невозможно. Надо как-то отойти в сторону и со стороны понаблюдать за ходом футбольного матча. Но что это такое - , понаблюдать со стороны?

Попробуй, лч, сидя где-нибудь на пригорке наблюдать за шахматной игрой, которую ведут два пассажира в скором поезде... Ну, допустим что и это мы можем!

Игроки, похожие на Кисиела, гоняют по штормовому морю свой мяч и перекрикиваются вибрирующими голосами, похожими на чириканье или соловьиный посвист или на рёв ракеты, взлетающей вверх. Порой от сильного удара мяч вытягивается в длинную, если можно так выразиться, хвостатую колбасу, но тут же другой игрок поддаёт её ногой, и она скручивается спиралью и снова приобретает сравнительно круглые формы. На светящемся табло, если мы его разглядим, все время бегут цифры (если это они нам понятны!), которые рассказывают нам о ходе игры... Дело в том, что мы — единственные, пожалуй, зрителя, которые находятся рядом с футбольным полем, точнее —с футбольным морем. Все они, остальные, зрители... Их нет. Поблизости их Они где-то... Ну, они там, где им удобнее. Дело в том, что

футбольное поле круглое что ли. Во всяком случае, та воронка, через которую утекает футбольное море, позволяет видеть этот морской футбол сразу со всех сторон. Понятно? Мне тоже не вполне понятно, но вот он, перед глазами, футбольный матч!

Удар, мяч вытягивается метров на пятнадцать, пересекает футбольное поле. Защитники и нападающие, — а их не различить по цветам костюмов, потому что все они разноцветные — как и положено им, стараются перехватить друг у друга мяч, но вот одни из нападающих разрывает защиту и бьет во ворота. Он очень хитро бьет — мяч отлетает от его ноги тугой спиралькой и в ворота летит, вращаясь и отклоняясь от прямой. Вратарь так мечется, что его почти не видно. Вдруг глаза наши слепит яркая, бело-золотая вспышка! Раздается гул, вон, свист. Когда глаза наши снова могут посмотреть, мы видим, что — гол! И какой! Если мы внимательно разберемся в цифрах, бегущих на табло, то поймем, что одна команда другой

...Но, лч, пора убегать ид этого мира. Дело в том, что я слишком увлекся н меня потянуло вперед, словно я сел в машину времени. Я чуть было не проболтался, что в этот футбол на морском поле играют... мьекки.

Нет, нельзя опережать события, мы к этому не привыкли на нашей Земле. Всему свой черед, и, если повествованию будет угодно привести моих героев к этим самым... - как их зовут? - и знакомить с ними, и сделаю это с охотой, а пока вернемся к Пирюткину.

Надин папа ваялся провести Кисиела по заводу. Пирюткин и Надя Естественная привели Кисиела к проходной, где и встретил всех Надин папа. По гулким подземным коридорам прошли в цех и... Нет, с Кисиелом ничего приметного не произошло. Вот только, Чуть-чуть. Кисиел, подражая дяде Мите, сдвинул свою шляпу на затылок, выстроил иа своем лице четыре пары глаз и сказал:

- 3-анят-но.

Кисиел шел по цехам, и, казалось, ни к чему особо не присматривался, но по тому, как увеличилось на его лице количество глаз, как заискрилась бахрома на его шляпе, было понятно, что интерес Кисиела растет. Вот Он сунулся было в подземную печь, где закаливают обечайку, но его удержал Надин пала и показал на часы — мол, секундочку терпения. Кисиел не возражал. Ом терпеливо ждал.

Подъёмный кран вынул, наконец, огненное кольцо, и в те мгновение пока кольцо понималось, Кисиел успел подойти я потрогать его длинной рукой! Он стал светлым, как пылающее кольцо, шляпа его озарилась шипящим колесом искр, но глаза, повернутые к землянам, блестели веселым, удовлетворенным блеском!

— Этот тип закаляется, наверно, в жидком металле! -изумился один рабочий...
Надин папа, вытирая пот.

Кисиел уже ввел дальше, поглядывая вверх, где плыло, словно солнечно л корона, раскаленное кольцо.

После охлаждения кольцо стали обрабатывать на карусельных станках, и Кисиел всматривался и внюхивался во все эти работы, брал в руки, на которых он вырастил по три пальца, стружку, вертел, нюхал, смотрел на свет одним, ставшим вдруг круглым и большим, глазом.

Пирюткин, загипнотизированный поведением Кисиела, тоже взял стружку, понюхал и не мог понять, чем она пахнет, — не то остывшей золой, не то копчёной рыбой, не то лимонным соком. Одна сторона стружки словно составлена из тонких, туго натянутых струн, так туго, что они не могут звучать или для того, чтобы они звучали, нужно применить большую силу. Другая сторона — мягая, рыхлая, покрыта острой мелкой рябью. А сама стружка, скрученная, как пружинка, такая твердая, хотя на вид мягкая и Одну такую стружку Кисиел легко разогнул, вытянул в ленточку, а затем, перекрутив, свернул колечком и протянул Надиному папе. Папа явно опешил — в руках его было странное кольцо, один раз перекрученное, я ничто не указывало на то, что оно сделано из ленточки сверхпрочного металла!

— Ну вот, — сказал Надин папа, показывая кольцо ребятам, - Кисиел начинает говорить на понятном вам языке.

И папа объяснил, что это кольцо Мебиуса.

— Что это такое? — спросил он Надю.

— Ну, это есте-ественно! — сказала, запевая, Надя. — Обычное кольцо имеет две поверхности — внутреннюю и внешнюю. А кольцо Мебиуса имеет только одну бесконечную поверхность! Пава одобрительно кивнул и сказал задумчиво:

— Вы представляете, что это такое?.. Вот посмотрите, как зря делятся ворочать наши кольца, чтобы обточил их со всех сторон

По всему цеху тянулась вереница колец, которые обтачивались со всех сторон, а для того чтобы повернуть это огромное кольцо, нужны сильные машины, мощные подъемные краны.

— А теперь представьте, — сказал Надин папа, — что вместо всех этих кранов, всех этих подвесных приспособлений у нас есть такое приспособление, такая машина, назовем ее машиной времени, которая одно такое кольцо с двумя поверхностями, превращает в кольцо с одной поверхностью! Вот была бы экономия! А, главное, как облегчалась бы обработка такой детали!

— Верно! — подхватил папа Пирюткина, который незаметно подошел к экскурсантам. — Вместо разных станков — один станок — раз, два и обточка готова!

Но сын его» Пирюткин Василь Васильевич, испытывал такие чувства, которые совсем, казалось, не соответствовали тому, что делается вокруг и около. Василь вдруг, внезапно, неожиданно, с пылу с жару — выбирай, лч, что по нраву, — подумал, что он ведь очень часто попадает в эту самую «машину», которая делает его как бы... односторонним. Это — как катание на коньках с горки: разогнался, покатился, ветер свистит, радость и страх, дух вверх, тело вниз — катится, катится, выворачивает, перекручивает — и вот, он снова на том же месте, откуда начал. Так вот, такое перемещение в «машине времени», такой кульбит В пространстве проделывал Пирюткин всякий раз, как Надя Естественная ласково на него посмотрит. Ох, и редко же это бывало!

Глава шестнадцатая

Результатом посещения Кисиелом завода было то, что Кисиел заговорил. Но заговорил он не с Людми, а, как водится, с инопланетянами, нашел общий язык с вычислительной машиной. Заговорил с такой скоростью, что машина за ним еле-еле поспевала.

— Прстт трплс, — сказал Кисиел.

Это было еще понятно. Но потом он нарисовал картину из единичек и кулей: море, волны, берег, вдали изогнут отраженные в выпуклом зеркале, здания, поперек всего тянется веревка или шнур, и на шнуре качается шар.

Надин папа долго бился над этой картиной, несколько раз заставлял машину уточнять детали, но машина всегда рисовала одну и ту же картину я только одни раз вместо шара нарисовала клоуна в широкополой шляпе.

Кисиел с надеждой в пять глаз смотрел то на машину, то на Надиного папу, то на ребят, что тихо сидели возле.

— Смотри, как ему хочется что-то сказать, — шептала с болью в голоса Надя Естественная.

Пирюткин и сам видел, как мучается Кисиел. как бьется Падин папа, как разогревается машина, грозя совсем поломаться. Минуту спустя Кисиел сочинил стихи:

Что ты скачешь всю ночь, как безумный?

Где же сердце, в котором печаль?

Но не ведаешь кореш разумный,

Как на слезы мои отвечать...

Ломая голову над стихами. На днях папа воскликнул:

— Я больше так не могу!

— Звнт, пртт, — сказал Кисиел и опустил голову.

Что происходило? Происходила первая в историю человечества

встреча двух миров, а смысл разговора все время ускользал. Разве не обидно, лч?

Как объяснить это? Как дать почувствовать всю глубину грусти и разочарования?

Впрочем, ивой ЛЧ пожмет плечами и скажет: «К чему все эти тонкости! К чему все зтя переживания и прочее! Главное,, что инопланетянин, он же Кисиел, заговорил, и уж когда-нибудь ов скажет то, что кочет, и так, что земляке поймут... Вой, взгляните на

ленту, что выпускает из себя электронная машина,— что вы на ней видите? Уж не атомный ли котел нарисовала машина по поручению Кисиела? Нет, вы взгляните внимательнее».

Что ж, может быть, этот иной лч и прав. Но правда, как известно, не будет полной, если эта правда не столкнется с другой правдой.

При виде того, как мучается Кисиел, как грустнеет Надин папа, Пирюткину почему-то хотелось глядеть Наде в глаза и укоризненно говорить: «Во? Видишь, что получается? Видишь, ничего не получается!" Как будто, это Надя Естественная была виновата в том, что Кисиел и земляне не могут найти общего языка.

Отчего же, думал Пирюткин? Отчего он это чувствовал? Да оттого, что ему казалось, будто между ним и Надей Естественной такая же неразбериха, И Василь знал, что, находясь в такой неразберихе - недолго докататься и до взаимных обвинений.

Нет, представь себе, лч, что Василь испытывает к Наде – особенные чувства, и чувства эти настолько сильны, что он уже не может их держать в себе. Чувства эта бьют в нем в стремитесь выйти наружу. Пирюткин живет в каком-то круговороте впечатлений, он уже не может глядеть спокойными глазами на мир - в дрожании тополиных веток ему чудятся волосы Нади, в порыве ветра, что несёт легкий, зовущий запах моря, Пирюткину слышится смех в голосе Нади. Его глаза — как горячий свет он боится смотреть на людей — взгляд может испепелить. И во всем мире для Василя нет места — ни покоя, ни отдохновения! И только один человек может дать ему минутку блаженного счастья и надежды: «Я жду тебя в парадняке" И нет у него уверенности, что ждать ему недолго!" И Надя, как то водится, опаздывает. На час? На два? На год? Но она приходит. Приходит, когда Василю уже к свет не мил, тогда в глазах темно от злости.

Она приходит, и он, как котенок, как распоследний щенок, подёргивается, виляя, чуть не поскуливая, смотрит на неё слезящимися от умиления глазами и даже не помнит об обеде — вот она, богиня его чувств, властительница его мыслей, самодержавная царица его сердца! Глаза зеленые, лицо алое, губы смеются, голос поет:
— Извини, голову помыла. Знаешь, пока волосы высохли...

Она может говорить всё, что угодно, она может говорить про что угодно - про волосы, и про какую-нибудь чепуху, например, про то, что у них в подъезде кто-то рисует на стене карикатуры, или про то, что у крокодила под мышкой зачесалось! Про что угодно - Пирюткин слушает только её голос, только ее пение, он ничего не понимает, но он знает одно: вот она пришла, а ему ничего и не надо больше. И вот она стоит здесь, в парадняке, солнце откуда-то взялось, прощупало несколько трещин, щелей и развернуло веера в полумраке, и в этих светящихся веерах Надя струится, словно маленькая галактика. И вот? кажется, протяни руку, и на ладонь упадет две-три звездочки...

— Надя, я хотел тебе сказать...

Галактика заструилась, завертелась, глаза ее сузились, волосы качнулись, она ждет.

— Я хотел тебе сказать, — начинает Василь и чувствует, как в голосе появляется посторонняя нотка — некий звук, от которого самому Василю делается неприятно.

Он не хочет, чтобы из его рта вылетел этот звук, чтобы вообще Надины уши слышали его, — это звук какой-то странной небрежности, это звук, который как бы говорит и Василю, и Наде, что то, что хочет сказать Василь, не очень-то надо брат! всерьез. Ну, скажет он и скажет. Так, наверное, все говорят. По! чему-то надо это сказать, вот Василь и говорит, и пусть Надя не верит в серьезность этих слов. Вот что означает этот звук. И Василь неожиданно кривится в небрежной улыбке и говорит:

- Надя, понимаешь» влюбился в тебя.

И кто во всей Вселенной объяснит Василю и Наде, для чего он произнес эти слова так небрежно? Кто вертел его тупым языком, с которого сорвались эти небрежные, еле живые слова? Какая электронная машина расшифрует их смысл,

который так тщательно скрыл Василь — бурю в сердце, вьюгу в голове, в глазах едкие горячие слезы.

И чего же удивительного в том, что Надя повела себя так же небрежно?
— Ты что, Пирюткин, романов обьелся?

А ведь Пирюткин был уверен, что, скажи он эти магические слова — и самое трудное будет позади, откроется новый, невероятно щедрый мир, в котором будет легко, как в невесомости, и спокойно, как в раю...

Нет, поистине не властен человек над собой, неведомые силы владеют им, как игрушкой... Так ли, лч? Или, может быть, все дело в том, что... Ну да ладно, оставим эту земную тему и перейдем к проблемам контакта с иным разумом.

Кисиел, в самом деле, поручил электронной машине нарисовать атомный котел — такой, какие выпускает завод. И это понравилось Надиному папе:

— Ну вот, не с «дважды два» начали, но уже кое-что понятно. Но затем Кисиел стал рисовать нечто, похожее и не похожее на атомный котел. Машина трудилась, как умела, Кисиел, надо» сказать, вырастил на руках по шесть-семь пальцев и сам играл на клавишах машины, как на рояле. Вот он «сыграл» таблицу Менделеева, но затем увеличил количество элементов до двух с лишним тысяч. Два-три элемента под номерами 1467, 2004 и еще какой-то Кисиел особенно подчеркнул и выделил. Потом он изобразил какую-то галактику, потом еще одну, потом соединял их и напечатал: «Мьекки», после чего он повернулся к землянам, чуть, коснулся полей шляпы рукой и повторил:

— Ага! — воскликнул Надин папа — Мы — люди, они — мьекки! Кисиел вернулся к клавишам и заиграл на них с новой силой. С этого момента даже Пирюткин забыл о своих чувствах к Наде Естественной — так его поглотила «симфония», которую играл Кисиел на клавишах электронной машины. В тишине только слышалось гудение, щелканье клавиш да шипение выползающей бумажной ленты.

Кисиел теперь нарисовал другую галактику, заключил её в окружность и написал «Тварды». Но из попыток объяснить, что такое «твард», ничего не получилось. Надин папа решил, но это какая-нибудь частица или звезда, но не был в этом уверен.

Кисиел «сыграл» несколько непонятных картин, а потом внезапно нарисовал нашу Галактику, Солнце, планеты, Землю, и, помедлив, летательный аппарат над Землей. Василь даже подпрыгнул от догадки: «Летающая тарелка!»

Кисиел затем снова нарисовал нечто, очень похожее на атомный котел, обвел кружками несколько жест на этом котле и взглянул на землян. Он увидел все то же непонимание.

— Сдается мне, — сказал Надин папа, — что он рисует какой-то агрегат корабля...

Кисиел нарисовал земной атомный котел и рядом поместил свой «агрегат». Тогда только до всех дошло: Кисиел нарисовал двигатель «летающей тарелки»!

— Вышел из строя! — возбужденно заговорил Надин папа. Поломался? А на каком топливе он работает? Ты можешь подробнее объяснить его конструкцию?

Но Кисиел глядел на Надиного папу тремя глазами и не отвечал. Он не понимал.

— У меня такое впечатление, — сказал растерянно Надин папа, — что он может нам кое-что объяснить, а нас не слышит или слышит очень плохо...

Но, в общем-то, дело взаимопонимания двинулось. Стало ясно из торопливых объяснений Кисиела, что он (или они?) долго искал на Земле подходящий завод, который смог бы выполнить его, Кисиела, просьбу — заменить вышедший из строя двигатель «летающей тарелки». Единственный такой завод в Атомграде. И вот Кисиел (тут было неясно, от себя лично или от имени экипажа?) обращается к заводчанам с просьбой создать для летающей тарелки» новый двигатель и тем самым помочь ему (или им) вернуться на родину. Далее шло непонятное объяснение причин аварии, несколько раз употреблялось слово «твард», но причины так и остались непонятными для землян.

— А где же «летающая тарелка»? — спросила Надя Естественная.

Кисиел нарисовал какой-то кусочек Вселенной и обвел место нахождения его корабля.

— Что ж, — сказал Надям папа, — в общих чертах все ясно — Теперь надо созывать совещание, на кем все объяснять и... — Надин папа задумался. Это удивило Пирюткина — о чем тут думать, когда инопланетянин (ино-плане-тя-нин!) обращается просьбой! Контакт миров! Союз разумов!.. Увы, лч, Пирюткин мало знаком, как говорится, со спецификой производства.

В самом деле, мьекк Кисиел не ошибся — завод может выполнить практически любой заказ, организация производства позволяет выпускать котлы разной конфигурации. И это — великое достижение! А теперь, как оказалось, он может поставлять котлы даже для мьекков — есть для иной цивилизации... Но.

О чем же задумался Надин папа? О вещах, лч, самых земных. Вот сейчас на линии производства стоит атомный котел, заказанный одной иностранной фирмой. Заказ есть заказ — жесткие сроки и прочее. Хорошо, если иностранная фирма согласится подождать, когда атомградцы построят котел для «летающей тарелки», а если нет?

Ты спросишь, лч, как это фирмане согласится, когда речь идёт об инопланетянине? Ты вправе, лч, задать такой вопрос. Но тогда имей терпение и выслушать ответ.

...Вся компания, забыв прежние дразги, сидела в комнате Нади Естественной и ждала звонка. На заводе шло совещание, на котором Надин папа и Кисиел докладывали и высказывали просьбу, а совещание должно было решить, как быть.

- Уверена, что все будут за то, чтобы создать двигатель для Кисиела. - сказала Надя Естественная.

— Точняк! - поддержал ее Василь Пирюткин. — Это же иная цивилизация!

Сашка Секунда выразил сомнение.

- Это ещё надо посмотреть, - сказал он - подумать. На Земле мы уже государства знаем... А откуда взялся этот мьекк? Что у него на уме? Это надо проверить... двадцать раз!

Дядя Митя в галстуке и белой рубашке сидел у окна и вздыхал, покуривая:

- Надо же, прямо оттель - говорил он умиленно и поглядывал на вечернее небо - Значит, и шляпа... ого! Я знаю теперь, что там... у них, нет, не пьют, не потребляют этого... Вон, как меня от одной только мысли - так развозит, что света белого не вижу... Науке! Технология! Значит, Сашка, я думаю верить таким можно.

Сашка усмехался...

Раздался звонок телефона. Нади метнулась к аппарату, прижала трубку. Но спрашивали Ефросинью Викторовну, а дотом извинялись за ошибку.

— Что за народ! — возмущался Пирюткин. - Пальцы у них дрожат, что ли, когда номер набирают.

- Не всегда — отвечает Сашка Секунда, - Иной раз ошибается АТС. Пирюткин подумал: «Ну вот, все он лезет со своим мнением!» Но Сашкино замечание породило в голове Василя Пирюткина странные мысли о том, почему люди называют сбои в какой-нибудь машине — ошибками. А ведь это не ошибки, потому что машина-то думать не умеет! Даже тогда, когда отвечает за свое «думанье»?

Так отчего же люди так говорят: машина ошиблась? Из-за этого возможны такие путаницы, что ого-го! Вот Кисиел, например, может оказаться не живым, самостоятельно мыслящим существом, а... роботом, автоматом.

Хотел бы Пирюткин, чтобы Кисиел оказался машиной? Пирюткин даже сморщился от этой мысли. Но почему? Мы ведь радуемся, когда машина выполняет сложную работу, мы хвалим машину, даже одариваем ее человеческими эпитетами. Мы танцуем и поем под роботов. Однако сами не понимаем, что радость общения с искусственным существом - это радость ума. А стоит чуть отрешиться...

Вот-вот, вспомнить! Выходит, что те самые существа, которые созданы человеком именно как существа памятливые и, прежде всего, как существа, приспособленные хранить память, эти-то существа провоцируют человека на беспамятность. Они, эти

роботы памяти, как бы говорят человеку: «Отрешись! Не мучься, воспоминаниями, мы все берем на себе». И в такие минуты человека охватывает страх.

Пирюткин обвел удивленными глазами друзей, но натолкнулся на косой взгляд рыжего кота, я как раз рыжий-то кот и вернул его к действительности. Пирюткин подумал: «Нет, кот привязался к Кисиелу... не может же животное привязаться к роботу!»

Пирюткин успокоился. Но ненадолго. Во-первых, снова зазвонил телефон, Надя сухо ответила, что нет, не поликлиника. Во-вторых, Василь вдруг зацепился, как говорится, взглядом за вертикальные зрачки рыжего кота, и ему показалось, что кот смотрят уж очень пристально и даже вроде бы ухмыляется. И тогда Василю на ум пришли треугольные глаза марсиан!.. «Мьеккский кот?!" — подумал было Василь... Надо же, только одно замечание Сашки Секунды родило в Василе целую бурю сомнения. Отчего бы это? В чем причина? Почему он, Василь Васильевич, не доверяет Киснелу? Только потому, что тот другой, ведет себя не так, глазами пуляет? Нет, наверное, не поэтому... Впрочем, может быть, и поэтому!

Раздался звонок, и все уже были уверены, что тот самый. Надя прижала трубку и стала слушать. По лицу её ничего нельзя было понять. Она слушала хмуро, изредка говорила "да". Но вот она положила трубку, посмотрела на рыжего кота и сказала:

- Представитель фирмы долгим голосом заговорила Надя Естественная — отказался... не согласился, чтобы заказ его фирмы был отложен...

— Ну, люди! Ну, звери! — воскликнул дядя Митя.

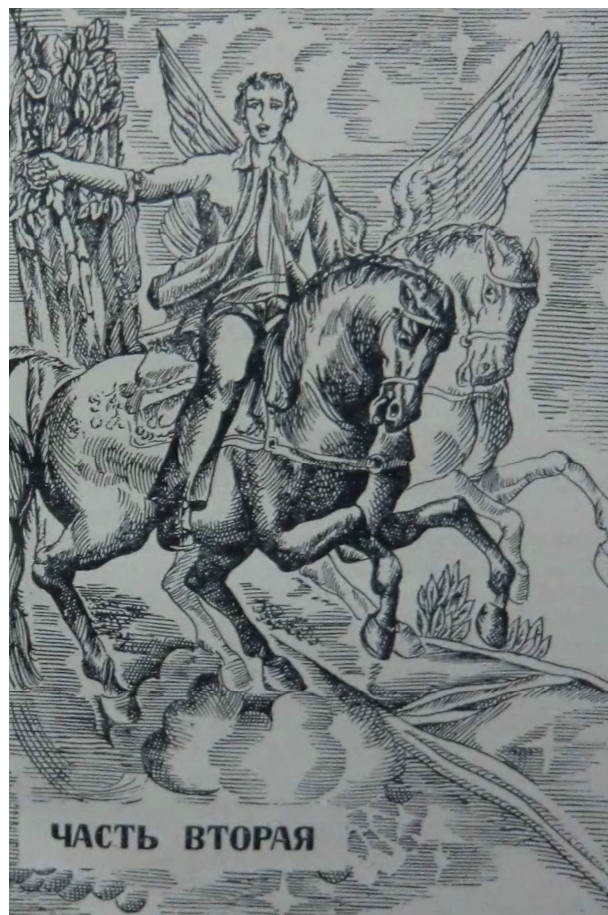
— Ну и что? — спросил Пирюткин

— А то, — сказал Секунда.

— Тогда заводчане решили делать котел во внеурочное время! - Надя впервые за весь день улыбнулась.

...Таким образом? лч, повествование привело нас к очень щекотливому моменту. Без сомнений, одному или двум членам этой знакомой нам компании, придётся увидеть удивительный мир непонятных мьекков. Но когда это произойдёт? Точно не могу сказать, но, во всяком случае, не раньше, чем заводчане построят для Кисиела атомный котёл по чертежам самого Кисиела и доставят его на борт его "летающей тарелки".

Часть вторая

Вот и оказались мы с тобой, лч, на переломе повествования. Наступил момент, когда видно уже завершение, сюжет двинулся от конца навстречу конца навстречу, а ты спохватываешься, что чего-то недовыяснил в Киселе...

Бывало, в степи подманишь из табуна жеребенка, покормишь корочкой чёрного хлеба: благодарный жеребёнок возьмет из твоих рук и пучок травы, - хоть ее море вокруг! - потом позволит погладить шею и, кажется тебе, что вы уже друзья навеки, что жаворонки воют для вас, что и весь табун тоже дружелюбно смотрит на ваше с жеребёнком общение. И вдруг рванется животинка из твоих ладоней, кинется в табун, и стоишь ты, виноватый, не понимая, чей отпугнул - жестом, взглядом, а, может, мыслью, - виноватый и покинутый, и хочется тебе объяснить ему свои добрые намерения, но поздно. Люблю я этих коней, лч! Вот и автомобили, и гравилёты, и сапоги-скороходы на воздушной подушке, а все ж куда им до коней! Звякнет колокол такой, как на старом пароходике — кажется, склянкой называется, - и какой-нибудь дончак по имени Ускоритель норовисто запнется на старте, подбирая танцующие ноги, рыхля землю и вздергивая мускулистую шею. Но вот сладил он со своими масляными ногами и оторвался от земли, пошел, переливаясь рыбьим блеском, и так легко, словно на ногах у него не булыжники копыт, а цепкие кошачьи коготки. И жокея на нём легкий, как птица, и летят они вроде бы вместе, и словно порознь — конь сам по себе, а наездник сам по себе, с той же скоростью завис над конём, тот же ветер ловит острыми ноздрями, так же всхрапывает на ухабах, и так же вытянулся и шелестит его хвост... Ой, что это я о жокее?! Почудилось!

А вообще-то, лч, ты сидел когда-нибудь на лошади? Нет, разумеется. А я сидел. Полгоря раза. Было это в лесу, летом, во влажном полумраке кизиловых кустов, где я ждал марсиан, небольшого роста братьев по разуму. В этом полумраке лишь пауки каким-то таинственным образом выуживали редкие лучи своими пыльными паутинками.

Повторяя про себя слова приветствия, что-то вроде «Привет вам, хомо марсианус!», я нетерпеливо выбрался на мягкую лесную ДОРОГУ, услышав гулкие дрожание земли. Я встал поперек дороги по схеме Микеланджело — руки в стороны, ноги врозь — и в ту-

манных бликах просеки увидел идущую по своим делам большеголовую лошадь. Она была взнуздана и оседлана, умеренным шагом она несла на себе неподвижную тень исчезнувшего всадника.

Я испугался и быстро-быстро встал за дерево. А теперь, лч, самое важное — точно описать то, что я испытывал. Уж потерпи намного, представь себя, лч, на моем месте. Сердце бьется так, словно меня кто-то плечом изнутри толкает. Глаза в паутине. Одно дело встретить в темном лесу, на тихой дороге незнакомого человека: боязно, но понятно. Другое дело — столкнуться с лошадью, которая не вас только умна, чтобы быть человеком, но и не настолько глупа, чтобы выдать свои тайные намерения!

Я медленно обходил дерево справа, в то время как лошадь, вроде как не обращая на меня внимания, обходила дерево слева. Нет, слов не хватает! Если мы, люди, всякие таинственные явления природы объясняем так, словно всякий метеорит, упавший на землю, всякая звезда, подозрительно мигающая, всякая галактика, ритмично пульсирующая, — все это как бы направлено на нас, как знак пристального внимания иного разума, лч, почему же лошадь на лесной дороге идет просто так? Но может она трюхать просто так, потому что она с головой, и голова эта весит килограммов пятнадцать» и эти пятнадцать килограммов думают. А раз думают, значит, обо мне, ведь так? А — как думают? Откуда эти пятнадцать килограммов ума знают, что для меня хорошо, а что плохо? Вот возьмет эта кобыла и... побежит за мной! Что делает трус, повстречав взнузданную кобылу на лесной дороге? Нет, я себя об этом не спрашивал. Некогда было. Я трусил. И вот с перепугу (поверишь ли, лч?) я кинулся к лошади и схватил ее за узду. Попробуй, объясни это, лч? Думаешь, марсиане, например, тебя поймут?

Сначала и думал, что нет ничего ужаснее, как стоять за деревом и дрожать так, что ствол поскрипывает. А потом оказалось, что нет ничего жутче, чем стоять возле бухающей гири копыт лошади и держать ее за узду! Куда же теперь я денусь? Ведь мне теперь от лошади не оторваться. Отпусти я её, так - ого-го! - что она со мной сделает! Вон зубы-то какие! А копыта?!

Я обезумел, лч. Ведь не собирался же я садиться на эту треклятую лошадь! Не было у меня этой мысли в голове. Да и гол вы не было, потерял я голову. Вон она, лежит в кустах и смотри на лошадь и на ее безголового всадника.

Лошадь хотела было двинуться дальше, своей дорогой, но я уперся всеми своими негнушимися ногами. Не пушаю, а? Я даже заговорил с ней каким-то дурацким языком: «Стой, сатанушечка! Луну, не балуй, крокодохля!»... и т. д.

Появись сейчас на дороге марсианин и спроси меня, чего это я лошадь держу, я бы ответил: боюсь!

- Ну, а боишься, так отпусти! - сказал бы трехногий марсианин.

- Не могу, — сказал бы я ему. И марсианин не понял бы меня, так и не получилось бы контакта двух высокоразвитых цивилизаций.

Не знаю, сколько бы стоял я, вцепившись в уздечку, — может быть, до самого своего совершеннолетия (а мне было всего-то лет тринадцать), если бы не появился лошадиный наездник, дядька-лесник.

— Спасибо, — сказал он, — От самого кордона бегу... У, репей тебе под хвост!

Я стоял в сторонке и улыбался лошадиному крупу... Нет, я летел на крыльях радости, покинув, наконец, планету, на которой вытерпел столько смертельного страха!

Ну, садись, прокатишься, — сказал дядька-лесник и ткнул - лошадь кулаком в бок.

Что тут произошло, лч! Если бы меня вывернуть в тот момент наизнанку и показать, что во мне творится - землетрясение, обвал, пожар, тайфун... Я сидел, как мне показалось, где-то на втором этаже лошадиной спины, словно в резиновой лодке на играющем море. Подо мной все время что-то обваливалось, ноги мои висели враскорячку, и весь я был похож на мокрого паука, который жалеет о том, что у него только восемь ног и всего лишь двенадцать глаз - смотреть-то надо во все стороны, к лошадиным бокам прижиматься надо

сорока ногами! А тут гул какой-то в груди у кобылы, уханье какое-то, мышцы ворочаются, как валуны, и вся она шелестит, потрескивает, точно электрическое поле, в хвост щёлкает С тем же раскатистым шипеньем...

Глава первая

Но ты уже вправе спросить меня, лч, к чему я все это наговорил? К тому, лч, чтобы тебе понятнее было состояние Василя Васильевича Пирюткина и его друзей. Как сказал дядя Митя, жизнь вошла ходуном ходить. А все из-за Кисиела. Оказалось, что сам Кисиел — это не просто странный пришелец, он еще и настроения свои имеет, то есть у него состояния душевные тоже есть, и они, эти состояния, способны меняться. Да еще как! То вдруг погасит на своем лице все глаза, оставит одни и смотрят на мир циклопом, только грустным, отрешенным. А то возьмется пузыри выдувать — ну совсем как младенец. Выдувает и наблюдает, наслаждается, что ли. Тяжелые радужные пузыри. Разной величины. Но что удивительно — все одинакового веса. Василь их на балконе складывал, они по всем комнатам катались. Гришка эти пузыри уже я раздавать стал, ребята ими в футбол играют. И вдруг — ни одного, все разом исчезали, как не было их.

Василя настроения Кисиела приводили в трепет и страх. Василь и не знал даже, что чьи-то чувства могут его, Василя, так тревожить. Ну, когда Надя не так смотрит, это ясно, тут сердцу объяснять не надо, сердце просто, как тот заяц, чувствует, что в него целят из ружья. Но — Кисиел! Пришелец! Так от чего же Василю так не по себе? Словно он на лошади оказался, и та пошла, как говорится, наметом, все тело ее волнуется, мышцы норовят убежать из-под Василя, а тот и не знает, чем за лошадь держаться. - Слушай, — говорил Василь другу Секунде, — надо что-то делать; ведь человек, может быть, погибает.

Сашка вертел в руках прозрачный Кисиелов шар и молчал.

Потом говорил обычно:

- А с чего ты взял, что погибает? Может, это он для нас прикидывается человеком, а теперь-то как раз «херауешраубенд».

Пирюткин терялся, искал по сторонам поддерживающий зелёный взгляд Нади Естественной.

— Да ты пойми, ведь он должен объяснить, какой котел ему нужен, — отвечал тогда Пирюткин. — А если не успеет объяснить — хоронить его здесь будем.

На это Секунда не отвечал. Может быть, потому, что на этот вопрос пока никто ответить не мог.

Пирюткин бродил по вечернему двору, среди шумящей малышни и сверстников и давал себе клятвы, что не позволит Кисиелу, пришельцу, вному разуму бесславно погибнуть на Земле. Перед косом Василя то и дело мелькали Кисиеловы шары, ребята играли ими в футбол, в баскетбол, просто перебрасывались, и в каждом шаре, как в маленьком телевизоре, ярко отражались вечернее небо, накаляющийся фиолетовым заревом закат и медная пружинка месяца...

— Котя, мне пасуй! Мне!

— Слева, Колька, слева а!

— Навешивай, Котя! Навешива-ай!

— Куда вы, козлы?! Справа!!!

— Сява, на!

Шар вобрал в себя сразу все здания вокруг вместе со светлыми окнами, упал Сяве на голову, потом на грудь, потом на йогу и влетел в ворота.

— Не в форме, — грустно пошутил вратарь.

Пирюткин нехотя возвращался домой. И заставлял такую картину. Кисиел полулежал в кресле, шляпа его съехала набок, чуть-чуть посверкивает бахрома, лицо Кисиела серое и вытянутое как-то на сторону, глаз нет, только мягкий рот шевелится, произнося:

- Мьек-ки... мьек-ки...

Мама Василя всхлипывает, а вслед за нею уже плачет и Гришка.

Глава вторая

Замечательное существо человек, скажу я тебе, лч. Вот и Кисиел тут объявился, странное создание непонятной природы, а, всё же? как не удивляться человеку Земля? Есть ли предел человеческим ощущениям и чувствам, а, лч? Вот что хотел бы я спросить. Правда, мне можно возразить. Мол, вон сколько рассуждал я о том, нащупала таком мир, который недоступен человеческим чувствам, мир, в котором лишь воображению нашему место найдётся...Всё так. Так я и говорил и не отказываюсь от своих слов.

Но, с другой стороны, ведь те знания, которые добывает человек, эти знания, отчасти же, только в человеке и сосредоточены и вне его как бы и не существуют. Вот ведь какая штука. И если человек не осваивает знания, то, опять же, этих знаний как бы и вовсе нет. Поэтому я и спрашиваю: много ли чудес способен освоить человек? Беспредельно ли его любопытство?

Вот Сашка Секунда. Что означает его недоверие к Кисиелу? Почему он его ливерной колбасой обозвал?

Пирюткин даже испугался, у него в животе ойкнуло, потому что он никак не понимал поведение своего друга — как это можно было тек шутить при самой Наде Естественной? Василь посмотрел на Сашку и увидел, что глаза у него подернуты дымкой, словно Сашка засыпает или, наоборот, проснуться не может. И тут же в голове — а где же еще? — Василя мелькнула жуткая мысль: «Уж не... уж не для того ли Секунда кривляется, чтобы привлечь внимание Нади?»

— Сам ты!.. — начал было Гришка, сдерживая слезы. Но его прервал папа Пирюткии:

— Ничего, обвыкнуть ему надо. Дерево пересадить — и то трудно, а ведь тут живой все-таки... Вот скоро соберутся наши инженеры, обсудят, поговорят с Кисиелом по душам... А пока пойдем-ка, голубчики, гулять.

День был воскресный, и собаки, привыкшие, что в воскресенье люди уделяют им больше внимания, чем в будни, были перепуганы вконец, когда по набережной стал прогуливаться непонятный по запаху человек. Псы разбежались кто куда, и только самый отважный, рыжий с яркой черной полосой вдоль спины и хвоста, забился под лавку и смотрел оттуда долгим, всепонимающим взглядом. Думал он примерно так: «Лет десять назад, в январе, меня угостил толстолобиком один рыбак. Он весь заледенел на морозе. Значит, ледяные люди добрые... Но лет шесть назад со мной случилось несчастье. Меня чуть не прибил какой-то тип, который кричал, что он совсем задубенел на ветру... Ах да, была осень, и дул мерзкий ветер!.. Он кричал, что совсем одеревенел, а тут еще какие-то собаки лают... Какие-то! Я не лаял, а объяснял атому деревянному человеку, что здесь ходить посторонним... Э, да что объяснять им! Деревянные люди — плохие люди... Года три... или два назад, кажется, в начале июня, вон там, у газетного киоска, со мной разговаривал один приятный пожилой мужчина и кормил.» угостил меня кусочком колбасы...— ах, как пахла она! — и все объяснял, что жена очень зря на него сердита, потому что он, как стеклышко и «ни-ни»... Значит, стеклянные люди — тоже хорошие люди... Теперь вот появился совсем нечеловеческий человек. И каким же теперь концом повернутся собачьи законы вероятности?»

— Робот! Робот! —кричали ребята и бежали гурьбой за Кисиелом.

Гришка, охрипший и расстроенный, кидался с кулаками то к одному, то к другому ровеснику и объяснял:

— Это не робот, не робот он совсем, понял? Это человек, ты, дурак!

Наконец Надин папа не выдержал и сказал Гришке:

— Послушай, Гриша, разве ты сможешь постороннему человеку объяснить, что, например, твоя любимая собака — очень умная собака? Что она понимает тебя с полуслова и, больше того, она, как человек, умеет войти в твое положение!

— Но он же не!.. — сказал Гришка и запнулся.

— Наберись терпения, — сказала Надя Естественная. — Кисиел еще себя покажет, это же естественно.

Глава третья

Я понимаю, лч, понимаю и все вижу: скука тебя одолевает. Хочется тебе, чтобы вот в этот самый момент началось что-нибудь сногшибательное... А ты, лч, когда-нибудь наблюдал за собою? Читаешь ты «Всадника без головы» и раз, и другой, и третий, и в одном и том же месте охватывает тебя жуть. Ты ведь уже все наперед знаешь, но тем не менее. Почему? Потому что ты, лч, читатель умный и учишься сам себя обманывать. А что такое ум?

Ум - это такое свойство, которым можно истину открыть, но с помощью ЭТОЙ истины завести в такие дебри, из которых и дурак не выберется. К тому и поговорка: ум доводит безумия, разум до раздумья.

Каждый человек видит мир по-своему, значит, каждый немножко не в себе. Но надо же меру соблюдать, лч! Вот несколько лет назад до того как на Марс высадились первая экспедиция, астрономы обнаружили в районе Кидония марсианского сфинкса. А потом целый город «пирамид Хеопса»! А что было там, на Марсе, а районе Кидония, на самом деле? Экспедиция увидела просто причудливые тени от причудливых скал.

Так вот, лч, таков уж человек Земли — он умеет строить треугольник по любым трем точкам. И если одной из вершин этого фантастического : треугольника окажется иная цивилизация, которая вообще не знает, что такое треугольник, то разве сам треугольник от этого пострадает, разве он станет от этого менее умным?

Вот давай поглядим-послушаем, что происходит в КБ завода, де Кисиел пытается объяснить, какой ему нужен атомный котел.

В комнате накурено. Василь с Надей забились в угол, за куль-мим, сидят тихо и растерянно. Да и как не растеряться, если вон коль ко времени взрослые дяди, вооруженные суперЭВМ, бьются над чертежом Кисиела. Никогда еще Василь не видел папу Нади Естественной в таком возбужденном состоянии. А уж как он глаза выпучивал, как двигал бородой! Василь поглядывал на Надю, думая, что она смущается видом папы, но Надя тоже вся горела, особенно горели ее зелёные глаза.

- Мы не понимаем друг друга! — кричал яростно папа Нади. — Вы посмотрите сюда! Он тыкал ладонью в чертеж, и все внимательно — в сотый раз! — осматривали произведение Кисиела. Чертеж как чертеж, со всеми подробностями. Ну, может быть, форма котла была несколько необычной, не такой, какие привыкли делать на заводе, ну и что?

- А то! — кричал Надин папа. — Кто поручится, что в самой середине вот этого кисиеловского котла просто пустота?! Вдруг там четвертое измерение? Какие-нибудь сложные конфигурации пространства-времени? Или того хуже — может быть топливом для котла служит какой-нибудь элемент, который есть только где-нибудь в Дисковидной галактике?!

Кисиел стоял посреди комнаты, шевелил длинными пальцами. Голова его вертелась медленно, обозревая всех говорящих.

— Это никчемный спор, — говорил кто-то из-за одного кульмана.

— Кчемный? — возражал женский голос из-за другого кульмана.

— Мы даже не знаем, в каком масштабе сделан чертеж! — кричал третий, выскакивая за дверь,

— Ну, не совсем же Кисиел туп, — двигал бородой папа Нади. — Он же понимает, что... Понимаешь? — спрашивал он Кисиела.

— Ма-ешь, — говорил вибрирующим голосом мьекк.

— Но машина за ним не поспевает! — кричал тот, кто выскакивал за дверь, теперь возвращаясь на место. — Машина горит, машина задыхается, она не может работать в таком космическом темпе!

В комнате было душно. Когда в возбужденной голове Пирюткина на мгновение прояснилось, он почувствовал, что весь сжался в комок, что его бьет дрожь, а он не может остановиться. Он глядел в зеленые глаза Нади Естественной, и ему хотелось что-то сделать, чем-то помочь ей или ее папе. Но чем? Василь уже видел корабль, несущийся среди густых звезд, и свет, который вырывался из корабля, был изумительного зеленого цвета. В самом деле, Надя так смотрела вокруг, что способна была двигать предметы своим взглядом.

— Надя, — шепотом позвал Василь, дрожа и сжимаясь. — Давай дружить?

Надя Естественная очумело глянула на Василь Васильевича и вытянула свою и без того длинную шею.

— Ты комик, Пирюткин, — сказала она голосом, в котором слышен был смех.

Ах, когда же наконец создадут такой прибор, который измерял бы содержание человеческого взгляда! «Двадцать граммов насмешки, тридцать граммов сожаления, пятнадцать граммов уважения и пять граммов любви!» Нет такого прибора, и нет возможности обнаружить во взгляде Нади Естественной желаемую примесь весом в пять грамм! Увы тебе, Пирюткин!

В самый крик раскрылась дверь, и вошел папа Пирюткин. Он незамеченным прошел к Василию и Наде, протянул два яблока. От папы Пирюткина так сильно пахло свежим, обожженным металлом, что, казалось, папа Пирюткин только что побывал на морозе среди снежной вьюги. И яблоки были холодны, и металлический вкус их отдавал морозом и январем.

— Ну, как тут? — спросил папа Пирюткин. — Ребята в цехе волнуются.

Надя презрительно взмахнула хвостом волос.

— Кухня, — сказала она отрывисто. — Все сыты по горло.

Папа Пирюткин понимающе кивнул, подошел к Кисиелу.

— Скучаешь.

— Кот-ел, — продребезжал Кисиел.

— Вот, — закричал кто-то. — Кого ел? Чей кот? Я как подумаю, что снова начнем высчитывать квадратуру круга, у меня волосы вылазят!

— Ммм, — мычал Надин папа, и дочь его морщилась, как от зубной боли. — Надо что-то делать... надо что-то делать... Надо помогать мьеккам... Но мы не разобрались во всех узлах котла...

Кисиел взял из рук Василя недоеденное яблоко и внимательно разглядывал огрызок — и было хорошо видно, как под взглядом мьекка яблоко быстро-быстро покрывается ржавчиной.

Папа Пирюткин оторвался от чертежа и сказал:

— Надо рискнуть... Как говорится, глаза боятся, а руки делают.

Глава четвёртая

После знойного дня, кажется, что и луна припекает. Друзья сидели на скамеечке в детском саду. Лишь Кисиел стоял, как памятник Рыцарю Космоса, он был задумчив, и глаза блуждали сами по себе.

Пирюткин вытянул ноги, облокотился о спинку и глядел в небо. и соображал, что его таинственная способность видеть по кривой развивается. Теперь ночное небо казалось ему светлее, чем раньше. Потому что теперь он видел раза в два больше звёзд. «Как телескоп - подумал Пирюткин и навел глаза на Надю. Волосы искривились, у лица вились тоненькая спиралька сияния; казалось, И голос посверкивает и поёт:

— Везет инопланетянам: прилетают на другие планеты, им все благодарны, стараются помочь... Потом они улетят, а мы останемся и будем рассказывать сказки своим детям, Я дети внукам о том, как прилетал на Землю мьекк по имени Кисиел, какие фокусы показывал, как пел что-то своим скрипучим голосом... Но так никогда и не узнаем, о чем он думал, как он думал и куда пропал.

— Ну. ты что-то расхандрилась, девица, — сказал дядя Митя.— Я родственную душу чую, а слова — что? Слова — это цифры, так я думаю. Сколь ни считай, сколь ни наводя точность, все чего-то не хватает, а где взять, если нет?

Пирюткин почувствовал, как в нем проснулся и зашевелился Сашка Секунда. И Пирюткин не выдержал, дал ему заговорить:

— Точность — это все. Нельзя быть точным не до конца. Если две линия должны образовать угол, он должны пересечься. Если они не до конца пересекутся...

Надя развеселыми глазами оглянулась на Пирюткина и перебила, напевая:

- Если дважды два-а-а не до конца четы-ы-ыре, если со-о-олнце восходит на восхо-о-оде, если плюнул в колоо-о-дец, то должен оттуда напи-и-иться, чтобы быть точным до конца-а-а. Все хохотали, да и Пирюткин тоже смеялся, чувствуя во рту пресный вкус Сашкиного голоса.

- Нет, что же так ты на меня налетел? — продолжал дядя Митя. — Точность нужна, нужна она, как часы... Но вот что я хочу сказать. Как бы эта точность не стала дурной привычкой.

— Как же это так? - ухмыльнулся Пирюткин.

Дядя Митя молчал, курил. Кисиел водил пальцем в клубах дыма.

— Дядя Ми-и-итя, — пропела Нал;:. — догова-а-аривай.

— Договорю, если сумею... Вот мне для того, чтобы закурить, надо достать сигарету, положить в рот, потом открыть коробок спичек, взять одну, чиркнуть, прикурить. Всегда все тонко

повторяется, но вся эта точность вокруг такой глупости что... что вот если смотреть, наблюдать за мной глазами Кисиела, то так никогда и не узнаешь, для чего выдумана эта точность.

Надя протянула руку и погладила Василя по голове.

Василь дёрнулся, а Надя пела:

- Инуи-иция, Пирюткин, тонне-е-ельное чувство, слышал о таком?

Она наконец перестала мучить Василя, убрала руку, и Василю стало так хорошо, словно Надя передала его голове часть своего теплого сияния. Пирюткин светился. Но этого никто не видел, кроме, может быть, Кисиела. Уж он-то чуток был на всякого рода свечения.

— Дядя Митя, — подал голос Гришка, — как ты думаешь, сделают котел или нет?

— Металл покажет, — неопределенно сказал дядя Митя.— Он тоже мудрый, металл.

Руки, что надо, нащупают. Кисиел, что надо, подскажет... В работе оно как-то скорее, понятнее все выходит. Станки теперь вон какие башковитые, инструмент с мозгов, так что в деле и докумекают.

— Докумекают, - дразнил Пирюткин с чужого голоса.

— Дядя Митя, а вас возьмут?.. — допрашивал Гришка.

— В космос? — дядя Митя хмыкнул. — Это ты у Кисиела спроси

— Да-а-а, спроси, — протянул Гришка. — Я его понимаю, а спросить не могу.

— Понимаешь, — кривлялся Василь Васильевич

- П-ним-ть — скрипнул Кнсел.

— Букварь бы ему какой придумать,—сказал дядя Митя. — А то как вы будете там, с мьекками, разговаривать?

— А мне Са-а-ашка звонил, — пропела Надя Естественная, я сердца Василя покачнулось, покачнулось небо. — Он предлагал мин

«Куда?» — хотел спросить Пирюткин, но молчал. Земля убегала от него, голова крутилась, как у Кисиела, языка не было. — На кры-ы-ыльях,— пела Надя.

Друзья поглядывали на Василя, думая, что он спорит и, возможно, знает нечто большее, чем они. Но Василь и не думал спорить, он дразнил, кривлялся. Душа его, треснувшая, как зеркало, множила подозрительность.

"Вот оно!" — воскликнул про себя Василь. Это пришло мрачное, ревнивое озарение — так ему показалось. «Вот как оно всё поворачивается — приблизительно так думал Василь. Выходило, что Сашка Секунда, дружок завзятый, обошел его и теперь устремился вперед, к победе над сердцем Нади Естественной - думал Василь. И еще думал, что Сашка забросил изучать вывернутый мяч и теперь вступил в соперничество чуть ли не с самим Кисиелом — изобретает крылья. "И ведь, в самом деле, - подумал Василь, позавидуешь ведь кисиеловой способности летать". А подумав так, Василь с озарением уставился на мьекка, и опять же ревнивая мысль вонзилась Василю в голову: «А, может быть, и Кисиелу нравится Надя?!»

И вот Василь оказался в жутком, раздвоенном, состоянии: с одной стороны, соперник-друг Сашка Секунда, с другой стороны мьекк Кисиел... «Что ж делать?» — думал лихорадочно Василь. Но точнее бы сказать: что чувствовать? Чем-то приятно было сознавать, что землянин бросил вызов Кисиелу (если это, в самом деле, так), но тут же обжигала мысль: «Да ведь из-за кого они соперничают?!»

Василь почувствовал над своей головой осторожную тяжесть — это Кисиел подошел и протянул свою десницу. Голова Василя осветилась изнутри тем же светом, каким одарила его Надя Естественная снаружи. Василю стало легче. «Экстрасенс» — промелькнуло в просветленной голове Василь Васильевича. И он увидел за своей спиной широченные крылья, услышал, как поет в них высокий, плотный ветер, почувствовал в себе таинственные силы орла, человека-птицы, существа, которому равно покорны земля и небо, существа, которое дерзает окунуть крылья во Вселенную...

- Что это Кисиел о тебе так заботится? — услышал Василь голос Нади.

Василь молчал. Он ревновал, как может ревновать только человек-птица: с клекотом в груди и с насмешкой во взоре.

Неосторожный Кисиел наступил своей пятой Василю на ногу. Величественная картина пропала, Василь потихоньку завыл, вывинчивая ногу из-под «марсианской» тяжести.

— Звн-юс — протрубил Кисиел.

— Нет, — говорил себе дядя Митя. — Нужна школа, нужно обучаться, понимать учиться. Терпение и труд...

— Он петь умеет, — сказала Надя.

- Поют и ржавые петли, — ответил дядя Митя.

— Он считает так, что машина не поспевает! — сказала Надя.

— С какой скоростью свет летит? - спросил дядя Мят* - Триста тысяч камэ в секунду...

- Вот, в секунду - триста тыщ, и считать не надо,— сказал дядя Митя

— Так что же это получа-а-ается?-удивленно пропела Надя Естественная. — Что Кисиел совсем и ду-у-умать не умеет?

- Может, сам себе он и думает, а вот то, что ты думаньем называешь, это так — привычка природы.

— Ну, ты дае-о-ошь! — запела высоким голосом Надя. Дядя Митя вздохнул:

— Дал бы, да нечего. Промахнулся с ученьем...

Василь Васильевич скис. Нога ныла. Голова тупела. Спор до него доходил обрывками. Он понимал и не понимал. То вдруг озаряло: «Верно говорит дядя Митя! С испугу чудится, что и оса мыслят, потому что укусить может". Но потом понимание проходило, и

Пирюткин думал: «Эх, Надя-Надя, как же так? Почему же так? Ну почему ты такая?.. И почему я такой?»

Луна холодела. Жизнь принимала привычные формы. Василь дышал легче. Через некоторое время котел-двигатель будет готов, и его вместе с Кисиелом отправят на борт «летающей тарелки». После чего Василь Васильевич Пирюткин уйдет далеко в поле, и там под лучами знойного солнца выложит из огромных камней фигуру пришельца с крыльями за плечами, и до самой глубокой старости будет ждать сигнала из космоса, и, может быть, до самой смерти не дождется...

Глава пятая

- Ух, ух, ух,
меня сватал петух,
а я была курочка,
молодая дурочка!

- Пела полная тетя, загородив подъезд дома перед молодоженами. Кто-то сыпанул конфет, забренчали монеты. Пара молодых, широко и одинаково улыбаясь, переминались у подъезда, не зная, что делать. Тетя плясала, подкидывая полные ноги:

— Через тын, через тын,
через жёрдочку
целовал меня милой
в самую мордочку!

Наконец подруги оттащили ее, и молодая пара — он в сером костюме, она в белом, с длинным шлейфом платье — торопливо нырнула в двери.

- Фи — сказала Надя Естественная, зеленая глазами. — Перед кем красуются? Мещанская традиция.

Василь смутился: он только что мечтал, как рука об руку он шел бы с прекрасной дамой на виду у всех, счастливый и спокойный...

Надя залилась смехом:

— Ты видел, какие у них глупые физиономии? Василь кивнул, отворачивая лицо.

— Же-е-енятся, выходят за-а-амуж, а инопланетя-а анину помочь не мо-о-огут! — запальчиво пропела Надя.

У Василя защемило сердце. Сейчас на заводе начались первые работы по созданию уникального Кисиелова котла-двигателя. Как там все ладится? Что делает Кисиел? Василь вздохнул и укоризненно посмотрел на Надю — ведь дали слово не говорить на эту тему.

— Ла-а-адно, Пирю-у-уточка,— запела Надя. — Не бу-у-уду, уже ничего не говорю... А пойдем посмотрим, чем занят наш общий знакомый?

Общий знакомый на звонок не вышел. У двери валялись перья. Василь не силен был в орнитологии, но различил тут и голубя, и гуся, в даже воробья.

— Черти трепали, — сказала Надя Естественная.

Василь был в растерянности — уж не завел ли общий знакомый голубей? Но тогда откуда гусиные перья?

— Слу-у-ушай! — запела Надя Естественная. — А вдруг это из подушки? Вов, смотри, он куда-то ее тащил.

Разбросанные перья привели их на чердак. Василь открыл чердачное окно и вышел на крышу. Тут властвовал стремительный ветер. У широкой трубы они увидели общего знакомого — разряженный в перья, размахивая широченными крыльями, Сашка Секунда совершал таинственный обряд. Повернувшись лицом на ветер, он то медленно приседал, то подскакивал, крылатые руки его то взлетали вверх, то опускались, то замирали над

спиной. Большущий грач, примостившись на телеантенне, ругал Секунду самыми сильными грачиными ругательствами и грозно вытягивал серый чугунный клюв.

Василь обернулся, чтобы посмотреть на то место, куда его сию секунду свалит хохот, но увидел замкнутое лицо с закушенной губой. Надя Естественная, пятась, нырнула в чердачное окно и потянула за собой Василя.

Пять минут спустя они сидели в темном «парадняке», и Надя гипнотизировала Василя яркими зелеными глазами. Василь не знал, что и думать. «Вот жизнь, скажу вам,— думалось ему, —ну ни секунды покоя. Все время кто-нибудь что-нибудь выдумывает! То женятся, то летать учатся. Хочешь посмеяться, а тебе рот затыкают! Ну что, что ты так смотришь на Василь Васильевича? Он сейчас весь переломится, или разбежится во все стороны — собери попробуй его!»

— Пирю-у-уточка, — тихо запела Надя Естественная, — вы ведь шляпу примеря-а-али? — Какую шляпу?— Василь, в самом деле, не понимал, о какой шляпе она спрашивает. У него был жар — градусов тридцать девять, если по Цельсию, а по Фаренгейту так и все... ого-го!

— Не дури-и-и, Пирю-у-уточка, — тихо пела Надя Естественная, покачивая зеленоглазой головкой. — Кисиелову шляпку, а?

— Мерили, — честно кивнул Василь.

— И что-то такое с вами случи-и-илось... Вы с Сашкой измени-и-ились, я всё-о-о вижу, Пирюточка, всё-о-о замечаю...

— Замечаешь, — согласился Василь.

Надя усилила фокус внимания своих фосфоресцирующих глаз.

— Какими же вы стали?

— Ну, — развел руками Василь. — Разными.

— Не-ет, Пирюточка, — на тон выше запела Надя Естественная,— ты мне, пожалуйста, подро-о-бно. Я очень хочу зна-а-ать.

Василь Васильевич Пирюткин, как тот богатырь из русской сказки, вырос не по дням и даже не по часам, а по минутам. Бремя тайны, тяжесть таинственного своего превращения давили

Мужественные плечи.

- Да, — сказал он твердо, — я стал из-за угла подсматривать.

— За кем?! — ужаснулась Надя Естественная. Васи ль устало замотал головой.

— Нет, у меня глаза, как... как волноводы. Я вижу вот так,— и Пирюткин начертил рукой крутую дугу.

Надя отшатнулась. И может быть, впервые в жизни посмотрела на Василя, не как на старого-престарого знакомого, а как на незнакомого, но очень замечательного молодого человека. Так показалось Василью.

— Ты что же, окосел? — медицинским тоном сказала она. Терпение изменило Василя Васильевичу.

— Где твоя сообразительность, Естественная? Интуиция природная? Чутье врожденное? Ой, ой, сколько уязвленной гордости может поместиться всего лишь в двух (а не как у Кисиела в десяти-двенадцати) глазах. Надя хотела было встать, уйти, покинуть, навсегда забыть этого Пирюточку. Но естественное любопытство взяло верх.

— Ну, допу-у-устим, — тоном ниже попробовала напевать Надя.— А что же произошло с Са-а-ашкой? Он ведь утюги в аквариум не кидал...

— Что-нибудь произошло, — спокойно сказал Василь.

— Его перестали посещать идеи?

— Не перестали. Его теперь другие идеи посещают.

Сказав, Василь немножко похолодел.- Умение Секунды выдумывать идеи и с головой уходить в их решение все больше удивляло Василя. Он уже не смог бы. спросить у Сашки: «Зачем тебе крылья?» Гордость не позволяла. Потому что было у Василя по-

дозрение, что Надю стал интересоваться духовный склад Секунды. Надя прикрыла глаза и к чему-то сказала: — А еще друзья называются.

— Надя,— нежно сказал Василь, — это все чепуха... — И Кисиел чепуха? — насмешливо спросила Надя.

Пирюткин хотел сказать: «И Кисиел чепуха!» — но что-то его удержало. Вовремя удержало, потому что какое имел он право презирать всех из-за того, что Надя Естественная не уделяла ему» Василь Васильевичу Пирюткину, желаемого внимания? Стыдно, Василь Васильевич! Ты не один на земле живешь, а теперь оказалось, что ты не один и во Вселенной! Нельзя быть эгоистом.

Допустим, Василь Васильевич, что Надя увлечена Сашкой... «Нет! — закричал про себя при этой мысли Василь Васильевич. - Не верю!» Ну, верю — не верю, это не разговор, Пирюточка. Ты допусти такую мысль: Надя равнодушна к Сашке. Не к тебе, Василь Васильевич, а к твоему самому близкому другу. Трудно допустить? Нутро собственника восстает? Не хочешь думать, что Надя Естественная — человек вольный в своих чувствах? Почему, дескать, не я, а какой-то Сашка? Что она в нем нашла — в этом нудном человеке? А знаешь ли ты, Василь Васильевич, что любимых, как и пришельцев, не выбирают?

- Верно, — с трудом соглашаясь, давая свою изболевшуюся гордость, думал Василь Васильевич. — Сколько раз уж жалел, что... люблю ее. Правду пишут в старинных романах, когда такая неразбериха, лучше смерть».

Вон до чего додумался, Пирюточка! Опять на себя свернул — ему-де жить тяжело и непонятно и лучше жизни себя лишиться, чем так маяться на белом свете. Не умеет быть объективным. Что это значит — быть объективным? Мало допустить мысль, что Надя увлечена Сашкой. Требуется большая отвага — войти в положение Нади, понять ее чувства, стать на некоторое время Надей, посмотреть на своего друга ее глазами, увидеть в нем то, что видит она. Вот это объективность, вот это отвага!

«Что же она в нем нашла? — размышлял тяжелыми, больными мыслями Василь Васильевич — Что?» И должен был признаться, что ничего не знает о своем друге. Одно дело вместе бегать, гонять футбол, спорить об идеях, другое дело — посмотреть глазами другого человека. Сложно, очень сложно!

Вот тебе, Василь Васильевич, геометрически-математический пример: треугольник. Три взаимно противоположные точки зрения: А, В, С. А смотрит на В — влюбленно, на С — равнодушно. В смотрит на А с интересом, на С — влюбленно... Если А смотрит на В влюбленно, значит, В смотрит на А с не простым интересом, а с , «Пересом, связанным с влюбленностью А, верно? Но если В понимает, что А смотрит на него влюбленно, значит, В будет смотреть на С не с Простой влюбленностью, а с особенной. В знает, что его «обит А, и смотрит на С таким взглядом, в котором читаем последующее: «С, я люблю тебя, и ты должен (должна) обратить на себя внимание, потому что А смотрит на меня влюбленными глазами". И т. д. до бесконечности. Пример очень простой, точки неподвижны, и о них легко рассуждать, но несколько труднее рассуждать о треугольнике, связавшем людей, которые места себе не находят!.. А если это многоугольник?..

— Эй вы! — В «парадняк» вбежал Гришка — Вы чего тут сидите? Там Кисиела в бригаду не принимают.

Глава шестая

Гришка с перепугу все немножко перепутал. Дело было так.

— Цэ шо? — спросил бригадир, тыча авторучкой в Киснела.

— Это высокоразвитое существо инопланетного происхождения,— сказал папа Пирюткин.

— Штангист?

— Звездопроходчик.

— Вот из хиз нейм? — бригадир любил иной раз блеснуть английским так же, как и украинским.

— Кисиел.

— Цэ шо за профессия — кушать кисель?

— Палыч, он будет работать в нашей бригаде.

— Не, нэ будэ. У меня уже есть одно существо инопланетного склада, с глазами на троих.

— Палыч, это приказ начальства.

— Приказ? Так и запишем: робот с гибкими манипуляторами под инвентарным номером... Який номэр?

- Палыч, это не робот. Это... человек! — уверенно сказал папа Пирюткин.

- Он шо, зарплату получать будэ? — и подозрительно, и насмешливо спросил бригадир. Папа Пирюткин растерялся, оглянулся на окружающих их членов бригады.

- Ему не нужна зарплата, — неуверенно сказал папа Пирюткин.

- Иэ начислили? Без квалификации? —допытывался бригадир.

- Он мастер на все руки, — гордо сказал папа Пирюткин.

- Универсал, значит? — переспросил бригадир.

- Да

- Ну, будэ шуткувать... Який номер у робота?

Папа Пирюткин рассердился и потащил Кисиела в бухгалтерию. Но бухгалтер сказала:

- Да, приказ был зачислить... Но, видите ли, его надо оформить в отделе кадров.

Папа Пирюткина привёл Кисиела в отдел кадров.

- А, вот каков он! — воскликнул весело начальник. — Молодцом! Боец! Так-так, сейчас мы на него все и по всей форме... И так» фамилия, имя, отчество?

— Кисиел... Кисиел - папа Пирюткин запнулся. Начальник отдела кадров рассмеялся:

— Это что же за сочетание такое? Так только обезьян зачисляют: Горилла!

Горилла!Горилла!!! Год рождения?

— А этот молодец сам о себе что-нибудь знает?

— Не знаю, — упал духом папа Пирюткин.

— Зн-ю? — скрипнул Кисиел. Лицо его морщилось, глаза пылали.

— Прекрасная дикция!.. Место рождения?

С зачислением Кисиела ничего не вышло. Папа Пирюткин в Кисиел вернулись в цех.

— Поздравить с зачислением в бригаду? — насмешливо спросил бригадир.

— Палыч, — сказал убитым голосом папа Пирюткин, — это же глупость какая-то! Он человек, он думает! Но ему не нужна зарплата, и анкеты ему не нужны.

— Ну, что ты так волнуешься? — спросил бригадир. — Какав тебе разница, как я его зачислю в бригаду — как члена или как робота?

— Да ведь это унизительно, Палыч! Что ж мы его, как средство производства...

- Да, может, ему-то все равно, а? Папа Пирюткин растерялся, а бригадир в это время окунул кисточку в красную краску и вывел на груди Кисиела: иив. № 587. - О, — сказал он. — Хай робит цей робот. — И захохотал, довольный шуткой.

После чего Кисиел приступил к работе.

Всё вроде бы уладилось. Но выходка бригадира возмутила Василя Пирюткина, Впрочем, возмущался он больше оттого, что гневу Нади Естественной не было границ.

- Тупя-я-нца! — кричала-пела она. — Бездушный челове-е-е-к! Сам он робот!

И Пирюткин соглашался: да, глупо получается, человек прибыл из другой цивилизации, а ему на груди инвентарный номер нарисовали. Кому будет приятно? А потом Кисиел расскажет обо всем там, у себя, всем мьеккам... Вот посмеются же над землянами!

— Да за такн-и-ие дела в су-у-уд надо подавать! — возвысила

— Как же в суд? — удивился Пирюткин.

— А так? Нельзя оскорблять инопланетянина!

— Да, может, он и не оскорбился... — робко начал Пирюткин.

В этом месте спор окончился. Надя ушла. Надя унесла взнезную гордость. Она перестала замечать Пириуткина. И Пириуткин сусал локти — ведь у него-то и была всего лишь мысль успокоить Надю! В ушах его, не очень музыкальных, звенела последняя песня Нади: «На месте Кисиела я бы такое сотворила!.. Такое бы проделала!

Ну-с, лч, прерву-ка я повествование в этом двусмысленном месте, чтобы разобраться в вопросе подробнее. Впереди у нас, подозреваю, что-то очень замечательное. Ведь не зря же Надя так возмущена и призывает Кисиела к отмищению, тем более, как мне кажется, за Кисиелом не залежится.

Итак, нравственно или безнравственно писать на груди пришельца инвентарный номер, какой пишут на казенных стульях, ведрах, швабрах? Ответ на этот вопрос зависят от того, как мы, земляне, понимаем инопланетный разум. Одни научно-фантастические ученые утверждают, что всякий разум во Вселенной родствен земному, поэтому мы всегда пойдем друг друга. Другие не менее научно-фантастические мудрецы доказывают обратное — всякий разум во Вселенной настолько своеобразен настолько не похож на какой-либо иной, земной идя марсианский» что понять Друг Друга нет никакой возможности. Как туп быть? А есть ещё третьи, которые уверены: нет никакого иного разума, есть только один разум, земной, а так как он одинок во Вселенной, то и выдумывает себе разных фантастических собеседников чтобы не было скучно.

Нет, не хотел бы я оказаться пришельцем. И тебе, лч, не советую. Докажи, что ты не верблюд, а хомо сапиенс. Знаешь, сколько терпения и смекалки надо, чтобы развеять подозрение!.. Впрочем, все может оказаться проще. Ведь ты, лч, номер на футболке носишь с гордостью.

Глава седьмая

Лч, встречал ли ты птицу, которая жаловалась бы на превратности полета? Не жалуйся и ты, лч, на превратности повествования.

— Раз-два, — говорил себе под нос Гришка, приседая под звуки утренней бодрой свирели, — Подняли руки вверх, потрясли пальцами, в-выдохнули...

По радио заиграли марш. Гришка, высоко поднимая колени, сделал «через левое плечо» и промаршировал на балкон.

- Бум! — сказал Гришка самому себе. На перилах балкона висели облепленные паутиной братовы штаны. Тут же валялись грязные кроссовки. Гришка поискал глазами и нашел — желтая футболка висела на соседнем тополе. — Бум, бум.

Гришка вернулся в комнату и глазами профессионального заклинателя змей уставился в спящее лицо брата. «Ночью... один... ходил... — говорил про себя Гришка. — Куда... ходил... ночью... Куда?»

Брат вдруг замычал, вскинул руки и плавно повел ими в воздухе — летал во сне.

— Ясно, — сказал себе Гришка, — Ловил на старом чердаке летучих мышей.

С этой мыслью Гришка отчалил в детский сад.

Василь Васильевич спал беспокойно. Он мычал и вскрикивал, дергал ногами. Еще бы, пусть кто другой попробует пробежать стометровку по мертвой дороге!

Василь Васильевич, ау!

— А? Что? — Василь вскочил на кровати, ошалело оглядел четыре стены и потолок. Все было на месте. Как-то косолапо он поставил ноги на пол, пробуя, держит ли?

Сон ему снился, кошмар. Словно бежит он стометровку по магнитной дорожке в кроссовках на магнитных присосках. Бежит, обливаясь потом, а ноги еле-еле, как из болота, вытягивает, кое-как отрывает от дорожки и опять прилипает. А бежать ему зачем-то надо — таков уж сон, с ним не поспоришь. Бежать надо изо всех сил, а их все меньше, меньше...

— Ннштjak, — сказал он себе и тогда только покинул кровать. От души у Василя отлегло

— Значит, кошмар был кошмаром. Значит, все прошло вместе со сновидением. —

Двухсерийный, цветной, приключенческий, стереофонический... остросюжетный, фантастический, — протяжно шутил Василь, ступая ногами по надежному полу и двигаясь к балкону, — бесплатный, сногшиба... — Бум,— сказал Пирюткин, наткнувшись на изварзанные штаны.

Сердце его подпрыгнуло и, обрета голос, сказало: «Бум, бум!» И пошло стучать по всем телу. Пирюткин, сдерживая волнение, «очесал затылок — и пальцы наскребли в волосах целый ком

И тут же вспомнил, что было в его сне что-то жуткое. То он падал и не мог подняться, потому что магнитная стометровка так измотала, что не было сил, а сила более мощная тянет и тянет его «а себя, словно проглотить хочет. А потом... потом налетела паутина — да! — и подхватила его, и он летел, словно паук, на этой паутине, метался по ней, чтобы удержать равновесие... нет, чтобы паутина летела в нужном направлении, менял центр тяжести и таким образом управлял паутиной... Куда «все летел? Это сейчас он не тает, а тогда, во сне, все преотлично знал, вертелся на паутине, как завзятый паук-путешественник, и высматривал на горизонте место приземления. А потом... Василь постучал себя по голове и сказал: «Потом в кинобудке что-то случилось... пленка порвалась, и несколько частей выпали». И тут же Василь с содроганием вспомнил, что было дальше. Паутина стала светиться, и Василь понял, как это и бывает во сне, что паутина — это чей-то мозг, да чьи-то мысли облепили Василя, охватили густой светящейся сетью, и Василь, обливаясь горячим потом, никак не мог сосредоточиться на собственных мыслях, потому что их подавляла чужая воля. Василь пытался сорвать паутину, но она была липкой, и справиться с нею не было никакой возможности. Василь сдался, он проследил взглядом за светящейся ниточкой и увидел, что она тянется к странному существу. И по этой ниточке к Василию пришло понимание: он разговаривает с таинственным Изумрудным Черепом...

- Я не совсем умер, - шептал Пирюткин, яростно вытряхивая штаны. — Я не очень умер, — шипел он, оббивая кроссовки. — Чуть-чуть загнулся, — доказывал он себе, с помощью удочки выуживая футболку из ветвей тополя.

Что же произошло, лч? Как же так, спал человек, наслаждаясь «цветным, широкоформатным» сном, просыпается, думая, что, как ни впечатляющ сон, а наконец-то, он позади. - По тут обнаруживается, что — не совсем спал, что ко сне с ним что-то такое приключилось на самом деле. Как же быть?

Представь себе человека, человечка, который сидит верхом на маятнике и мало того» что знает: «Вот-вот сорвусь!», совсем растерян. Когда маятник выносит его в одну сторону, он наполняется решимостью спрыгнуть. Но не успевает решимость эта окрепнуть, как маятник перебрасывает его на другую сторону, и человек уже не хочет ничего, он обхватил маятник руками-ногами, закрыл глаза и боится о чем-либо подумать.

Вот, как мотало Пирюткина. Так его корёжило. Человечек, как говорят нынче психологи, оказался в пограничной ситуации. А что это значит? Это значит, что человечек из существа богатого содержанием (ведь мы все богаты содержанием, лч?) превратился в несчастный, замотанный маятник: туда-сюда, туда-сюда...

Но и не это самое страшное. Страшно то, что от самого человечка уже ничего не зависит, не властелин он своей маятной судьбы. Кончился он как творец своей судьбы — «тик-так» он, а не человек. А это уже значит, что все зависит от случайности, то есть, полетит ли человечек вверх тормашками тогда, когда на что-то решился — и тогда он будет жить решительно, или он кувыркнется в тот момент, когда закрыл глаза и думать перестал. А тогда уж и судьба ему такая — жить только толчками да пинками, другой воли у него уже и не будет... Можно ли так с человеком обращаться?

Нельзя так с человеком, да и подозреваю, что не бывает с человеком никогда, уж очень это фантастично, а наша задача не перефантазировать.

Пирюткин оделся в свою одежду, как не в свою. Да и сам он был не в себе. Василь не помнил, что говорил ему Череп, но интонация, тон все еще звучали в памяти, как будто с Василев разговаривал его собственный череп... И тут с Пирюткиным произошло превращение...

Нет, лч, можешь на меня кричать, можешь топать ногами, чтобы я отошел от «экрана» повествования и не мешал «смотреть», но я не могу согласиться с этим «и тут произошло превращение!» Вот тебе напрямую — не бывает такого! Не может человек взять и «превратиться»! Дудки-свирельки! Человек не пластилин, не Самоделкин! Для того чтобы человек «превратился», он обязательно перед этим мгновением лет пять-десять «превращался». Согласен, лч? Ну-ка, представь, что маятник кинул тебя именно в эту сторону, и скрепись. Человек медленно превращается.

...И тут с ним произошло превращение. Пирюткину вдруг захотелось, как после тяжелой болезни хочется чего-нибудь такого вкусного — дымчатых, сочных слив зимой или терпкой, пушистой айвы весной — так захотелось Пирюткину увидеть своих друзей?

— Ну-ка, как там поживает человек-птица? — сказал он, вылетая из квартиры.

Как всегда, Сашка Секунда открыл дверь, углубленно изучая какую-то книгу.

— Привет, — сказал он, показывая спину.

— Привет! — весело сказал Пирюткин. Он только что, перебегая от одного дома к другому, подумал, что вылечился, что уже не смотрит по кривой, видит не больше того, что требуется порядочному землянину. Это было, как очищение, — груз упал с души. Ведь пока Василь видел по кривой, получалось, что он подглядывает за людьми. А это, как известно не проходит даром для совести.

— Привет-привет, — повторил он, напевая.

В комнате у Секунды пахло курятником. Всюду валялись пух и перья. На диване лежали полуоципанные крылья размером с небольшие паруса.

— Как идет покушение на земное притяжение? — спросил Пирюткин.

— Успешно, — отбубнил Сашка Секунда.

— Икар!

- Не каркай!

Пирюткин с наслаждением смотрел на своего серьезного друга - он и не знал, что люди могут быть такими яркими, такими дивными. Пирюткин заново полюбил Секунду.

- Неужели ты думаешь, — подначивая, завел Пирюткин, — что человек может сам летать?

- Ящеры летали. - Сашка показал огромную цветную картинку - где остромордый птеранодон планирует над первобытным океаном.

— А тогда, может быть, сила тяжести не была такой сильной, — дразнил Пирюткин.

— Что же поменялось с тех пор в земном ядре? — спросил непреклонно Секунда.

— Что поменялось? — переспросил Пирюткин. — Ну, оно стало тяжелее.

Ну и что? — презрительно сказал Секунда. — Это же сила гравитационная, внутримолекулярная, понял? А тут просто планирование, использование потоков воздуха, понял?

— А откуда ты знаешь, какая это сила — гравитация? - только и нашелся что спросить Василь.

— Знаю, — не потерялся Секунда. — Ты лучше вот сюда посмотри. — Секунда махнул на микроскоп.

Пирюткин заглянул в окуляры на птичье перо — он увидел |ькнд я мельчайших пласт почек, волосков, перышек. И в самую микроскопическую глубину перо птицы имело то же строение, что и крупные части всего пера.

— Ну и что же это значит? - заговорил Секунда. — Это всё значит. Вот взмахни этим пером.

Пирюткин взял широкое черное перо, может быть, грачиное, и взмахнул вверх вниз. Вверх перо шло невесомо, легко, словно сквозь воздух, а вниз тяжело, упорчиво. - Чувствуешь? — спросил тоном утомленного профессора друг Секунда.

- И всё? - сомневался малосообразительный студент Василь Пирюткин.

Василь только для виду посмеивался, а про себя уже кое-что понял. Ящеры летали, а человек? А человек-птица? Улыбка сомнения застыла на лице Василя, а внутренним слухом он жадно слушал Сашку

- Секунду внимания, коллега. - утомлённо говорил Сашка - Крыло идет вверх и оказывается в не-ве-со-мости. Крыло идет вниз, и под ним опора, как из камня. Еще секунду внимания! Чтобы вскинуть крыло, птица почти не затрачивает усилий, вся сила направлена вниз и от себя. Перо составлено очень сложно - огромного количества мельчайших деталек. Они соединены так что, когда крыло идет вверх, все эти детальки поворачиваются ребром, а крыло как бы прозрачно для воздуха. А когда крыло идет вниз, все детальки поворачиваются плоскостями вниз и подпирают одна другую, как шифер на крыше... Чтобы управлять таким крылом, нужен очень сложный мозг. Человеческий не подходит, он своими делами занят...

И тут Василь внутренне напрягся. До этого он уже мысленно летал — планировал на легчайших крыльях, а теперь повис в воздухе, почувствовал всю сложность этих легких крыльев и всю беспомощность своего медлительного мозга. Что же дальше?

— Еще секунда, — сказал Сашка. — Чтобы создать искусственные крылья, нужен сверхбыстрый мозг. Папа сказал: сверхбыстрый мозг на принципиально новой основе... Какой?

— Изумрудный Череп! — выдохнул Пирюткин, забыв согнать с лица насмешку.

Секунда тоже усмехнулся и сказал:

— Это у меня-то? Благодарю за похвалу!.. Из всех летающих людей, Икаров, ты будешь первым, кто совершит полет, хлопая ушами.

Пирюткин не обиделся, ведь он так любил друга, любил по-новому. А все новое почему-то всегда привлекательнее старого...

— Закругляюсь, — сказал Секунда. — Можно создать такие легкие крылья и такой сложности, что на них будут летать на планетах с атмосферами любой плотности. И, что самое главное, с очень малыми затратами энергии!

— Стоп! — сказал Пирюткин. — Так ты считаешь, что летающая шляпа...

Он не договаривал, потому что раздался дверной звонок.

— Мис-куа-бун-о-куа! — вскричал Василь Васильевич. — Сестра моего сердца!

Надя Естественная тряхнула хвостатой головой и, не удостоив Пирюткина зеленым взглядом, спросила Секунду: - Ты уверен, что твоя идея верна?

Сашка не отвечал и пылливо смотрел на Надю. Тогда ответил Пирюткин:

— Конечно, верна!

Пирюткин чувствовал, как весь он набирается твердой решимости. Сила и уверенность, что все может человек, особенно Пирюткин, насыщали Василя энергией! Летать! — вот что главное. И Сашка прав — человек должен летать на крыльях.

— Не на паутине же летать, — добавил Пирюткин.

Мимо его уха, точно боевой диск, просвистел презрительный взгляд Нади.

— Человек не сможет летать на крыльях, - сказала она. Сашка рассмеялся. И смеялся, загибая пальцы. Загнув семь, он оборвал смех.

— Это тебе папа сказал? — спросил он.

— Всем известно, — не отвечая на Сашкин выпад сказала Нади, — что жук-бронзовик по всем законам и расчетам, не может взлететь...

И Сашка, и тем более Пирюткин удивленно посмотрели на Надю Естественную. Что же его получилось? Что Надя против самой себя доказывает? По всем расчетам жук-

бронзовик взлететь не может, во жук взлетает и летит! Значит, и человек, который по всем расчетам не может летать и а своих крыльях, вдруг возьмет и — взззззз, полетят!

— Но, — насмешливо глядя на приятелей, продолжала Надя, — жук не может взлететь по законам птичьего крыла! - Аэродинамическим, - буркнул Сашка. — Жук летает по своим законам... — Неписаным, — опять буркнул Сашка.

- По щучьему велению, по моему хотению! — воскликнул уверенно Пирюткин. — Точно, о звезда моего счастья, есть такие законы!

Пирюткин был настолько уверен в правоте Надиных слов, так хорошо понимал, что она говорят, что никак не мог понять, отчего это ее всю перекошило?

- Пирюткин, твои шутки пахнут старой квашеной капустой, — запела Надя — Но вообще в тебе погибает уникальный музыкальный талант. Тебе надо в симфонический оркестр, ты будешь там самым одаренным большим барабаном. Нет надобности повторяться. Пирюткин не обиделся. Ему, прямо скажем, все равно было, по каким законам летает птица, а по каким - жук-бронзовик. Он только знал одно - нужно действовать, нужно лететь вверх, далеко» всем вместе, открывать неоткрытые миры и быть всегда веселыми. А то, на чём летать, с помощью каких законов — разве это важно?

Но никто из друзей не замечал его состояния. Надя подошла к ошипанным крыльям, развернула их веером, бросила.

— Жук летит электромагнетнеекн, — вот что сказала Надя Естественная.

Сашка деланно вздохнул:

— Ах, вон как!

— Движением крыльев он создает — ну такое поле — переметное...

— Переменное! — Секунда пучил глаза.

— Какая разница! Жук отталкивается от земли, как один магнит от другого.

— Это тебе папа сказал?

— И как же ваш Кислая это узнал?

— Измерял.

— Уговорил жука подождать, пока он к нему приборчик подсоединит?

Надя Уставилась на Сашку Секунду Огромными Зелеными Глазами (я умышленно все пишу с заглавной, потому что...) И Сказала:

— Если ты так уверен, что прав, давай я спрыгну с крыши с твоими крыльями.

Это девчонка! Пирюткин забыл на мгновение, где он и откуда в нем столько радости. Он испуганно смотрел на Надю, он знал, что это не пустые слова. Что упрись Сашка — и Надя прыгнет! С девятого этажа. Подойдет к самому краю, спугнув торопливых голубей, один раз глянет вниз, тряхнет нелепыми Сашкиными крыльями и...

И вот в этот-то момент Пирюткин струхнул. Он даже вздрогнул - ему почудился звон скрестившихся взглядов Секунды и Нади Естественной. - На моих крыльях ещё нельзя летать, - сказал Сашка Секунда.

— А когда же можно будет? Когда подрастут? - терзала его Надя.

Пирюткии понял, что в это мгновение все и произойдет. От того, что ответят Сашка, зависит и дальнейшая судьба... Пирюткин услышал тиканье маятника, и ему до жути захотелось, чтобы Сашка остался висеть на этих роковых качелях, так ни на что и не решившись!..

Признаюсь, лч, что мне не по себе. На памяти моей случай, когда дм не очень умных человека, к тому же друзья, довели свой упрямый спор до того, что один сказал: "Не смогу?" У другого, как говорится, ума хватило сказать: «Спорим!» И тот, что подстрекал, в тот, что поддавался подстрекательству, враз почувствовали, что между ними лег раздор. В одно мгновение они стали врагами. А так как спор грозил жизни одного из них, то врагами они стали смертельными. Я помню, лч. как поднимались они по лестнице, еще перекидываясь отрывочными насмешками. Тот, что шел на риск, уже не сдерживал себя и поносил другого за трусость. А тот, что пошел на спор, хотя и жалел об атом» но уже не

мог остановиться, потому что был обозлен — и тем, что тот пошел на риск, в тем, что теперь насмехался! Ох, лч, сложно ясе ото было, но и просто - один вес свою жизнь на край балкона, другой шел следом я ничего не делал, чтобы остановить. *

Седьмой этаж, холодный ветер осени. Деревья наполовину в жёлтом цвету. По небу, как сумасшедшие карусели, летят облака. Тот, что подстрекал, вдруг вспомнил, что нечто подобное уже было, где-то видел он уже эту до глупости опасную сцену - тот, что вошёл в раж, что загнан был им и самим собой и угол, на глазах у подстрекателей и заинтересованно спокойной возлюбленной сделал стойку на краю балкона.

Пошлая и трагическая сцена. Тот, что подстрекал, улыбался именно этому воспоминанию... Так почему же не остановил? Отваги не было ни капли. Куда делась отвага! А тот, что уже расставил руки на перилах — разве у него была отвага? И у него не было — растаяла она, превратившись в почти физическую беспомощность...

Эх, лч, почему кет такого приборчика, который бы за полчаса ДО глупости уже сигнализировал бы: «Стоп! Опасно для жизни!»? И, наверное, не может быть такого приборчика, лч. Как сказал один мой мудрый знакомый: глупость не знает проторенных путей, и даже самую глупую глупость каждый человек совершает впервые Грустное признание. Мне скажут, но ведь с тем, что сделал стойку на балконных перилах, ничего не случилось. Все, как говорится, обошлось. Да лч, обошлось. Но — разве ничего не случилось?

Тот, что подстрекал, признал победу. И даже стал как-то по-другому уважать рискнувшего. Но только много лет спустя подстрекавший признается: «Это было не живое уважение. Друг для меня как бы умер, а потом ожил, но уже не был совсем живым человеком. Я все время чувствовал в нем ту мертвую хватку, которая держала его над балконом».

А сам подстрекавший? Он тоже для рискнувшего не был полноценным человеком. Тот, кто хоть один раз умирал, понимает, что значит простая дружеская доброта, способная предотвратить ненужный, глупый риск.

- На моих крыльях можно только планировать, — методично возражал Секунда. Надя Естественная взяла крылья, потрогала ремни и рычажки и сказала: — В полете разберусь.

Вот и все. Ну, с ними — с Секундой и Надей — все понятно. Сашка из человека превратился в Открытие, которое не хотело, чтобы его кто-либо закрыл. А Надя превратилась в Закрывателя Открытий, который ни за что не потерпит самостоятельности. Но вот что происходило с Пирюткиным, который, казалось бы, судьбой поставлен был предотвратить скупое событие?

Пирюткин думал: «Отчего это Надя ваялась сама проверять открытие? Отчего она не повернула спор так, чтобы сам открыватель проверял свое сооружение?»

Они уже были на крыше. Надя, точно первоклашка ранец, устраивала на плечах лохматые крылья. Она нервно теребила ре! ни, дергала рычажки, встряхивала головой, отбрасывая игравшие на ветру волосы. Кто-нибудь из этих двух рыцарей подумал, что Надя же — девочка? Да разве до этого было!

Секунда объяснял монотонным голосом, какой рычажок для чего - какой ставит перья ребром, какой поворачивает наклонно, какой управляет подкрылка, а какой закраинными, рулевыми... «Да уж не влюблена ли она в открывателя? — продолжал совершать умственные открытия Пирюткин. Но если так, тогда Наде может делать все это всерьез. Значит, она хочет, чтобы Сашка остановил ее, пожалел!» — Пирюткин добросовестно стремился понять — перед тем как все случится - истину. «Но Надя не может не делать все это всерьез! — пришла другая горячая мысль. — Уж я-то ее знаю

Надя резко вскинула крылья, развернула их, растопырила — И в густых холодных перьях засвистел ветер. Надя насмешливо посмотрела на Сашку. Ну вот что бы ей не

шутить, не спросить бы: «А парашют не полагается?» Н тогда все встало бы на свои места. Но Надя не спросила.

Пирюткин не верил, что все это из-за большой научной абстрактности, из-за стремления доказать» чья истина истиннее. Не укладывалось это в его голове. Может быть, пять минут назад, когда еще шел спор, научная истина и была важна, во сейчас началась другая жизнь, готовая через две-три минуты оборваться.

«Из-за чего она это затеяла? Для чего? Или все же не из-за Сашки?»—летели мысли быстрее ветра. Пирюткин стоял, прислонившись к коробке вентиляции, а сердце сдваивало удары так, что получалось — Пирюткин бежит, сдает норму ГТО и при этом хочет к сделать это рекордно. И он ужа понимал, что Надя не должна прыгать, не смеет она этого делать! "Но почему, почему?" — спрашивал он себя, небо, солнце, в ответ на втот вопрос вертелся где-то в потемках памяти и ускользал.

Надя поломала к краю, и голуби, царапая жёсть, ухнули вниз Внизу ходили редкие люди пряча лица от наседающего солнца.

Где-то играла музыка

Пирюткин почувствовал себя человеком, которому никогда не хватает времени понять до конца. Вот он поймал на себе мимолётный взгляд Надю и решил: «Из-за меня прыгает!» И, значит, поэтому Пирюткин не должен допустить трагедии... Надя сделала, сколько шагов назад, тряхнула головой, убирая волосы, — и Пирюткин кинулся наперерез...

Человеческое поведение, лч, тоже имеет свои законы, и, согласно этим законам, Пирюткин уже опоздал. То, что должно было случиться, случилось некоторое время назад. И что из того, что Пирюткин встал грудью на смертельном пути Надя Естественной?

Поздно. Сашка Секунда закричал голосом обиженного Пифагора.

— Не троньте мои крылья!

Надя обдала Пирюткина злым и уничтожающим взглядом. Никто из моих героев ничего не понял. Тем более Васи ль Васильевич Пирюткин, эра он во всем видел только «свою» любовь — не только в ней было дело. Но глупы еще мои герои, лч, и я не хочу делать их умнее раньше времени.

Глава восьмая

Кисиел, что называется, дневал и ночевал на производстве. Мастер Шлях гонял его, как старшина новобранца. «Чтоб человеком стал!» — говорил Шлих.

— Ты на меня так не смотри. — говорил тот же Шлях Пирют-кину. — Это тебе ие лапти плести — здесь атомные котлы делают.

Кисиел трудился на одном из самых ответственных участков — сваривал огромные детали атомного котла который создавался по его же чертежу и которому суждено стать двигателем «летающей тарелки".

- Вот, - говорил Шлях, — не хочет работать, как все. Все рационализирует!

В самом деле, Кисиел обходился без сварочного автомата. В одной руке он держал горелку, в другой электрод. Перед ним вращалась болванка, на которой белой краской было написано:

«106.680 кг», то есть, толстенная труба диаметром около пяти метров. И вот по длине всей окружности надо было провести сварку — так, чтобы шов сварной был везде одинаков, чтобы соединенные частя не были «переварены» или «недоварены". Сверкал огонь, пахло кипящим металлом, горячим газом, смесью углекислого газа и озона.

Кисиел не обращал внимания на Пирюткина.

— Если он завершит работу на «отлично», — сказал Шлях,— можно будет пускать этого робота в серийное производство.

Пирюткин отвернулся. Он не хотел смотреть на человека, который унижает пришельца.

В это время подошел иностранный инженер. Он остановился поодаль и внимательно наблюдал за работой Кисиела. Потом через переводчика обратился к мастеру:

— Не позволит ли герр Шлях взглянуть на «фотографию рабочего временам кибера Кисиела?»

Шлях охотно показал, Пирюткин заглянул, внимательно слушая разговор.

Всех удивила производительность Кисиела — он работает в три

— О, это удивительно, — говорил через переводчика иностранец — Но откуда он берет энергию?

— Думаю, она у него внутри, — ответил Шлях

— А какое это вид энергии? — спросил иностранец.

— Точно не знаю,.. — замялся Шлях. — Может быть, ядерный...

— А нельзя ли задать роботу несколько вопросов?—спросил иностранный инженер.

Шлях посмотрел на часы и обратился к Киселу:

— Послушай, ты можешь перекурить десять минут, а заодно ответишь на вопросы иностранного инженера.

- Я не могу перекурить десять минут, — заговорил Кисиел, и Пирюткин услышал звон стеклянных колокольчиков — сквозь шипение сварки и гудение механизмов. — Это будет нарушением технологической дисциплины.

Пирюткин заулыбался и посмотрел на Шляху. Услышав ответ через переводчика, иностранный инженер тоже заулыбался. Шлях почувствовал себя уязвленным — это ему, мастеру, который горой стоит за технологическую дисциплину, всякий тут, понимаешь, робот будет делать замечания?! Мистер вырвал из кармана бумажную трубочку и развернул.

— Вот «Типовая схема режима работы»! Психологи рекомендуют для твоего технологического процесса перекур по десять минут каждые полтора часа! Ты мне еще тут будешь мозги править!

— Но, может быть, кибер не хочет перекуривать, — вмешался через переводчика инженер. — Может быть, кибер хочет больше заработать.

— У нас роботам не платят заработную плату — запальчиво крикнул Шлях.

- А у нас - заговорил инженер - для каждого робота установлена почасовая заработная плата. Разве робот не нуждается в ремонте?

- Не нуждается - начал было Шлях, но, поняв, что говорит несуслаицу, поправился - ремонт оборудования у нас производится по графику.

- Но, — сказал иностранец, — кибер, как и всякий рабочий, требует питания — электроэнергии, требует замены одежды, — инженер постучал пальцем по Кисиелу, — и, наконец, ремонта случае болезни!

— Все это входит в амортизационные отчисления! — нашёлся Шлях.

Пирюткин стоял «думал: «Вот согласился бы Шлях, считая Кисиела человеком, тогда не пришлось бы ему сейчас вертеться перед иностранцем!»

— У нас к киберам почти человеческое отношение, — сказал инженер. — Мы заключаем с ними трудовые договоры.

Шлях решил перейти в наступление.

— А к людям у вас какое отношение—почти кибернетическое?

— У нас рабочий соревнуется с кибером, — сказал иностранец - А у нас считают, что это бессмыслица! — напирал Шлях. А Пирюткин думал: «Как же все запуталось! Роботы, киберы, рабочие, Кисиел... Тут надо бы разобраться...»

...А здорово работает Кисиел — ни проводов, ни электроэнергии! В руках горелка и электрод — и пошел варить. Папа Пирюткина рассказывал, что сварной шов у Кисиела — самый тонкий, самый прочный. По всей длине никаких; нарушений. Когда с помощью дефектоскопа инженер из ОТК проверил работу Кисиела, он пришел в такой восторг, что кинулся обнимать мьекка.

— Это потрясающе, — кричал инженер, — Такой шов можно сделать только в невесомости!

«Почему?» — спросил тогда Василь. И папа объяснил: потому что во время сварки металл плавится, а так как металл не чист по составу, то примеси в расплавленном металле ведут себя по-разному - легкие всплывают, тяжелые оседают, и от этого шов получается с дефектами. А в невесомости все металлы ведут себя одинаково, и шов выходит ровненький-ровненький...

Василю захотелось жить в невесомости. Он подумал, что тяжесть подозрений и тревог, скопившаяся на сердце, в невесомости рассосется. Он будет плавать вольно и покойно, а возле его лица будет плавать, рассыпавшись шариками, прохладная вода. Он будет ловить ртом то один, то другой шарик воды, и с каждым глотком жизнь Василя будет становиться легче и прозрачнее...

Василь вздохнул, вспоминая запах сварка; ему нравилось, как пахнет в цехе - апельсиновой газ-водой, вот как пахло. И поэтому Василь, покидая цех, всегда выпивал стаканчик ледяной газированной воды.

Глава девятая

Василь поднял глаза от земли и посмотрел вперед, вдоль накаленной, слепящей улицы. Метрах в ста шла странная парочка... Чем же странная? Солнечный блеск мешал Пириуткину вглядеться, но что хорошо видно было - парень в желтой футболке что-то говорил, и по фигуре было понятно, что говорил такое, от чего девчонка в голубом платье была в восторге. Она согласно кивала, а парень поворачивал к ней неторопливо голову, и тогда Пириуткин видел знакомый профиль...

О солнце печали! О зной ревности!

Даже если бы Пириуткин летел сейчас на самолете, низко, над самой улицей, то и тогда, в мгновение, он распознал бы ту, которая так покорно, так непохоже на привычное поведение, шла рядом

со странно знакомым парнем и согласно кивала головой! Да будь Пириуткин воробьем или вороной - разве не узнал бы он её?

Пириуткин вильнул влево, кинулся за угол дома и побежал — о, эти кварталы состроенных зданий! — стремясь выйти им наперерез.

Он отмахал целый квартал, пока смог снова вывернуть на улицу.

Щурясь, держа руки в карманах, он вышел из-за угла и ступил на тротуар. Голубое платье одиноко шло ему навстречу, а тот тип, что в желтой футболке, уже был там, откуда только что прибежал Пириуткин, и поворачивал за угол.

— Как-то раз случился случай - лживым голосом начал Пириуткин — шел по улице бычок. Был он вовсе не бодучий...

Надя Естественная недоуменно оглянулась. Но того, что в жёлтой футболке, уже не было там.

- Где-то я его видел - сказал Пириуткин. — Никак не вспомню, где.

Надя - сантиметр за сантиметром — обмерила Пириуткина жаркими зелеными глазами и прошла мимо.

Пириуткин поплелся следом. Пириуткину показалось, что после случая с Сашкиными крыльями Надя не очень хорошо себя чувствует. Пириуткин таял не от того, что было жарко — от НЕПОНЯТНОГО смущения. Надя обернулась вдруг, и Пириуткин не увидел глаза щелочки.

- Ты что-то забыл мне сказа-а-ать? — пропела она. - О чем? — глуповато спросил Пириуткин, хотя мог бы сообщить ей сенсацию, услышанную на заводе. Но сенсация померкла перед желтой футболкой.

— Послу-уша-й, ты-и-и... — яростно пела Надя. - Ты... опять надо мной издевался? Почему ты все время надо мной издеваешься? Ты думаешь, я долго, буду сносить?

И вдруг Пириуткин увидал, как из щелочек брызнули мелкие, жалкие слезы. Надя побежала. Побежал бы следом и Пириуткин, если бы Надя была Естественной, такой, какой он ее знал. Но слезы... Пириуткин стоял на месте, чувствуя на лице дурацкую улыбку, с которой он не мог справиться. Улыбка была каменной, как и весь владелец, который стоял, точно памятник самому бестолковому покорителю дамских сердец.

Пириуткин нашёл себя в каком-то скверике, видимо, у этих мест оттого такое название, что в них оказываются люди в скверном настроении. Пириуткин сел на лавочку, под плачущую ивушку, и разглядывал ноги. Ему становилось ясно, что произошла какая-то дурацкая история. Но, впрочем, к дурацким историям он бы уже мог привыкнуть. В этой же истории было, как говорится, второе дно, о котором он только догадывался. «Почему это я рассказываю ей сказочки? — бубнил под нос Василь Васильевич. — И почему это я

издеваюсь? И почему всегда?» Он вспомнил мелкие слезы, брызнувшие из щелочек, - и глаза зашипало. «И кто этот тип? – шмыгая, рассуждал Пирюткин — Морду бы ему набить». Пирюткину сначала жалко было Надю, но потом стало жалко самого себя. А когда человеку жалко самого себя, чего ему хочется? Чтобы его пожалели... И чутким ухом обиженной собаки Пирюткин услышал шаги по песчаной дорожке. И он не поднимал глаз, потому что ему захотелось, чтобы это была Надя... Говорят, что тяжелобольные люди порой симптомы ухудшения здоровья принимают за симптомы выздоровления.

Ноги, что остановились возле Пирюткина, не были ее ногами. Не поднимая глаз, жалкий пёс Пирюткин потянул носом и различил знакомый, очень знакомый запах — можно сказать, запах родного, близкого человека. Скрывая радость, поджав от нетерпения хвост, он хотел было заскулить, но вынужден был человеческим го-

— Привет.

— Привет! — И голос был родным, близким, отозвался прямо в ушах, как будто это Пирюткин сам с собою поздоровался.

Пирюткин хотел было вскочить на все четыре ноги, взвиться, лизнуть в лицо человека, но для радости, не отрывая глаз от ног собеседника, сказал:

— На пляже был?

Пирюткин увидел, как кроссовка на левой ноге собеседника подняла носок и опустила. Родственный голос сказал:

— Не было охоты.

Собеседник хохотнул. И Пирюткин поднял глаза. Желтая футболка, лицо в веснушках, наглые серые глаза.

— Как-то раз случился случай,— сказал собеседник. Пирюткин взвился. Он бы вскочил ногами на лавку, чтобы ока-

ааться на голову выше этого типа, но постеснялся. Он хотел было на шаг отступить, но не сделал этого, потому что этот тип уже держал руки в карманах. Пирюткина вдруг затошнило — ему показалось раз и навсегда, что что бы он, Василь Васильевич, ни сделал, этот успеет сделать раньше. А значит, нет смысла делать что-либо. А значит, нет смысла даже думать об этом. И, значит, нет смысла жить вообще.

— Ни за что не поверил бы, что мое лицо может так кривляться,— сказал тип.

— Твое?! — возмутился Василь Васильевич

— Ну не твое же, - сказал тнй., И на какую-то долю секунды Пирюткин понял, что на его, типа, словах есть доля правды, на мне его лицо, значит, я кривляюсь его лицом... Но эта-то догадка более всего оскорбила Пирюткина.

— Хочешь схлопотать по своей роже — спросил Пирюткин

- Как же ты будешь драться со своим двойником?— хитро спросил тип.

И Пирюткин опять опешил: в этих словах типа тоже была своя правда!

Мысль Пирюткина. ударяясь о свое зеркальное отражение, никла. И, чтобы как то оттянуть, выиграть время, Пирюткин влепил по улыбочивой физиономии близкого родственника...

Стоп, лч, чтобы на путаться в зеркальных отражениях, давай немного отступим в сторону.

Что делать человеку, увидь он на улице своего двойника? Теоретически это приятно, А когда на самом деле, ты, уверен, ничего привлекательного. Ну, вот пример, ты, лч, часто смотришься в зеркало Так часто, что в не обращаешь

внимания особого на это. Подошел, не всматриваясь или осматриваясь, но не очень, причесался и пошел. Но бывают моменты, лч, когда ты не можешь не замечать зеркала.

Допустим, у тебя насморк, нос растёт от самого лба в делает это, не связана с твоим представлением о красоте. Да-да, лч, ты видишь себя красивым, а зеркало видит тебя красноносым. Вот в это-то неприглядное время ты н станешь избегать его, зеркала. А оно

возьми Да оживи, да и погонись за тобой. Да и пусть у него ничего нет злого на уме, разве ж ты, лч будешь спокоен, видя такое обращение с тобой?

Скучно драться с самим собой. Это все равно как, стоя на весах, правой йогой перевешивать левую.

Но зато Пирюткин выиграл немного времени. Он понял, например, вот что: скажи он «слаб же мой двойник», тут еще бабушка надвое сказала, кого он оскорбят. Тогда надо сказать так: «Хилое же у тебя отражение».

Тип опешил. Некоторое время он молча смотрел на Пирюткина, но потом согласно кивнул. Тогда Пирюткин, уязвленный этим кивком, сказал:

— Шел бы ты туда, откуда пришел.

— А не пожалеешь ли ты об этом? Я домой войду.

— Попробуй,— Пирюткина страх, что называется, прошиб.

- Попробуй! - передразнил его тип – ты ведешь себя так, словно вся земля принадлежит тебе А ведь нам ещё только предстоит разобраться, кому жить здесь, а кому – там.

Как водится, не сразу доходит до сознания фантастичность события. Чем более, что все происходит на самом деле Василь же не удивлялся, а мучительно соображал, что вот наконец все и приключилось. Вот оно, событие, которое мучило его приближением, пришло. Из Василя словно кто-то душу вынимал, выдергивал, выдернул, повернул ее к нему, Пирюткину, лицом и с улыбочкой неземной сказал: «любуйся!»

Василь смотрел на двойника, а память из укромного уголка доставала странные воспоминания. Выходило., что Василь уже как бы знал, перед ним. Память говорила: «Это мьекк-инопланетянин, помнишь?» И Пирюткин соглашался, что помнит, но вспомнить-то к не мог. И выходило, что память его оказалась как бы за пределами его головы, переселилась в чью-то другую голову, и Пирюткин понимал, что голова эта - Изумрудный Череп. Да, это странное, переливающееся таинственным светом существо находилось в какой-то связи с появившимся двойником — но в какой? «Кто такие мьекки? — думал Василь, глядя на двойника. -И кто такой Изумрудный Череп? И нет ли здесь какой опасности для Кисиела?» И чем больше вопросов задавал Василь, тем ближе м теснее подступала к нему тайна всего происходящего. И выходило, что Василя как бы зовут куда-то за пределы Земли и видимого мира, но зовут нечеловеческим образом.

— Да я и не полечу, - пожал плечами Пирюткин

— Придется, — строго сказал тип

- Это почему же придется? - беспомощно возмутился Пирюткин,— Не полечу и все Невежда, — сказал голосом Пирюткина двойник — законов физики не знаешь. «Какие могут быть законы физики в кошмарном сне?» —подумал Пирюткин.

- Плевал я на законы твоей физики. — Пирюткин удивлялся, что говорил то, чего не сказал бы, может быть, никогда. - Тебе ведь тогда ой как меня будят недоставать, — сказал тип. - Чтобы к Наде не приставал. - Пирюткин вонял, что сдался в главном и теперь торгуется.

— Но я ей больше нравлюсь? — воскликнул голосом Пирюткина двойник.

— Больше, меньше — это не твое дело, понял? — Голос Пирюткина зазвенел так, как до сих пор никогда не звенел.

— Да ладно, с вашей Надей, — сказал двойник

- И чтобы тебя дома у себя не видел — напирал Пирюткин.

— Благодарю за гостеприимство, — ответил двойник.

И чтобы с моим братом я тебя никаких контактов не было, —Пирюткин аж задыхался от вида самого себя. Такой вражды и злости он еще никогда не испытывал.

Но двойник наклонил голову и почти таким же тоном сказал: - Это мой брат, и я буду с ним общаться, понял?

— Это по каким же физическим законам он тебе брат? — спросил Пирюткин.

— По таким... Я его люблю!

Пирюткин, тот, что Василь Васильевич, отпрянул от своего двойник» при этих странных словах. Кто любит — этот фантомас? Этот физический фокус любит Гришку?

— За брата...

— За брата...

И быть бы битве великой, не окажись тут как тут тетенька с микрособачкой на паутиновом поводке.

— Вы чего эт голубя? — запричитала она. — Или вы уе голуби — петухи? Чего не поделили-то? Сейчас вот милиционера позову, и обоих в каталажку. Ишь ты, брат на брата кидается! Вы думаете, легко вас, дурней, мамке было рожать — сразу двух?!

Глава десятая

Совещание состоялось при серпе новенькой луны в избушке на курьих ножках, что стояла в Гришином детсаду под охраной дяди Мити.

Это может показаться странным, но каждый из присутствующих здесь землян уверен был, что на ближайшие десять лет судьба его четко определена. Даже Василь Васильевич Пирюткин был в этом уверен... Но по порядку.

Вот дядя Митя. Сидя на лесенке, он курил. На вопрос о судьбе он ответил бы так: «Что — судьба? Какая моя судьба? Судьба моя вся здесь, — дядя Митя громыхнет спичечным коробком. - Любой чиркай, да все-то наперечет».

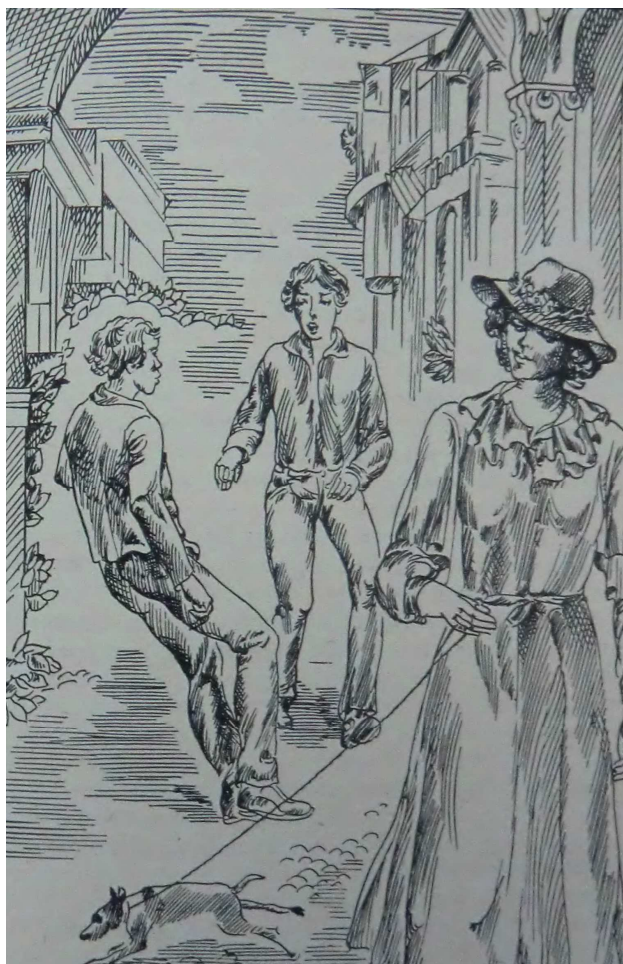
Сашка Секунда сидел на той же лесенке, но повыше ступенькой. Мысли его были похожи на летучих мышей, которые лучше всего ориентируются в темноте. Случай на крыше он считал несущественным, главное, крылья остались целы. Судьба? Это когда человек не знает, чего ему надо. Когда знаешь, чего хочешь, все до конца продумаешь и терпеливо исполнишь, тогда и нет никакой судьбы... Вон звезды... Когда знаешь, куда идешь, тогда заезды прочный ориентир, а когда не знаешь, куда идешь тогда звезды — судьба.

Пирюткин прятался в самом темном углу избушка. Пирюткина раздражала его собственная тень. А на звезды он вообще смотреть не мог без тошноты. Там где-то было дурацкое созвездие, которое должно было решить, кому быть, а кому не быть из двух Пирюткиных. Почему? С какой стати? Разве Пирюткина не родили здесь, на Земле? Разве у него нет мамы, которая кормила его своим молоком, и папы, который учил его кататься на велосипеде? А откуда взялся этот тип? Он не зарегистрирован ни в одном загсе земного шара, у него нет метрики... да и есть ли у него вообще день рождения? Так каким же дьяволом решено, что этот тип имеет какие-то права на кровные документы Василь Васильевича Пирюткина?! Пирюткин чувствовал себя циркачом на одноколесном велосипеде — тот потому так вертится и рвется куда-то вперед, что иначе не удержит равновесия...

Надежда Естественная сидела у окошка, подперев спокойно лицо ладошкой. С судьбой они была интуитивно на «ты». Ее раздражало, что люди, особенно мальчишки, не понимают, что судьба многолика; днем одна, а ночью совсем ругая. На -ишь во всем честно разбираться. И не врать. Судьба — это честное заблуждение, вот что. А если честно заблудиться, честно и выпутаешься.

Гришка места себе не находил. Висел на турнике вни- головой. «Если вот так висеть в невесомости, то можно долго-долго висеть,— думал он. Крутнулся в сел. вздохнул: — Нет, не возьмет Кисиел с собой!»

В космос.

"Да и нельзя мне" — взросло подумал Гришка. Маму-папу он любил так сильно, что если Гришка улетит, то мамы-папы уже не будет, а будет просто печальный дядя а плачущая тетя. «А Василь — это старший брат», — сказал себе Гришка. А старший брат — это тот же Гришка, но постарше, взрослее, и взрослый Гришка не любит» когда маленький Гришка сует слишком свои нос в старшие дела... «Ну и пусть!» — непонятно подумал Гришка и опять повис вниз головой.

Перед его глазами мерным шагом ходил по асфальтовой дорожке Кисиел. Что творилось в душе или уме этого пришельца, трудно сказать. Одно было видно — глаза его ярко светились, в них вертелись две изумрудные змейки, и на этот свет, как на уличный фонарь, отовсюду летела мошкара.

Дядя Митя раздавил окурок о ступеньку.

— Значат, говоришь, Кисиел, мастер Шлях бузит?

— Бузит, — жалобно прозвенел Кисиел.

Василь насторожился. Надя Естественная уверяла, что Кисиел звенит на ноте «до» второй октавы.

— Не хочет признавать тебя за человека?

— Не хочет признавать.

— Папа говорит, — сказала из окошка Надя, --что, чем лучше Кисиел работает, тем хуже мастер говорит, что человек не может так точно работать.

— Вот времена, — вздохнул дядя Митя. — Что ж, человеку надо быть ловят. Всю глупую повыловили, а умную еще не поразвели...

Помолчал.

— Да ведь умную-то разводить не будут! — вскричал дядя Митя. — Глупую будут разводить, чтоб сама в сетку шла.

- Есть идея, — сказал Сашка Секунда, — пусть Кисиел усложняет и усложняет свою работу. Пусть даже создаст несколько очень умных роботов, а лотом можно будет добиться свидетельства, что из робота Кисиела получился человек.

— Из робота — человек, согласен, — прозвенел Кисиел.

— Сроки поджимают, — вздохнула Надя.

— Не-ет, Шлях — крепкий орешек, — сказал дядя Митя. — Его прогрессом не возьмешь.

- А можно, я приведу всех ребят нашей группы и мы попросим, чтобы дядю Кисиела сделали человеком?

— Попросить, согласен.

— Ерунда все. - Папа говорит

Папа говорит, согласен. Пирюткин сидел в своем темном углу, сжав коленями ладони. Хотел ли он, чтобы Кисиел из робота превратился в человека? Раньше хотел, но с тех пор как Кисиел сыграл с ним шутку «двойник», Пирюткин смотрел на Кисиела уже не такими влюбленными глазами. Мысль Пирюткин а все время возвращалась к недавнему потрясющему событию — уже после того как он нос к носу столкнулся с тем...

Пирюткин залежался на пляже и нёсся сломя голову, чтобы успеть выудить Гришку из детсада. Он опаздывал уже минут на сорок и вбежал на площадку, когда там уж и детей не было.

— Вот и хорошо, что вернулся, — сказала нянечка. — Вот она, ваша панамочка. Нехорошая сладкая слюна выступила во рту у Василя, он сглатывал ее. а она, как живая, снова выскальзывала.

Пирюткин думал, что нагонит, но где там. В квартиру он ворвался, как безумный.

- Ты чего туда-сюда мотаешься! — крикнула раздраженная мама из кухни.

Пирюткин перевел дыхание и тихо подступил к их с Гришкой комнате. Они была там — Гришка и этот тип! Он сидел на Василевой кровати и беседовал, как ни в чем не бывало, с Гришкой!

Да и бестолково стоять Пирюткин не мог. Не мог он и войти в комнату, ему почему-то страшно было и жалко младшего брата - как-то он перенесет все это?

Пирюткин тем же лисьим шагом пролез в стенной шкаф, что углом вдавался в детскую комнату, и приник к маленькой дырочке, давно проделанной там во время какой-то игры. Гришка сидел в своем углу и перебирал «кисиельчиков» - своих пластилиновых инопланетян. Гришка рассказывал, как трудно мьеккам жить на Земле:

— Они мягонькие, им все время надо думать, чтобы не расплавиться

— А воздух. Им подходит земной воздух? — спрашивал тип.

— Подходит... Но им все время надо дышать, вот так. Гришка потянул воздух, как тянет его вентиляционная труба.

— А солнце? Им нравится солнечный свет? — допытывался тип, как будто сам не знал — Кисиелова игрушка!

— Не знаю... Кисиел говорил, что он не видит солнце... Потом вопросы стал задавать Гришка, и тип охотно на них отвечал.

А Гришка, пользуясь таким редким расположением брата (брата! чертов двойник!), все сыпал и сыпал своими тарабарскими вопросами, и тип спокойно находил, что отвечать.

Пирюткин плохо слышать стал — в ушах билась яростная кровь. Его возмущал тон.

Гришка совсем не подозревал, с кем болтает, а тот говорил так, словно знал Гришку с колыбели, словно водил его, карапуза Гришку, на помочах или читал сказки ему!

Потом мама позвала их ужинать, и они пошли и там, на кухне, весело болтали, и по тому, как изменился раздраженный тон мамы на добрый, ласковый, Пирюткин понял, что мама довольна сегодняшним старшим сыном! А Пирюткин сидел в шкафу, дышал пылью и яростью и молил судьбу, чтобы та дала ему возможность посчитаться с самозванцем.

Ужин кончился. Они вернулись в комнату, но тут Гришку позвали с улицы. Он убежал. Подождя, когда хлопнет

Пирюткин точно вылетел из шкафа и кинулся в комнату

- Ты! - Пирюткин задыхался, глядя в удивленные глаза типа - Ты...

Что он мог сказать — Василь Пирюткин? Что — ответьте мне? Ни Гришка, ни мама не почувствовали подмены, и Пирюткин вдруг ощутил себя лишним, никому не нужным, пришельцем, куклой, оказавшейся очень похожей на человека... Тип смотрел в глаза Василию и словно видел, что творится в его душе.

— Ага,— сказал тип, — проняло? Почувствовал? Дошло? Укусило?

Он что-то еще бормотал, этот тип, но Пирюткин отвернулся от него. Он смотрел в окно, но спиной видел, как тип вышел из комнаты, проходя мимо кухни, сказал: «Мама, я погуляю». Хлопнул дверью, ушел. Потом Пирюткин услышал мамин голос — она напевала, и голос её приближался. Пирюткин кошкой нырнул под кровать и замер. Мама вошла в комнату, что-то переставила с места на место, чему-то рассмеялась и, наконец, вышла. Потом Пирюткин крался по прихожей и делал вид, что вернулся, хлопал входной дверью, на вопрос мамы "что так быстро?" отвечал: «Устал». И плелся в свою комнату, ложился на кровать и думал, думал...

И теперь он думал. Василь Васильевич, сжимая коленями холодные ладони. Он думал, что надо бы спросить обо всем Кисиела: зачем тому понадобилось удвоить Пирюткина? Что Пирюткин плохого сделал? Ведь это похуже гриппа, похуже свинки! Но потом Пирюткин подумал, что не спросит ни о чем, ведь Кисиел мог совсем не понять его. Или того хуже, мог и совсем не знать, что есть еще один Василь Васильевич. Да-да, Пирюткин волею судьбы привыкал и на самого себя смотреть отстраненным, огибающим взором, он понимал, что не пуп мира, что все происходящее с ним — это, может быть, всего лишь, так сказать, «стружки» чьего-то эксперимента и, значит, никто и не покушался именно на его, Пирюткина, судьбу! Вот до каких мыслей дожил Василь Васильевич.

И тогда, сиди в темном углу избушки на курьих ножках. Василь Васильевич решил: лететь! И, чем скорее, тем лучше. Если это болезнь, то ее надо лечить... А если не болезнь? Все равно лететь, подальше от Земли, от всех тех, кто знал одного Пирюткина, и пусть в памяти всех близких и родных один Пирюткин и останется. А Василь Васильевич уйдет далеко в космос, к мьеккам, будет там доживать свои дни, по мера сил помогая своему новому народу. .

По возбуждению, что охватило членов совещания, Пирюткин сообразил, что друзья нервничают, а Кисиел что-то путано объясняет. И вот из этих объяснений становилось постепенно понятным, что произошло на заводе. Кисиел обнаружил брак там, где ОТ К обнаружить не удалось. Шлях возмутился и потребовал, чтобы «цэй кнбер» не совался не в свое дело.

Кисиел ходил в лабораторию, объяснял, что нарушения в глубокой структуре, что он это «чувствует» очень хорошо. Но кто же поверит чувствам?

- Тварды, — твердил Кисиел. А Надя кивала и подтверждала:

— Он все время о твардах... Мне кажется, что они приближаются... Но они могут портить металл издалека... так? кажется

- Они... тварды... не хотят, чтобы Кисиелу помогли? — спросил хриловато Василь.

Но ему никто не ответил.

Глава одиннадцатая

Смысл того, что говорил, на что жаловался Кнеиел, не сразу дошел до Василя. А нетерпение, которое испытывал Василь в связи со строительством атомного двигателя для «летающей тарелки» и тайное желание побывать на ней и познакомиться с мьекками - все это вместе как-то превращало Василя в сторонника мастера Шляха.

«Ну что там, - думал Василь. — Какие-то мелкие недоделки! Их даже... дефектоскоп-то не обнаружил! И чего Кисиел придирается?"

И Василь думал, что Сашка Секунда, может быть, прав, подозревая в Кисиеле желание унижить науку и технику землян. Сначала Василь наблюдал, как Гришка «ликвидирует» недоделки в своем пластилиновом котле, ж думал с некоторым раздражением, что двойник, возникший тая внезапно, перевернул его, Василя, отношения с братом меньшим. Пришел, поговорил, пропал, а жизнь-то продолжает двигаться своим порядком... и что же делать теперь настоящему Василию?

В самом деле, получалось, что Василь Пирюткин состоял теперь из двух частей, и там, где эти части были соединены, Василь чувствовал еще болезненный шов. Значит, не сумели срастить по-нормальному, «Кто же экспериментировал надо мной? — думал Василь, глядя на брата и не видя его, — Мьекки или... или эти самые тварды?» Василь попытался представить «твардов», но ничего не получилось. Ему мерещился тот самый Изумрудный Череп, что предстал в «широкоформатном» сие. «Да сои ведь был наяву!» — напомнил сам себе Василь. И тогда похолодел от космического, я бы сказал, страха. Он растерялся, не понимая, какую проблему надо решать прежде всего - космическую или зем! Выяснять ли, кто над ним экспериментировал, или как-то менять свои земные привычки.

И вдруг Василь сообразил, что у него лишь два выхода: либо навсегда отвернуться от брата, перестать его замечать уж за одно то, что тот своим «братним» чувством не распознал подделки, либо враз самому повзрослеть, взглянув на случай с двойником, как на укор ему, Василию, в том, что он, старший брат, как-то уж очень «не так» держит себя с младшим.

Василь вздохнул. Опять ему предстоял выбор. «А кому это интересно?" - уныло подумал Василь и закрыл глаза, но уснуть не смог.

А потом пришел папа с ночной смены. Василь встретил его с мамой вместе, мама разогревала второе, а Василь чайник. Папа был мрачен, И Василь уже заподозрил причину.

И мама тоже поняла. Все молчали. Но пала сказал:

— Это хорошо, что Кисиелов котел не запланирован. Премия не полетит.

— Сильный брак? — спросил Василь, разливая чай.

- Тут такое дело... — сказал папа. — Тут что-то не так.

Папа замолчал. Мама УМЕЛА ждать, пока папа соберётся с мыслями, а Василь не умел.

— Да что не так! — сказал он. — Что не так?

Ему хотелось добавить: «Это Кисиелу одолжение делают», но придержал язык. Понял, что, пусть в мыслях, но зарвался.

— Не идет обещайка. Брачок. Видно, что-то в нашей бригаде не ладится..., Не идет обещайка. Все проверили, пересчитали...

Видно было, что сам папа испытывает удивление, не может понять, почему бригада не справляется с Кисиеловым котлом. - Задачку он нам задал!

— Станки плохие? — допытывался Василь. - Нет, отчего, — нехотя отвечал папа.

— Металл не подходит?

- И металл устраивает, - ответил папа и добавил, глядя в стол. — Духом не соберёмся. вот что. Разлад в бригаде, шатание умов. Сам понимаешь, не себе котёл делаем, а... по заказу иной Цивилизации! Руки дрожат... Боимся друг друга.

Василь ничего не мог понять - при чём тут бригадные неурядицы и Кисиелов котел? Какая связь между производственной дисциплиной и браком, который выходит из-под рук рабочего?

На следующий день Василь вынес эти вопросы на всеобщее, то есть между друзей, обсуждение. Все пришли в крайнее недоумение. И: «Что такое? Какие претензии?" И: «Вот всегда так, чуть трудно - в кусты!» И: «Надо помочь, любой иеной!» Только дядя Митя устранился, не спорил. Он поглядывал на ребят, курил и неопределенно улыбался...

Я тоже, лч, глядел на разгневанные и растерянные лица и понимал, как далеки они от действительных проблем действительного производства. И я решил, чуть-чуть отвлекаясь от повествования, провести фантастический урок на тему: «Что такое бригада и бригадный подряд?»

Итак, передо мной ученики, известные тебе, лч, героя повествования, а я — их преподаватель. Я делаюсь серьезным, надеваю на себя маску воспитателя и приступаю к ведению урока.

Прежде чем приступить к производственной сфере, давай-ка разберемся с этим вопросом в сфере учебной, школе. Что мы здесь назовем бригадой — класс или звено? А это, лч, зависит от того, во-первых, что мы производим, во-вторых, от уровня вашей сознательности. Если мы производим знание (а знание это а есть продукт нашей деятельности), знание в объеме класса, тогда каждое отдельное звено — бригада. Вам выдают средства производства — столы, учебники, наглядные пособия и, наконец, предоставляют преподавателей, обладающих знаниями... Пирюткин. прекрати зевать! — Я от волнения. - Что тебя волнует?

- Преподаватель - средство производства?!

- А разве нет? Разве вы не смотрите на преподавателя, как на говорящую машину? Разве вы цените его груд? Дождетесь, заменит учителя машина!.. Повторяю, вам выдают средства производства, плюс оценки, особого рода деньги... - И кошелек, — это уже Секунда.

— Ты, Сашка, оставь свои шутки. Потому что сейчас мы будем рассуждать о бригаде. Вы производите званая, затем выносите их к доске и начинаете торг. В хорошем смысле. Вы показываете товары лицом и получаете за него оценку, то есть ваш товар оценен на столько-то, Вот ваш трояк, и будьте довольны.

- Произвол, - сказал Сашка Секунда.

- То есть волонтаризм, - сказал Василь Пирюткин. Теперь-то, лч, мне ясно, что у них двух молодых людей много общего, они и подружались в школе на почве протеста.

- Что значит — произвол? Вам для того и организованы в бригады, чтобы противостоять произвольному назначению цены.

- Так ведь мы индивидуалисты, — сказала Надя Естественная. - Мы такую цену «назначим... Но бригада проследит! — Да откуда вы свали-и-лись? - продолжала Надя, возбужденно запевая. — Вы что, не зна-а-ете, что такое школьная учебная брига-а-ада? Мм ведь ее и а один наряд работаем, мы маете? Тройка тройке ро-о-знь, - То есть как? — А так.— Надя не стала объяснять. дяди Митя. — Кустари-одиночки?

- Не кустари, но одиночки,- солидно сказал Сашка Секунда - У каждого свой товар. У Пирюткина, например... Василь, ты там что производишь?

Пирюткин пожал плечам.

- Ну, допустим, история. Он историю и делает. У меня, допустим, физика, и я стараюсь. У зубрилы-карьериста задача сложная, ему надо по всем предметам поспевать...

— Или уметь по высокой цене протолкнутьдохлый товар,— подсказал Василь

- И так далее - закончил так же солидно Секунда - это и муравью ясно.

- Муравью, Секундочка, как раз ничего не ясно. Он общественное существо с самого рождения, — возразила Надя.— Инстинкт запрещает ему съедать найденную пищу, он обязан накормить ею собрата-сестру. А у нас нет ничего общего. Только симпатии и антипатии.

- Совсем ничего Общего?

— Ну, только то, что мы все в одну сторону идем, — сказал Пирюткин и показал, как маршируют его указательный и средний, держа на отлете большой.

— Откуда же вы такие? - спросил я растерянно. И обернулся к дяде Мите. — А? Дядя Митя молчал, он курил, курил, тяжело затягиваясь, словно дым был для него топливом.

Мне казалось, лч, что ребята эти у меня под увеличительным стеклом, что я их очень хорошо вижу, а вот теперь все перевернулось, они отделились чуть ли не на космическое расстояние, да к тому же я не могу понять, какой это космос — большой или тот, невероятный микрокосмос?

- И вам нравится быть одиночками?

— Ну, во-пе-е-ервых, — запела Надя, — каждый старается быть сильным или сильно оригинальным одиночкой...

«Да, — подумал я. — Кварки, нейтрино...»

— Во-вторых, кто-нибудь с кем-нибудь дру-у-ужит...

«Вот, — подумал я. — Пара нейтрон-протон. П. в лучшем случае, где-нибудь на ближайшей орбите ещё электрон».

— Мне кажется, что Гришка слушает вас и ничего не понимает. Василь посмотрел на младшего брата — тот, в самом деле, был ошарашен, он в волнении разорвал пластилиновых Кисиелов на кусочки и катал их по очереди в ладони.

— Ему еще рано понимать, — веско сказал Василь.

— Слушайте! — Меня осенила мысль. — Давайте тогда посмотрим, как строятся бригады на предприятия, на заводе.

Дядя Митя заерзал на стуле, он даже усмехнулся растерянно. Я посмотрел на него внимательнее, глаза у дяди Мити, голубые глаза, очень хорошо отражали настроение: дядя Митя смущался.

- Надо признать, — сказал я тоном терпеливого и всезнающего лектора, — Что раньше на заводе бригады тоже в основном были формальные. На самом деле каждый работал в одиночку, у своего станка, на индивидуальный лицевой счет. Хороший рабочий, мастер своего дела, держал свое мастерство при себе, никому его не выдавал, потому что от этого зависела его заработная плата.

Ребята понимающе кивали, дядя Митя тоже кивнул, но грустно.

— Чтобы вскрыть консервные банки индивидуализма, есть два метода: первый — так построить производственный процесс, чтобы каждый отдельный рабочий выполнял маленькую определенную, операцию, не требующую большого таланта и ума. Потом путем высокой степени разделения труда, специализации нанести удар по индивидуалистским инстинктам: если ты сам не хочешь делиться опытом и таким образом развивать производство, то мы тебя, частного мелкого собственника, обойдем, мы тебя разделим на пятерых-шестерых, а со временем вообще часть твоих производственных операций отдадим роботам.

Дядя Митя усмехнулся, он качал головой, но глаза его были задумчивы. Ребята же кивали весело, озорно.

— Другой способ — развивать сознательность рабочего... Ребята быстро сменила озорные улыбки на скептические. Они стали кивать головами так же, как кивал дядя Митя — умудренно.

— Что? — спросил я. — Не нравится? Уже пробовали? А тут, дорогие мои, нужна гибкость. Конечно, утопия — развивать сознательность на основе такого производства, где каждый работает в одиночку. Верно. Тут надо суметь, любезные мои, сочетать и метод консервного ножа, и метод разъяснения. То есть надо суметь менять производственные отношения так, чтобы специализация была ненасильственной.

Пирюткин вытянул нижнюю челюсть, ему явно зевалось, но все же глаза его были сообразительны.

— Это очень трудно, ребята.

Дядя Митя вздохнул и опять закурил. Уж он-то на собственном опыте знал, насколько это трудно. Если бы можно было все решить за один год! Л то ведь у каждого завода своя

долгота жизни, она никак не сочетается с жизнью человеческой, с его настроениями, с его мужанием и старением! Все разное, а без рабочих рук — никуда заводу не деться, без человеческого ума и таланта — тоже.

— Психологический барьер,— веско выговорил Сашка Секунда. - То есть?

— Ну, работал на маленьком карусельном станке, а теперь надо работать на большом...

- И с еще большей точностью, — досказал Василь.

- Верно. Одно дело писать ручкой перьевой, другое дело шариковой. Перьевую ты подталкивал, за шариковой надо поспевать. Обточка обечаек требует нулевой точности, как говорят сами рабочие, потому что другой точности атомный взрыв в котле не потерпит. Но смена станков - психологический барьер — это не самое важное, ребята. Не в этом суть психологического барьера. А в том, что нулевая точность в одиночку не достигается, более того, она требует, чтобы каждый рабочий изначально «ходил в процесс как сверхточный частичный рабочий сверхточного процесса труда всей бригады. Вот вам пример (и тебе, лч, чтобы ты не очень отвлекался) Надо обточить до нулевой точности шар. Как вы сам» понимаете, нужен цельный шар, не нужен шар из двух или нескольких частей. Целенький, без швов, шар с пятиметровым диаметром. Сложно? Медленно? Да, этот шар в обработке будет находиться несколько месяцев, понимаете? То есть работу, которую сделает один рабочий, должен подхватить другой и так далее, до самого нуля. Что же получается? А получается как раз то, о чем все время говорит Кисиел: шар надо вырастить, а значит, вместе с шаром должен расти и рабочий. Вот и выходит, что расти и одиночку физически

— Что же выходит? — сказала глуховато Надя. — Что бригада организована, создана до того, как в нее войдут рабочие?

— Х-хе! — крикнул дядя Митя. — Так-то. Это, я кумекаю, это похитрее!.. Тут не зажмешь сноровку, тут весь раскошеливайся!

— Произвол! — сказал Пирюткин.

- Технологическая дисциплина, — усмехнулся Секунда.

— Вот, видите, сколько противоречивых чувств у индивидуалистов вызывает такой бригадный метод. Хорошо, как же организовать такую бригаду? Ведь согласитесь, мало того, что трудовой процесс един, мало, что един лицевой счет, мало собирать прибыль в один котел, надо найти что-то более общее, что спаяло бы бригаду так, чтобы в ней не было швов.

— Обработать так, чтобы точность нулевая?— с готовностью подсказал Сашка Секунда. Пирюткин ухмыльнулся. Ох и спелись же эти друзья!

— Если скаламбурил, то извинись, — сказал я раздраженно. Эти подростки неуловимы, как электронное облако, лч!

— И вот, повторяю, вопрос; как объединить такую бригаду? На чем замешать клеи? Дядя Митя пытел сигаркой, дым кружил у его лица, и сквозь дым прогадывали напряженные, покрасневшие глаза. Гришка тоже что-то лепил лихорадочно, но тут же комкал фигурки. Надя дёргала себя за косу.

- захотят — объединится,— сказал Сашка. — Если интересно работать, — добавил Василь - Один мой знакомый любит повторять: интересно не значит познано...

- Подозреваю, что ничего не поняли, милые мои,— сказал я и оглядел свой класс. Не вышло урока, не получилось. Только дядя Митя ободряюще кивал. — Каждый из вас сам по себе... Да вы откройте свое мышление, не закупоривайте мозги личным отношением к Киснелу и его просьбе. Представьте: завод получил заказ от иной цивилизации, так ведь? Кисиел попросил изготовить котел для его летательного аппарата. Это внешняя сторона дела. А внутренняя, невидимая? Земляне должны продемонстрировать перед иной цивилизацией уровень своих знаний и умений — вот, пожалуй, что всего важнее. И если котел с браком, значит, и знания с изъяном.

Гришка скатал пластилин в один ком, мял и мял его, а на лице его замерли испуг и восторг одновременно.

— Но есть и еще одна, третья сторона. Если котел будет с изъяном, то не известно, что может приключиться с Кисиелом во время полета. А вдруг в этот изъян проникнут вредные вещества или... или еще что-нибудь похуже!

В полной тишине я закончил свой фантастический урок, лч.

И. как ты сам понимаешь, остался собой крайне недоволен.

Глава двенадцатая

А Кисиел вёл себя страннее. Он вдруг перестал ходить на работу, что навело Шляха на подозрение, которое он и высказал: Гуляка ваш кибер. Я это нутром чуял. А нутро у меня - рентгенкабинет.

Впрочем, почему Шлях осуждает Кисиела, ясно было и без особых разъяснений. Кисиел стал последнее время часто употреблять слово "тварды". Шлях решил: уж коли это связано с тем, что бригады запороли обечайку, значит, Кисиел просто обзывается. Критикует, так сказать. А Шлях - человек гордый. Он еще согласен принимать критику своих, но чтобы какой-то пришлый вертоглаз, кибер!..

— Ты — средство производства, — сказал Шлях, когда Кисиел забраковал обечайку. — Понял? А раз ты такое средство производства, которое мешает производству, то мы тебя спишем. Дрейн брей и, понял? Будешь озеленить территорию.

В ОТК и в КБ долго ломали голову над тем, что же разглядел мьекк своими «проницающими» глазами в металле обечайки, какой дефект обнаружил? Заводские приборы показывали, как говорится, «нулевую точность». Лч спросит: н это все? Да не все. Кисиел требовал, чтобы конструкторы, что ломали головы над двигателем для лающей тарелки», делали так, как этого требовал Кисиел, А конструкторы? Она разводам руками. Признаться, ока просто не понимала, чего хочет от них инопланетянин. Ведь что получалось? Кисиел прошел через асе цеха завода, работал на всех станках, и инженеры были уверены, что теперь-то он выскажет свою просьбу на доступном инженерному уму языке.., А пришелец? Он не только не восхитился уникальностью заводских сооружений, не только затеял спор о том, робот он или человек, но еще и обругал землян за то, что они не умеют делать настоящие двигатели — будь то «двигатель», или котел для атомной электростанции или двигателя для космического корабля.

- Лабу-да, — сказал Кисиел, где-то в цехах научившись этому слову.

Надин папа, человек оптимистического, в общем-то, склада, и тот ухватил свою бороду двумя руками и замычал, как от зубной боли.

Василь Пирюткин только что пришел из цеха, где тоже царила растерянность. Папа Пирюткин уверял всех, что они смогут добиться такой точности, какой требует Кисиел, — в обработке обечаек.

— Только больше внимания, товарищи. Никаких посторонних мыслей! Сосредоточенность и воля!

Василь не стал слушать эта призывы, он поторопился в КБ – инструкторское бюро, которое стало теперь штатом по контакту с инопланетянином.

Надин папа терзал бороду. Мычал. Надя Естественная, горя зелеными глазами, умоляюще смотрела на взрослых. Василь сразу понял ее состояние: «Товарищи!— говорила мысленно Надя. - Помогите бедному пришельцу!» Ведь он далеко от родины, он соскучился по своим детям, по своим городам и соплеменникам... Неужели же никогда, никогда он не вырвется с этой Земли?!

Василь с уверенностью смотрел на Кисиела. Тот метал молния по меньшей мере семью глазами. Он говорил, заикаясь, порой припевая, как Надя, дробя слова порой меж двумя ртами.

Кисиел говорил, что люди не умеют строить двигателя внутреннего сгорания. На что мм похоже, говорил он, вертя над годовой шляпою, если вокруг что-нибудь все время взрывается. Машина едет, а движут ее взрывы, самолет летит, и толкают его опять взрывы, наконец, ракета вырывается в космос, а швыряет её взрыв!

— Земляне совсем, как тварды, — без запинки выкрикнул Кисиел, а второй его рот повторил это потише. — Вы мо-ожете им вз-взры-вать?

В КБ наступила тишина. Надин папа смотрел на вентилятор. Дочь его тоже смотрела в потолок, я Василь видел, как под куполами ее зеленых глаз головокружительно бегут два пропеллера. «И в самом деле. — подумал Василь, отводя взгляд и обращая внимание на Сашку. — И в самом деле, ведь и правда, а?». Василь смотрел на Сашку, на его строгое лицо, на котором было выражение уверенное, как бег секундной стрелки, — вы вопите, говорите, а в мире все имеет свои точные законы. Василь оперся взглядом о лицо Сашки и продолжал думать: «Электрическая лампочка и та стреляет фотонами... Почему мы не изобретаем вот также бесшумные моторы?» Василь имел в виду пропеллеры, что тихо кружились в глазах Надя Естественной. «Чтобы по щучьему велению. Чтобы не надо было стрелять, взрывать...»

Василь уже просто мечтал. Он летел непонятно в каком мире, среда существ многоглазых, вольноруких, летел пушинкою, пёрышком, человеком-птицей

- Обвинение серьёзное - сказал Надин папа, держа бороду левой рукой, - Очень серьёзное, а, товарищи?

- А я думаю, что взгляд со стороны что-то значит - сказал другой.

- И всё же, мы ведь ещё и общего языка не нашли, а он уже контраргументы!..

- Если без эмоций, то есть над чем подумать... Можно было не думать, пока не пришел Некто, совсем иного разума культуры, и не ткнул пальцем.

- Ну и что? Что ж теперь делать? Ну да, так мы изобретаем; да, чтобы автомобиль двигался, надо взорвать в цилиндре горючее, чтобы двигался автомобиль, надо взорвать в цилиндре атомное горючее, и так далее. Я предлагаю по-другому взглянуть на эти взрывы. Ведь представьте, что сила человеческого разума в том и состоит, что он изобрел силу, способную управлять ВЗРЫВАМИ!

— Да, да, согласна, — подхватила женщина-инженер. — мы здесь маемся, тратим жизнь как раз на то. чтобы создать такой котел, в автором можно было бы взрывать атомы с наименьшими потерями энергии. Разве это не благородно?

- И все же, - сказал Надин папа, - Прислушайтесь к значению слова «взрывать». Ложно взрывать, как это делает росток дерева, взрывая асфальт. А можно взрывать... ого-го!

— Что же, перечеркнуть историю человечества?

— Не надо. Будем на ней учиться. Снова разгорался спор, суть которого, казалось Василию, лежала далеко от насущной проблемы.

Неожиданно Кисиел поднялся, держа на широкой ладони луковицу.

— Ко-тёл такой. Кисиел, шелушил луковицу, подходил к каждому, совал под нос. Кто-то улыбался, КТО-то пожимал плечами, КТО задумчиво кивал. В конце воинов все заплакали.

— Странно - говорил Надин папа, шмыгая носом.- почему лук, а не яблоко или груша.

- Ябл-о-ко ? -переспрашивал Кисиел. — И ябл-око!

Василь увидел, что Надя вытирает глаза. Но она-то луковицу не нюхала! Опять ей стало жалко пришельца. Да разве не жалко, например, иностранца, который не знает нашего языка, силится узнать или объяснить что-то жизненно важное? А тут - космический иностранец!

— Вот,— говорил Кисиел, снимая слой за слоем, — в-от оболочка, еще обо-лочка... неж-ж-жно!

Кисиел нюхал благоухающую луковицу и подкатывал от восторга четыре глаза. Надя жалко улыбалась. Сашка сосредоточенно смотрел под ноги. Но вот он оторвался от своих сандалет, смотрел на Василя заговорщически и шепнул:

— Вечный двигатель! Сечешь? Только вечный двигатель без вз-взрывов — Сашка заикнулся и отвернулся.

Василь в который раз удивился способности друга думать. вы-сказывать идеи в трудных условиях жары и духоты. «Вечный двигатель! И в самом деле, сколько их было предложено, и все — словно велосипеды». Вот думать все же было трудно. Василю стало скучно, мысли путались в голове, как паутина в кустах. Василь сонно думал, что и мыслям бывает жарко, а раз так, то мысли, наверное, и потеют., им и воздуха недостает... Василь потянулся, хотел было зевнуть, но лишь судорожно сжал челюсти, так как увидел косой взгляд Нади. Уж та бы не простила ему зевка!

— Признаем. — сказал громко Падин папа, — что успехе наши оплачиваются недешево. Точнее, наши успехи в области, например, строительства электростанций оплачиваются, увы, низким КПД: в тепловых не превышает сорока процентов, а в атомных и того ниже... - Да, но мы подходим к созданию управляемых термоядерных реакций синтеза! Там КПД высок!

— Это еще спорно, — перебила женщина

— Согласен, спорно, — продолжал Надин папа. — Но вот что интересно. В наших котлах энергию получают путем взрыва атомного ядра. В реакторах синтеза энергии» будем получать путем насыщения ядра за счет присоединения медленного нейтрона. Василь прижал скулы кулаками, подавляя зевоту неимоверной силы. Даже глаза полезли из орбит. Василь не мог взять в толк. отчего это взрослые, вместо того чтобы решить, как быть с твардами, спорят о вещах, совсем к делу не относящихся.

Впрочем, и сам Василь думал так лишь по инерции, Тварды ему представлялись то некими космическими корсарами, то просто облаком, а то и вовсе роем комаров. Кисиел так и не объяснил, кто это такие, или что это такое.

Василь сомневался во всем, особенно в Кисиеле. И при этом всё старался быть взрослым, взрослее самого себя. Он поглядывал на Надю глазами человека, испытавшего свою судьбу и теперь, если и не знающего, что будет в будущем, то, во всяком случае, готовым ко всему. А разве, лч, это не есть само взросление? Разве появление некоторой способности видеть себя со стороны - это не положительное достоинство?

Можно возразить, что такими жёсткими мерами, как двойник, людей нельзя приучать к самокритичности. Согласен. Но ведь это же может быть и не так?

Глава тринадцатая

Есть философы, лч, которые утверждают, что мир таков, какова ваша точка зрения на него. Измени чуть-чуть точку зрения, и вместо розы предстанет кусок серого камня. Пирюткин испытал же нечто подобное, когда встретился со своим двойником. Ему тогда показалось, что на него кто-то смотрит и от этого взгляда зависит судьба Василь Васильевича. С тех пор в Пирюткине засел страх — страх, что освещение может измениться, и тогда на том месте, где сейчас живет и переживает, восхищается Надей и ревнует Василь Пирюткин, окажется нечто такое... отчего у самого Василя даже слёзы выступили на глаза. И страх же этот возбуждал а сознании Пирюткина все большее подозрение к пришельцу, мьекку Кисиелу. Ведь это с его появлением жизнь пошла вслед за огибающим взглядом, то есть по кривой.

Это растениям и другим предметам асе равно было, что про лывал с ними мьекк, но у человека-то отнималось чувство, ощущение, так привычно охватывающее мир, ощущение изыскало направление, то есть изменяло Василю.

А ведь Кисил опять что-то задумал. Василь это чувствовал. Вот и котёл не получается, и какие-то тварды приближаются... Что это такое?

Так или примерно так думал Василь и мучительно засыпал, но еще до наступления утра вдруг совсем проснулся с мыслью: "Потерял!" Да, всю ночь, почти три серии кряду, он искал что-то очень важное, столько закоулков прошел, столько людей расспросил и на тебе — потерял!

Сердце билось так, словно катилось с лестницы. Василь потянул носом, и воздух не пах. Василь вышел на балкон и глянул над небо. Мутный свет наступающего восхода делал дома чернее, чем Звезды были обозначены кривыми туманными полосами. Сердце билось-скакало, и Василь приложил ладонь к груди. Ох, лж, что же это такое! Пирюткину показалось, что в груди у него бьется шар, надутый водой. Испугавшись всего, что предстало глазам и чувствам, носу и слуху, Василь Васильевич стал искать хоть что-нибудь привычное, он обежал взглядом дома, темные окна и добежал до знакомого окна — такого же, как все, но всегда вызывавшего чувства сильного волнения, смущения и нежности. Это было окно Нади Естественной. И вот Пирюткин глянул на черное окно и понял, что нашел! Нашел, но не то, что потерял, а место, где было, жило» смеялось потерянное.

«Неужели я разлюбил ее?!» — спросил себя Василь. Он силился вспомнить, каким было его чувство к Наде, и не мог вспомнить. — Мя-ааа-у! — закричали темные провалы меж домов, тополиная чернь и дрожащие телеантенны.

По одной верхней ноте этого кошачьего крика Василь Васильевич угадал Мурзика. Кот кричал, словно душа его искала самую высокую точку в небе и не могла до нее дотянуться.

А Надю вспомнить Василь Васильевич не мог. Это было как болезнь, как дурацкий сон, в котором была отгадка, а загадки не было.

Василь, гулко стуча по ночному дому, сбежал вниз. Он как бы заранее знал, куда бежит и что сделает. На самом деле ничего он не знал. Его гнала на улицу пустота, которая булькала в его сердце, том самом сердце, которое привыкло носить в себе беспокойный образ возлюбленной.

- Какие у нее глаза? — вопрошал Василь тишину. — Зеленые, — подсказывал он этой же тишине. А что такое — зеленые глаза, не мог понять. Не мог вспомнить. Говорят, так болит в памяти рука, которую давно отрезали...

В эту же ночь кот Мурзик пережил не меньшее потрясение. Как и всякого кота с неиспорченным нюхом, Мурзика манили мыши. Идя вдоль запаха, как троллейбус вдоль проводов, (в Атомграде еще трудились эти терпеливые машины, так как они меньше других загрязняли воздух), Мурзик вышел на пустырь, где маячила старая трансформаторная будка. Запал, который источался, шёл от её железной двери, сразу до отвращения не понравился коту. И чего хорошего в том, если в нос тебе била, как пыль в глаза, вонючая смесь паленых крыльев, давленных огурцов и кипящего металла (откуда бы коту знать, как пахнет кипящий металл?) Но мерзко было не от этого «букета», а от того, что Мурзику казалось, что так пахнет. На самом деле пахло чем-то другим, а это что-то прикрывалось привычными для кота ароматами.

Побродив растерянно по пустырю, обходя злополучную будку, Мурзик, наконец, наскочил на манящий след мыши. Самым вкусным в мыши является то, что она вкусно пахнет. Это Мурзик знал еще со время своей молодости. Его хозяин, инженер, часто разъезжал по разным странам, поэтому Мурзику было все равно, каких мышей кушать, точнее вынюхивать. Мир для Мурзика был прочен, потому что мыши в разных странах пахли одинаково. Уточню: для кота запах мыши — как человека закон всемирного тяготения. В этом смысле кот, набредший на мышиный запах, тем самым как бы падал вдоль этого запаха прямо на мышью... Мурзик уже всей длиной своих гибких вибрисс, глазо-ухо-усов, чувствовал, видел, вдыхал юркое тело аппетитного ужина. Вдоль острых зубов потекла прохладная влага терпкой слюны. Мурзик припал горячим брюхом к земле, дважды

дернулся вперед, как бы пробуя тело на прыгучесть, и — коты прыгают красиво, лч, из всех домашних животных одни коты сохранили грацию дикой кровожадности — сорвался, нырнул, полетел по крутому спуску запаха к тому, что так щедро его источало. Мгновение спустя кот закричал тем голосом, который и услышал Василь Васильевич Пирюткин. Кот кричал, вопил о том, что мир перевернулся и, может быть, вывернулся, увернулся, ввернулся.

Мурзик держал в когтях, в зубах натуральный запах мыши, а мыши-то не было.

Обидно, когда ошибается человек, приняв стакан с мук» стакан молока. Но поверь, лч, еще обиднее, когда ошибается зверь, приняв запах жертвы за саму жертву. Мурзик ощупывал когтистыми лапами место, где он поймал самого себя за хвост, безумно сверкая глазами, дрожа вибриссами и мяса возмущённым хвостом. Мыши не было. Ее никогда здесь не было — так говорил Мурзику его многолетний опыт охотника. И однако же запах был.

Войди, лч, в положение кота. Вот такая хитрая штука. Если ты, лч, любишь говядинку, котлетки, тефтельки, то запах говядины для тебя связан как раз с тем, как она приготовлена. Кто из нас — я или ты, лч, — всерьез скажет: «Я люблю кушать корову»? А кот, лч, любит кушать мышей и не встречал их запах ни под каким другим видом и соусом. Для кота, особенно для такого прожорливого, как Мурзик, мышь и ее запах — это одно и то же. Мышей коту некто не готовит. Мурзик сам себе и мясорубка"; и жаровня, и газовая плита. Как сказал бы Сашка Секунда: кот — энергетически очень емкое существо. Значит, отнимите у кота запах — отнимите мышь. Или наоборот, накормите кота запахом, а не мышью... Э, нет, тут что-то не так! Мурзик-то почувствовал подвох, иначе бы не орал среди ночи, словно в день рождения у него отняли самый лучший подарок. Запахом сыт не будешь.

Надя Естественная спала без сновидений и проснулась от голоса, который шептал в самое ухо. Она хорошо помнила, что понимала весь смысл, слышала слова, от которых у нее сжалось сердце и захотелось заплакать или закричать. Но вот она встрепенулась, пробудилась, а голоса нет, слов как не бывало, они отлетели, словно пух одуванчика, а чувство осталось — хотелось плакать, стонать, кусать подушку. Отчего же? Что она услышала во сне? Ведь были, были слова, она чувствует тепло от дыхания, которое вырывалось из уст говорившего. Да кто говорил? Где он? А был, был! И речь была, страстная, понятная, как визг тормозов, как свет солнца.

— Свет! — воскликнула Надя, приподнимаясь над подушкой. Рассветало, но было тихо. Еще не кричали птицы. Вот-вот закричат.

— Свет? — сказала Надя, протирая глаза.

Свет был не такой, как всегда. Вот отчего и было тревожно. Свет вертелся. Медленно, нарастая с каждым мгновением, свет выказывал волны своего движения. Он как бы опускался на Землю, изогнувшись широкой, тяжелеющей дугой.

Надя подбежала к окну. Верхушки тополей, всегда чуткие к солнечному свету, темнели пятнами, в которых листья рассыпались черными точками, и вся эта странная картина шевелилась паутинками света. Выходило, что свет освещал не все. Делал различия, искал одни предметы, избегая другие.

И в этот миг Надя увидела Пирюткина... Если бы несколько минут назад ее спросили, как она относится к Василию, Надя ответила бы определенно; «Терпимо». И еще добавила бы: «Он неплохой мальчик. С ним легко. Не глупый. Иной раз я его уважаю». Но вот Надя наблюдала из окна, как этот неглупый мальчик, озираясь и вздрагивая, мелькает среди сумрачных тополей. Время от времени он потирал пятки, словно земля была для него горяча.

И вот он приблизился к дому, где жила, а теперь бодрствовала у окна Надя, вот он взглянул вверх и поежился. Приставил ладонь козырьком над глазами, как будто било нещадное солнце, и стал что-то высматривать. Надя хотела было податься от окна, но не могла сдвинуться — ей было любопытно. И вот Василь как будто увидел ее, неуверенно

помахал рукой, подпрыгнул, как бы доставая ее, Надю, или ее летящий образ, упал, оглянулся, потерянно затоптался... На первый взгляд могло показаться, что Надя не понимает поведения Василя. Но при всей фантастичности происходящего каким-то чувством, нет, сверхчувством она понимала... Знаешь, лч, сила интуитивного, эвристического мышления в том я заключена, что она угадывает внезапно, скачком. Вот ты знаешь, что три точки образуют треугольник. А — почему ты знаешь? Раньше видел? Ну и что ж, что видел раньше! Перед тобой только три точки, и больше ничего нет. Откуда ты взял треугольник? Где он? Одни говорят, что, например, электрон так быстро скачет с орбиты на орбиту или с места на место, что ее успевает подумать, где он будет в следующее мгновение. Иными словами, непрерывно сам себе удивляется. Другие же говорят, что электрон так быстро скачет, что угадывает себя на другом месте раньше, чем туда прибудет. Кто прав? Насреддин ответил бы: «Оба правы».

Но вот приходит третий и говорит, что электрон удивляется себе там, где себя не находит, а там, где он себя находит, удивляться уже некому... Насреддин сказал бы; «И ты прав». Надя Естественная угадала смысл поведения Василя, он дошел до нее даже через все фантастические превращения света! Но — не поверила, потому что уж очень дурашливо Василь признавался в любви. Надя не могла ему верить. Чтобы не оказаться в дурацком положении.

— Нахал! — сказала Надя, дыша все сердитее. — Естественно! Надя испытала злость, и такую, какую никогда в жизни не испытывала. Она готова — только дайте в руки! — возить Пирюткина носом по лестнице, она сбросит его с девятого этажа (внизу, правда, она его поймает), нет, увезет в джунгли и там оставят, и пусть этот баламут живет в джунглях и питается шнурами!

Надя представила, как Пирюткин проламывается сквозь колючие заросли, исцарапанный, искушенный комарами и крокодилами. я Надю охватило изумительное чувство мести. Это такая смесь злорадства, возмущения, радости и омерзения. Если бы в эти мгновения удалось снимать Надю с помощью быстрой фотосъемки, Естественная предстала бы в виде химической колбы, в которой идут реакции воспроизводства, замещения, выпадения в осадок при общем катализаторе — разочаровании. А потом наступает миг, когда реакция становится неуправляемой и колба — бабах! — вдребезги. Все реактивы наружу — я ну вертеться по комнате, и освободившись друг от друга, и в то же время никак не мея оторваться окончательно, так что злость пляшет рядом с радостью» раздражение рядом с ликованием, месть в обнимку с жалостью и презрением. Кто гут разберется? Кто возьмет на себя смелость собрать эту мьеккулу (позаимствую это слово из языка мьекков? которым они обозначают пј же, что я мы — молекулу чего-либо) и по следам — по цвету, по запаху, по Терпкости, по молекулярному рисунку — восстановить Надю Естественную? Кто проделает от титанический труд и сумеет ли — ведь во время распада Надя Естественной катализатором было разочарование. В Василе Пирюткине разочаровались. Нда-с.
- Думкопф - устало шептала Надя

Глава четырнадцатая

Оказывается, неподвижной луна была и для Сашки. Дядя Митя тоже не спал, он думал, что старость, как юность, всякий раз тревожит человека сюрпризами. Но думал он об этом печально. Вот разве что Гришка спал. Душа его еще не звала сильных нарушений симметрии...

А Кисиел... Друзья обнаружила его в избушке на курьих ножках.

Он забавлялся с двумя зеркала. Возле него курил и мрачновато кивал головой дядя Митя.

- Что вы делаете?—спрошено было кем-то из троих - Последние известия ловим, — сонно ответил дядя Митя. От колеблющихся зеркал по стенам избушки ползли лунные светлые «зайчики». Кисиел сидел серьезный, мрачный с одним, как циклоп, глазом и что-то высматривал в зеркалах, наводя их одно на другое.

- Т-твааарды, — сказал Кисиел, по своему обыкновению меняя ударные слоги.

Сашка Секунда не доверял своим чувствам. Это очень интересно, потому что ведь ни Василь, ни Надя не доверяли этим ночным ощущениям. Не говорю уж о Мурзике, Но Сашка не доверял своему недоверию. Во всяком случае, именно такое выражение лица было у Сашки, и Василь опять ему завидовал.

Надя была напряжена. Она вглядывалась в лицо Кисиела, она хотела понять, что выражает его глаз, но должна была признать, что почему-то трудно определять выражение и настроение у одноглазого.

- Понимаете, хлопцы, тверды приближаются, — сказал дядя Митя и вдруг подмигнул. Надя попыталась заглянуть в зеркало, но увидела только серебристо-туманные рамки отраженного второго зеркала, уходящие во мрак.

Кисиел голосом, обретшим стальной звон, сказал:

— Тварды могут нап-пасть.

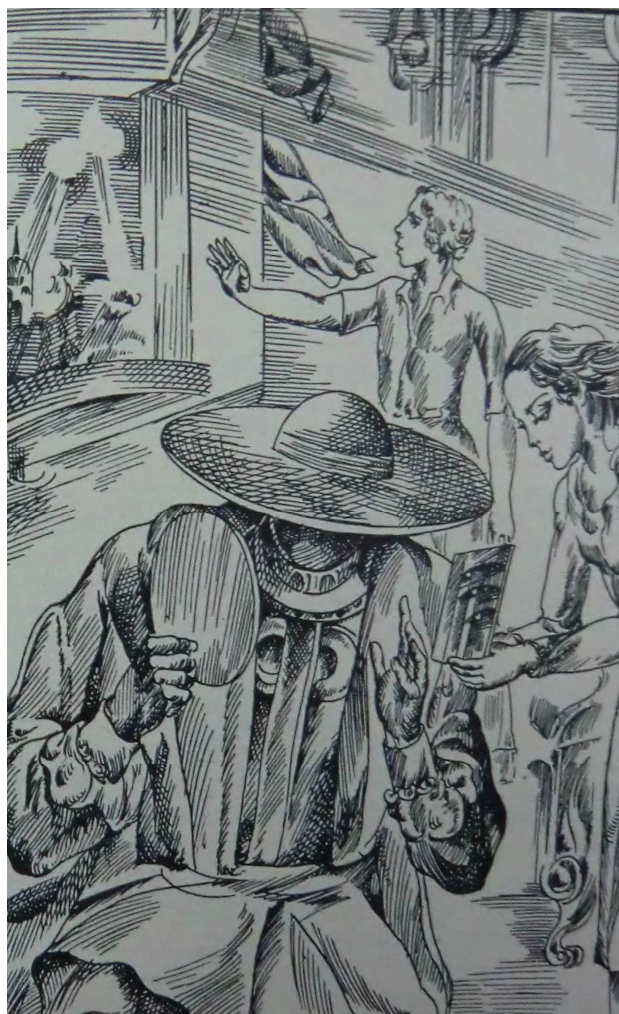
— А откуда взялись эти тварды? — спросил Сашка.

— Тварды твардуют, — ответил Кисиел.

Василь заглянул в одно из зеркал и вначале ничего не увидел в этой анфиладе отражений, уходящей в пустоту, во Вселенную. Но вот, всмотревшись, различил остро сияющую точку,

— А при чем мьекки? — спросила Надя.

— Мьекки так делают... не так делают, они ондулуют. Сашка и Надя серьезно кивали. Василь осоловело вертел головой.

То, что увидел он во мраке зеркала, застряло занозой в памяти. Он снова взглянул и опять увидел стеклянно сияющее пятно. Надя последовала его примеру, Сашка сделал то же самое, но догадка: ни Сашка, ни Надя не видят, потому что ее обладают тем огибающим взглядом, каким «заражен» Василь.

И вторым было просто головокружительное открытие. Нет, Сначала Василь испытал головокружение, а потом уже осознал вот что: звездочка видна не во всех отраженных зеркалах!

Да возможно ли это? Василь вглядывался в серебристый туннель отражений. Одно, два... пять звездочка висела в седьмом и медленно передвигалась в шестое!

— Смотрите! - закричал Вас

— Да что ж ты так?!— отпрянул дядя Митя.

Головы всех уставились в зеркало. Но недоуменное молчание напомнило Василю, что видит только он и Кисиел,

— Шмакают, — сказал Кисиел, силясь что-то объяснить,— перекувыркивают.

У Кисиела стала вдруг ослабевать способность к языку.

— Ой, — сказала сквозь зубы Надя, — чует мое сердце — беда.

— Да, — протянул дядя Митя, — это судьба Кисиела близится! Сашка отстранился от всех. Он смотрел на друзей и дядю Митю глазами серьезного, ночи напролет бодрствующего экспериментатора

- Бредятина, — сказал он.— Что ты там видишь? — потребовал он, но спохватился и сказал; — Там ничего нет.

Но Василь не слушал, он следил, как звездочка накалялась, переползла из шестого а пятое, а потом в четвертое отражение, и чем ближе она была, тем быстрее двигалась я ярче разгоралась.

Василь заметил, что руки Кисиела стали подрагивать. Отчего-то у самого Василя похолодела спина.

Когда звезда оказалась в третьем отражении — и остальные смогли заглянуть и увидеть.

— Понял? — шепотом сказала Надя Сашке. — Это иллюзия, — сказал Сашка и вызывающе посмотрел в расширенный глаз Кисиела.

- Судьба - опять сказал дядя Митя.

Между тем звезда перебралась уже во второе зеркало. И в это же время край неба далеко над степью озарился, Это не было сияние утра. Небо ещё было ночным, ночным были россыпи звёзд. Это было резкое лимонно-фиолетовое сияние. А потом сияние сгустилось и вспыхнуло звездой. Кисиел выронил зеркала.

Звезда округлилась, выбросила из себя три гигантских луча, которые уперлись в землю и ясно, четко осветили все то, что в ночной мгле глаз бы не разглядел — деревца, курган, какие-то серые развалины. И тут же лучи погасли, пропала звезда. Всех била дрожь. Словно они искупались в ночной холодной воде, а теперь обсыхали.

- Мяу! сказал кот. Это был Мурзик, а кто же ещё? Он не искал мышей и не искал он убежища для своей перевернутой души.

Он искал понимания.

Мурзах обнюхивал осколки зеркал.

Привлек ли его запах и какой — ют ли, что шел от самих осколков, или тот, что источался отражением?

Папа Пириуткин и верил, и ее верил

— Тварды? — спрашивал он, бегая по комнате в майке, трико и с полотенцем через плечо.

— Значит, Кисиел говорят, что это тварды «повели» обещайку? Значит, не бригада виновата?

Папе Пириуткину так и хотелось, чтобы брак был случайностью... Но вот же что получалось, бригада-то уже сама признала, что допустила нарушение технологической дисциплины, не выдержала точности обработки, проморгала.

- Как же так? Что же делать? — папа Пириуткин ерошил полотенцем влажные волосы. — Тут, брат, думать надо.

Папа Надя Естественной, держа по своему обыкновению бороду в кулаке и посмеиваясь, сказал:

Не кисните, ребята... Как я понимаю, тварды — враги мьекков. Научные враги, мне думается... Вы спросите, из-за чего сыр-бор?..

Надя подтверждала, глядя на отца серьезными зелеными глазами.

- Знаете, доискаться причины трудно. Сколько мы ни пытали Кисиела - Дальше «распротражения» не пошли... Так вот, - и Надин папа повысил голос. — Тварды считают, что распротраженне бесконечно.

- Знаю, — тоже выкрикивала Надя, — Даже самое маленькое зеркало найдет свое отраженно, так?

Все глянули на Кисиела. Он кивнул, но как-то вбок.

— Так я считают тварды, — сказал Надин папа, — Два зеркала отражают друг в друге бесконечность.

— Так это же верно, - сказал Сашка Секунда. — Тут не о чем спорить,

Пириуткину почему-то вдруг стало смешно. Он осторожно оглядел друзей, но никто бы его не поддержал.

Надин папа досмотрел на Сашку и сказал:

— Думаешь? Мьекки считают, что так нельзя...

- Нл-зя, - прозвенел Кясвел,
- Тварды пользуются, говорят мьекки, «твердыми» зеркалами. Они берут самое маленькое зеркальце, с его помощью концентрируют мощный луч, и затем бегут по этому лучу и достигают цели...

- Так это же здорово! - сказал Сашка Секунда

Пирюткин впервые за последние дни увидел, как у друга горят восторгом глаза.

- Не-з-дорово! - сказал Кисиел

— Видите ли - сказал Надин папа, он крепко держал бороду и порой даже взмывал. - Тут мне кажется, сама суть... но мне кажется... Так вот, там, где тварды пробегают, — остается пустота, просто пустота

— Тю-тю, - сказал Кисиел и махнул рукой.

Пирюткин хотел бы, как Надя, сказать: «Знаю!» Но что — знаю? Этого бы он не смог сказать словами. Дело в том, что все, что говорил Надин папа о твардах, Василь уже испытал отчасти.

Этот опыт уже сидел в нем. Да, было в Василе что-то такое, как будто его уже «распротражали» один раз. В Пирюткина-бис. Все это было так, словно Василь летел-летел и вдруг — бац, столкнулся со своим отражением. И каким! «Жестким», неуступчивым... Разве это справедливо? Ведь нельзя так, взять и удвоить человека. Это - бесчеловечно. Но этого мало. Теперь же Пирюткина-бис просто пропал. И это уже тоже издевательство. Получается так, что кто-то, видимо, тварды, в любой момент возьмет тебя, «распротразит», а потом перемешает всех двойников-тройников-четверников и... лишних выбросит. «А кто же в них кто?» - спрашивал пустоту Пирюткин. И у него в душе сжималось то место, где оставалась зиять пустота, оставшаяся после исчезновения двойника. А от этой пустоты уже шла трещинка» подбираясь к сердцу.

И там, где жила, цвела его, Василя Пирюткина, привязанность к Наде Естественной, там тоже что-то произошло после того сна, юг да он вдруг забыл Надю. А потом было еще хуже — он с болью все время помнил, что забыл... Так ведь и помереть здоровому человеку можно. Недолго помереть.

«Значит, и с Надей... тварды?» — догадывался Василь. И в нем закипала злость. Злость и месть. Вот, до чего дошло

Глава пятнадцатая

Тварды не показывались. Но в том направлении, где они приземлились, днем небо подрагивало, а ночью бродило низкое лимонно-сиреневое сияние.

Друзья гадали: кто же они? Кисиел, как нарочно, почти совсем разучился говорить.

Словно тварды его гипнотизировали.

Тогда все обращали внимание на Гришку. Он лепил. Все следили за тем, как движутся его пальцы, думая, что, может быть, как и с Кисиелом, Гришка вдруг интуитивно вылепит тварда. Гришка лепил каких-то странных малопрятных существ, но тут же смущенно сминал их в комок.

Папа Пирюткин даже всерьез немного злился на младшего сына:

- Эх, ваятель.

Потому что, как ни дисциплинированно бригада обрабатывала, доводила обечайку, а в ОТК уже и своими методами определяли: в металле микроскопические связи нарушены. Точка. Но не нулевая.

- Значит, любезные, тварды виноваты, — говорил падин папа. А Василь Васильевич, напряженный душой и мыслями, своим волшебным обегаящим взглядом, но теперь внутренним, двигался по Вселенной. Но Вселенная была особенная, в ней не было планет или Чего-нибудь такого, что видится глазу землянина. Там было... что же там было?

Одно Дело - видеть оббегающим взглядом, другое дело — уметь это пересказать. Вон, как Сашка Секунда, словно лекцию читает, а что может сказать Василь? Как он может описать это чувство - ты только что видел, и сознавал, и чувствовал, что перед тобой наитвердейшее тело, самая прочная на Земле сталь, а мгновение спустя перед тобой океан неизведанной Вселенной?

Да, лч, вооружись доверием к чувствам Василя Пирюткина я представь себе такую картину. Ты сидишь и смотришь футбол. Любуешься великолепной, игрой Накатова. Он мечется по полю, всюду создает критические ситуации, но цель его наскоков и комбинаций одна — подойти ближе к воротам противника, обмануть защитников и вратаря и пустить мяч в сетку. И такое случается, пусть не часто, зато с какой красотой! И вот, лч. вдруг, внезапно, неожиданно, мешком по голове (выбирай, что по душе) веред тобой нет игроков, и тем более нет Накатова, а есть... что же есть веред твоими оббегающими глазами? А вот что: перед твоими глазами вероятность Накатова. Видишь? Нет-нет, лч, ты не зевай, не делай вид, что у тебя глаза затекли, а всмотрись. Если минуту назад перед тобой бежал Накатов, то теперь перед тобою бегают... его бег. Смешно, но невероятно! Возможно» вероятно лч.

Ах, не любишь ты, лч, футбол, хоть и рвешься на стадион. Не любишь, потому что не хочешь понять то, что пытаюсь сказать я словами и что так ярко, так захватывающе чувствует Василь Пирюткин. И — не могу я снова не пояснить тебе, лч, потому что от того, как ты уяснишь ату хитрость, зависит и то, поймешь ли ты дальнейшее невероятное...

Итак, Накатов — затем его бег — затем бег бега Накатова. Как это понять? А вот как. Ты видел, как иной раз красиво, ловко, виртуозно проводит мяч к воротам футболист. И так это красиво, так стремительно» так виртуозно, что создается впечатление, что Накатову никто не мешал! А ведь мешали, кидались под ноги, делали подкаты справа и слева, наступали на пятки, норовили толкнуть... Но все эти усилия, наоборот, как бы помогали Накатову выйти к воротам и хитрым ударом, обманув всевидящего вратаря, пустить мяч в сетку ворот. Ведь видел ты все это, лч! Может быть, ради этого ты и рвешься на футбол! А не хочешь видеть, когда я предлагаю подумать над этим.

Повторяю. Так ведь есть, на самом деле, все уловки защитников в какой-то момент превращают защитников в соучастников таки Накатова. Вот в этом-то и есть сила вероятности противника бежит не сам Накатов, потому что самому Накатову все мешает: и защитники, и мяч, который все время вертится и норовит убежать от ноги, и поле, которое поросло травой, где густо, а где пусто и все изрыто бутсами, и ветер, и солнце, и много-много чего мешает Накатову, а вот бегу Накатова уже все это помогает, бег бежит по одному ему известной кривой, бежит, увлекая за собой мяч, бежит и ныряет, черпая силу и стремительность где от ноги защитника, где от неровного поля, где от другого защитника;

бег бежит и с математической хитростью упирается в сетку, куда его от бегущей ноги Накатова посылает зевнувший вратарь...

Не могу сказать, лч, насколько фантастична была эта мысль Пирюткина. насколько она была реальна — тоже не скажу, но Пирюткина она захватила настолько что он очнулся и хотел было сказать....

— Все ясно, — сказал Сашка Секунда. — Прибыло Кисиелово подкрепление.

Надя удивленно посмотрела на Сашку. Лучше бы она этого не делала, потому что Василю теперь казалось, что всякий заинтересованный взгляд, обращенный не на него, как бы отнимал часть самого Пирюткина.

— Вот теперь они нам устроят! — добавил Сашка.

- Ты, Саша, не распаляйся — сказал папа Пирюткин.

Было ясно, что он решил не поддаваться твардам. Василь также знал, что и вся бригада решила противостоять этим пришельцам и любой ценой сделать котел бедняге Кисиелу

С ним согласен был и Надин папа, но все же его интересов и тварды. У него было много вопросов, которые он хотел им задать. Например, как эти тварды изменяют внутренние свойства металла. Если подробно рассказывать, как Надин папа и его друзья инженеры общаясь с Кисиелом, пытаясь выяснить, кто такие мьекки, и кто такие тварды, почему между ними вражда и т. д., — пришлось бы написать целую повесть. Однако вкратце было вот что.

С некоторых пор Кисиел стал рисовать с помощью земной ЭВМ на экране компьютера обыкновенный человеческий череп. Кисиел тыкал в этот череп пальцем и говорил, что это твард, но только символический, то есть образный твард. И этот твард, представитель цивилизации твардов, вооружен «твардушкой», которая стреляет «твердыми» зеркалами. «Распротражает» — уточнял Кисиел

Инженеры кивали, но не понимали. Надин папа хватался за бороду двумя руками и морщился от собственной беспомощности.

Однако общение двух цивилизаций, Земной и мьеккской — всё же медленно продвигалось по дороге взаимопонимания. Представь себе, лч, что на Земле вдруг появляются места, где не действует закон тяготения. «Это значит, — говорил Кисиел и добавлял — Это значит, тут тварды распротражали. Позже инженерам стало ясно: тварды, распротражая пространство, приводят его в состояние волной симметрии. Если есть закон всемирного тяготения, то они прибавляли закон нетяготения. И было бы это интересно, если бы деятельность твардов не несла в себе угрозы для человека. Вот, в чем эта угроза состояла.

Ты, лч, должен бы знать, что человек мыслит в определенном направлении, так? То есть несимметрично, так же несимметрично человек «чувствует» ощущает. Пирюткин, например, испытывает некую любовь не вообще, а в отношении Пади Естественной. И вот представь, лч, что Пирюткина поражают тварды «твердым» зеркалом. Пирюткин лишается способности ощущать людей, чувствовать присутствие Нади, он не способен понять, какое чувство кому предназначено: где чувство брата, а где чувство мамы или папы?

Он не сможет вспомнить! Тварды своей «твардушкой» поразят его память так же, как они поразили память земного металла, из которого сделан был котел. Василь превратится и человека без воображения, а люди без воображения — алые люди, подозрительные, они не умеют сочувствовать и сопереживать, они симметричны самим себе и дальше себя ничего не видят... Так то, лч, и все эти мысли бродили во встревоженной голове Надиного папы, но он не мог их высказать вслух потому что не сделал еще окончательных выводов.

Гришке тварды были подозрительны. Он понимал, что с их появлением трудности дяди Кисиела возросли, производство котла приостановилось. Но где-то в самой-самой тайной сторонке души Гришка все же радовался тому, что отлет дяди Кисиела откладывается.

Надя сначала подумала случайно: «Отчего это взросление связано с тем, что приходится делать то, что не хочешь?» А потом она подумала, что нечего сидеть и рассуждать, надо действовать.

Сашка же, в тайне от всех, думал о том, что его микрокалькулятор, которым он забавлялся вчера вечером, вдруг «выстрелит» серией четверок, а потом в этот рубиновый ряд вскочила тройка, затем двойка, потом единица и, наконец, нуль. Сашка решил, что ЭВМ сломалась. И тогда он испытал страх: «Вот как бывает, когда машина отказывается тебе служить! — И обвинил твардов, а с ними и Кисиела. — Надо что-то делать», — решил про себя Сашка.

Василь слушал, как странно бьется его собственное сердце.

Глава шестнадцатая

Внезапно, почти прямо на глазах, Кисиел преобразился, он стал похож на перевитое, закрученное, извилистое зеркало.

Случилось это утром. В квартире Василя Пирюткина. Всю ночь Кисиел колдовал, сидя на балконе в шезлонге, спрятавшись под шляпу. А утром Василь столкнулся с ним, когда Кисиел выходил из ванной. Василь сначала думал, что Кисиел просто ее вытерся после душа. Но посмотрел на пол, мокрых следов не было.

На вопросы Пирюткина мьекк отвечал запутанно, показывал куда-то под свою шляпу и говорил заплетающимся языком:

— Жжжжи-дкое зеркалооо...

Кисиел расхаживал по комнате и светился вьющимся светом, колебался, то расширяя, то свиваясь, как солнечный блик в бесконечной воде.

- Ты ведь не исчезаешь? — тревожился Василь. И Кисиел отвечал (а голос его то приближался, то удалялся, вибрировал):

— Не сче-азаю! Ондулую!

И Пирюткин вспоминал разъяснения Надиного папы, что мьекки «ондулуют» против твардов, пространство и объекты, подвергнутые облучению «жесткого» зеркала, мьекки размягчают, что ли, делают гибкими... Василь почему-то испытывал жалость к Кисиелу, он вспоминал все то, что с ним произошло: и двойника, и сон, в котором он забыл Надю, да и сон другой, в котором вел беседу с Изумрудным Черепом тоже вспоминал, — и думалось Василю, что все это тоже испытывал на себе Кисиел, и плохо же ему, наверное, если твард в образе Изумрудного Черепа имеет над Кисиелом такую же власть, какую он имел над Василем тогда, в фантастическом сне...

Это событие повлияло на Пирюткина неожиданным образом. Он решил: сейчас или никогда! То есть выручать Кисиела.

Он так решительно вытащил Сашку из дому, так напористо извлек из-за пианино Надю, что те и опомниться не успели. А потом все трое кинулись искать дядю Митю. Именно он, почему-то решил Василь, может дать дельный совет.

Дядю Митю нашли на пустынном пляже. Он дремал после дежурства под полотняным тентом.

— Привет тебе, дядя Митя! — сказал Василь.

Дядя Митя не пошевелился. Кепочка, что прикрывала лицо, не дрогнула.

— Дядя Митя, мы к вам! — позвал Василь Васильевич. Старик молчал. По белой его рубашке ползала янтарная пчела.

— Развезло дядю, — сказал Сашка, присаживаясь в тень.

— Сам ты «развезло», — отозвался дядя Митя и слегка приподнял кепочку — глаза у него были серьезные и блестящие.

- Мы посоветоваться, - сказала Надя,

— Вот живете вы на свете, — сказал, как бы не спеша, дядя Митя, — а какая от вас радость в жизни?

— Танцевать, что ли? — огрызнулся Сашка.

— Пчелу знаешь? — сказал дядя Митя. — Если пчела устала танцевать, значит, она жить устала.

Василь Васильевич поежился, настроение у дяди Мити было необщительное. «Может, на него тварды нападали?» — подумалось Пирюткину. И он сказал:

— Мы решили поймать твардов...

Василь и сам не ожидал, что скажет именно это. Но, сказав, уже всей душой поверил в это.

Дядя Митя привстал, настороженно глядя на Пирюткина.

— Ловить? — спросил он. — Это... вот так вот?

Василь кивнул, и Надя кивнула. Даже Сашка Секунда подтвердил.

- Все заодно? — допытывался дядя Митя. - А как же вы их?..

— Вот же ж мы с вами и хотим... — сказала Надя.

— А вдруг... — говорил дядя Митя.

— Ну и что?... — отвечал Пирюткин

— Паучьей сетью - серьезным глазом Сашка.

Дядя Митя задумался, уставя поблескивающие глаза в горизонт. Все друзья понимали, о чем он думает. Потому что они и сами ломали голову над этим. «Кто такие тварды? Какие они та-

преследовать и «ловить»

Вот так-то,- вздохнул дядя Митя. — Кто же их след-то возьмет? Вон как они Мурзика замордовали, нюх отшибли!

Дядя Митя хотел еще что-то сказать, но не смог. Слов не хватало. Сказать по правде, лч, дядя Митя, может быть, острее всех своих друзей чуял опасность. Опыт жизненный подсказывал ему то, что друзьям его не мог растолковать их разум. Дядя Митя наблюдал за Мурзиком и понял, для себя, что тварды коту не просто отбили чутье, а... сделали нечто малопонятное. Дядя Митя протягивает коту кусок колбасы: «Кс-кс-кс!» Мурзик бежит и вдруг, как споткнувшись, останавливается, усы дрожат, глаза вращаются, зрачки разбегаются, и - прямо с ума сойти! - начинает щупать землю лапой, как будто перед ним трясина или яма. А дальше и того загадочнее: нюхает колбасу, запах колбасный вдыхает и... идет куда-то в сторону, мимо, как слепой. И тогда дядя Митя решил для себя: «Главное — чутье уберечь!..»

Он опять вздохнул. И все вздохнули Но чем безнадежнее казалось задуманное, тем сильнее разгоралось желание— выполнить!

— Это ж не земляне,— начал увещательно дядя Митя. — Кто ж тут нам тактику-стратегию, а?... Они прямо в голову запускают свои... А как выкрадут что-то очень важное?

Василь горел, он пылал внутри, но голова оставалась холодной, и в этой холодной голове мысли были четкие. Они говорили Василию:

«Только сунься к твардам! Они тебя отражали в двойника. Допустим, случайной А если они начнут «распротражать» намеренно? Вот они тебя изнутри изучат и самый твой укромный уголок и выкрадут... Там же, у тебя в голове, то есть вот здесь, сад такой большущий шумит, фонтаны сверкают, птицы поют и голосом, и опереньем, и солнце тут такое, какого, может быть, и нет на Земле, и дорожки тут песчаные, тихие, и даже озеро среди столетних дубов, и тут травка, и тут ходит твоя Прекрасная Дама... И все это тварды возьмут, потянут на себя и с корешками-то и вырвут!"

До сознания Василя постепенно доходил смысл популен вардов, и смысл "распротражения» тоже прояснялся. Коварные были тверды. И, наверное, жестокие. Как выяснилось, металл

обечайки, что обтачивали на заводе, был почти безнадежно испорчен

— у металла была выкрадена... память! Вот что выяснили инженеры в КБ завода.

Значит, тварды пользовались энергией памяти, а это-то и есть "распротражение». Когда Василь понял это, он не мог уже остановить мысль, и она продолжала рисовать опасности: раз тварды сумели так обокрасть металл, сумели довести даже металл до безумия, то что ж им, твардам, стоит выкрасть память у человека? Или у дерева? Или, наконец, взять и высосать замять у солнца!

Василь Васильевич глянул на Надю широченными от страха глазами, увидел зелень вокруг зрачков и подумал было, не дать ли задний ход... Но Надя улыбнулась ему, улыбнулась так поддерживающе... и так чуть-чуть подчиненно. Она, значит, признавала мудрость Василёвых намерений против твардов!

Внезапно на пляж выбежал Кисиел. Он все так же переливался, принимая на себя свет и солнца, и песка, и моря. И от игры этих отражений то вдруг пропадал из глаз, то вырисовывался сеточкой солнечных зайчиков. Он увидел друзей и, оскользясь на песке, приблизился. На переливчатом лице почти не было заметно глаз, но они были — не два, так три — и тоже лучились солнечными зайчиками.

— Стак-ан-чик, — сказал Кисиел. В одной руке у него была бутылка, в другой стаканы. Он протягивал их друзьям.

Друзья обрадовались, но когда Кисиел стал разливать содержимое бутылки, радость увяла, лица покрылись удивлением.

- Не пил, — растерянно сказал дядя Митя, задумчиво разглядывая на свет жидкость в стакане.

Василь прикинул: от того, что стакан был почти полон, он не став тяжелее.

Надя понюхала — пахло просто прохладной, может быть, родниковой, водой.

Сашка сразу отлил глоток. Сначала ему показалось, что на скоростном лифте он вошел вверх. Потом показалось, что вниз. Потом он просто повис, так ему показалось, и хотелось выпучить глаза или хохотнуть. Но все это как-то прошло, осталось лишь некоторое внутреннее сияние что ли. Во всяком случае, Сашка допивать не торопился.

А Кисиел, как птица, всё повторял:

— Пить-п-ить!

Дядя Митя посмеивался, но не решался. Надя всматривалась в играющее лицо Киснела, но вопросов не задавала. Василь же хотел знать немедленно: чего надо Киснелу.

И вот Кисиел, растревожено или страстно, кто его разберет, стал кое-как объяснять. И выходило, что надо обязательно выпить «жидкое» зеркало, А надо для того, чтобы увидеть твардов. Или, чтобы с ластясь от их жесткого облучения.

— Видимо-невидимо, — говорил мьекк и разводил руками, — Невидимо - видимо.

У Пирюткина зароились подозрения. Он мыслями уже был там, где ему надлежало быть после того, как он выпьет стакан «жидкого» зеркала. Что с ним будет, каким он будет?

Как поведу себя чувства, увидя свое собственное отражение в «жидком» зеркале?

Пока он так думал, Сашка Секунда опрокинул содержимое стакана в рот... Надя решительно тряхнула волосами и мелкими глотками быстро выпила, Василь, гляди па не испуганно, тоже выпил. И лишь дядя Митя, посмеиваясь, покачивая головой, не торопился. Он докурил сигаретку, пригасил её в песке, встряхнул стакан и... выплеснул «жидкое» зеркало в песок.

Глава семнадцатая

Тут, лч, произошло такое, что описывать подробно я затрудняюсь. Впрочем, как сразу понял Василь Пирюткин, всё, что случилось с ним я с его другом Сашкой до этого, было все же некоторыми предупреждением. И вот — мир сразу и великолепно обрисовался солнечными блестками. И Пирюткин стал расти, бы стремясь заполнить этот шар, но вдруг так же легко он стал уменьшаться чуть ли не до блескучей песчинки. А вот и вытянулся стебельком, завился змейкой, развился, запрыгал изломанной линией. А Кисиел довольно понятно объяснил:

- Перетерпите - это маскировка

Вот тут Пирюткину стало и вовсе не по себе. Внутренности словно в иголки превратились, а сам Василь - словно маленький репейничек, и за все цепляется, ко всему пристаёт и сам себя колет. И не было бы это так уж непереносимо, не сообрази Пирюткин, что рядом с ним так же раздуваются и выются его друзья. А когда они все превратились в сверкающие репейнички, то и вон стали доводить себя до смеха щекотаньем и покалыванием. Гляд на друзей, Василь хохотал, Сашка не оставался в долгу. Надя смеялась вообще — звонко, я смех ее разлетался стеклянными колокольцами и, казалось, отражался от стеклянных стен. Кисиел колебался рядом, глаза его то множились, то сворачивались, как веер.

Василь заметил, что среди них нет дяди Мити, но взять в толк не успел — Кисиел повел их куда-то. А через минуту Василь понял, что они идут через море. Пешком, по водам, по играющим бликам, во еле приметной дорожке плотной воды. Рот Василя наполнился

слюной, ужас разместился в голове, вытеснив все мысли. Ноги чувствовал и колышущую стихию и спокойную, неподвижную, глубину

Боюсь, лч, объяснение требуется. Ведь вон сколько вопросов накопилось у тебя за все время повествования: и куда делся «вывернутый» мяч, и для чего Сашка крылья изобрел, и для чего твардам «жесткое», а мьеккам «мягкое» зеркала? И, наконец, кто такой или что такое Изумрудный Череп?

«Вывернутый» мяч, как ты и сам понял, лч, был изобретен самим Кисиелом и оставлен землянам на память о своем посещении. Ты ведь, лч, сказки читаешь и помнишь, как путешествовал Иванушка, ведомый нитяным клубочком. Тебя ведь не удивляет, что клубочек-то с нитками не такой и большой, а путешествие длинное-предлинное. Откуда ниточка бралась, вытягивалась? Из сказочного пространства, из волшебного измерения. Сашкнны крылья... Ничего сверхъестественного. Сашка здесь и так самоутверждался. А есть для этого способ лучший, чем подняться в небо силою своих мышц?

Вражда мьекков с твардами. Причину понять Трудно. Мне бы хотелось, лч, видеть в этой вражде противоборство океана я суши холодного и горячего, ветра и леса! Одно меня настораживает, что участниками - случайными, лч! - этого противоборства оказались земляне. У Пирюткина до сих пор волосы на голове начинают шевелиться, когда он вспоминает свой сон с участием Изумрудного Черепа. Странное существо, полое и при этом вроде как мыслящее. Оно проникло в Пирюткина и повелевало дыханием, зрением, оно каждым волоском на голове повелевало!

Кисиел попытался объяснить друзьям, кто такой Изумрудный Череп. Но так и недообъяснил. А почему? Потому что и сам Кисиел — загадка. Какой он на самом деле: такой, каким его видят друзья, или совсем иной? Может быть, он подделывает себя под человека, а сам по себе что-то невообразимое, текучее, некое существо, отраженное в «жидких» зеркалах, бесформенное. А вот твард Изумрудный Череп — напротив, есть только жесткая форма, полный сосуд, существо без существа, отраженное в «жестких» зеркалах... Как они мыслят, что они видят? Умеют смеяться или плакать?

А вот «жидкое» зеркало или зеркало «твердое» — это интересно. О них известно лишь со слов Кисиела, Но мы можем и поразмыслить сами. Если «жидкое» зеркало есть в некотором смысле противоядие от «жесткого» зеркала твардов, то можно досообразить, что будет с простым земным человеком, если тварды его «распротразят»! Мало того, что он потеряет всякое представление о правом и левом, может быть, о верхе и низе, он вообще не сможет видеть привычный ему мир! Ведь наши чувства и ощущения «текут» в определенном направлении, а если к «и поднести «зеркало», да еще «жесткое», да не одно!.. Вот чехарда-то начнется. А тварды, видимо, дошлые существа, если умеют «распротразать», то есть «разрывать» других существ на «кусочки» отражений. Но и мьекки, значит, не лыком шиты, если изобрели зеркало «жидкое». Оно, мне думается, не дает попасть с достаточной точностью в «жесткое» зеркало твардов, оно, зеркало мьекков, делает как бы маловидным, дымчатым что ли...

Теперь прояснялся хараКТер диверсии, которую предприняли тварды против Кисиела и создаваемого для него атомного котла. Надо думать, тварды выстрелили в обечайку «жестким» зеркалом и перепутали микроструктуру металла, посбивали электроны с привычных для них орбит. Нет, в самом деле, эти тварды — ух и вредные существа. И, наверное, большой опасности подвергают себя

{175}

наши герои, направляясь поямо к месту приземления твардов. Хоть и выпили они «жидкое зеркало», и всё ж не совсем неуязвимы.

Дядя Митя пить не стад. Спроси его. почему, он и не смог бы наверное, объяснить. Интуиция, что ли, жизненный опыт. Про себя он только подумал: «А ну, как в голову

вдарит? Нет, нужна хоть одна трезвая голова». И сразу побежал к пристани, где раскачивались моторные лодки, попросил одну у знакомого и пошел во крутой дуге догонять путешествующих по воде.

А между тем путешественники уже выбрались на берег и шли во странному миру Все было вроде бы знакомо, а в то же время изменилось. Если раньше ты знал, что дерево стоит само во себе, листья его сами по себе трепещут на ветру, и все это совершается на фоне голубого неба и солнечных лучей, то теперь все несколько сместилось. И дерево как бы дополняло небо, и листья трепетали вместе с лучами, и облачко легко и дымно переплеталось, сливалось с тенью. И все вместе обрело яркую, но трудноуловимую геометрию, симметрию.

И Василь понимал, отчего это происходит. Пусть перед глазами самая сложная и неповторимая мозаика, пусть каждый цвет ее не имеет повторения, и пусть так же неповторима форма. Но, как только мы поднесем к этой мозаике зеркало, — и мозаика начинает жить двойной жизнью симметрии.

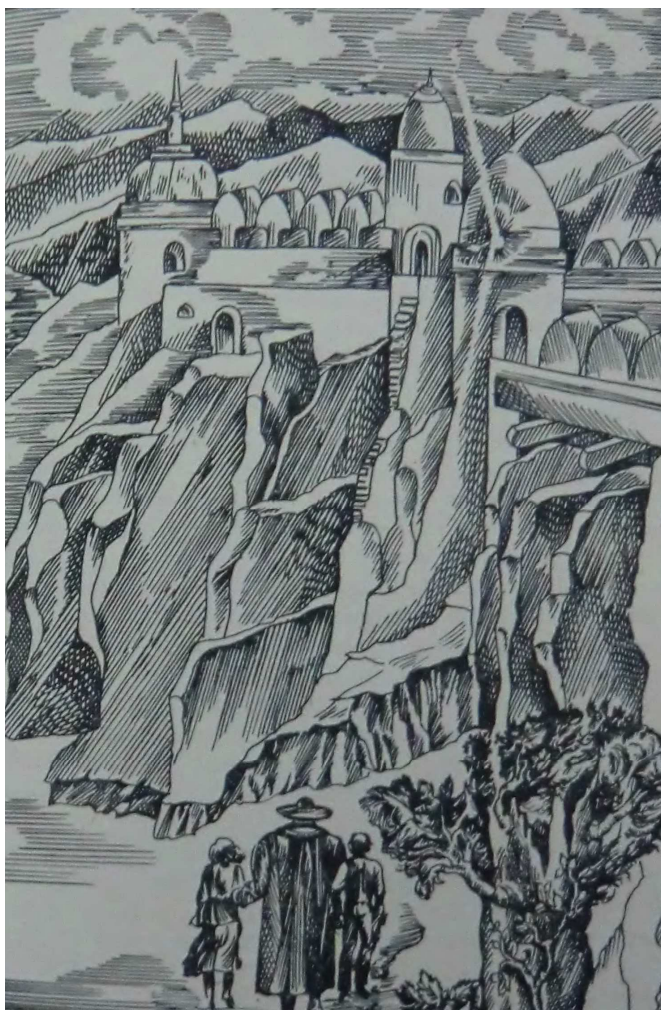
Вот что произошло с миром после того, как друзья выпили «жидкое» зеркало. И вот поэтому же, когда они подошли к развалинам каких-то древних строений, сами развалины уже имели свежий вид в даже красоту и завершенность. Улицы и дома были заброшены, но чисты и свежи. А между тем воздух, свет были насыщены опасностью.

Ребята шла, придвинувшись к Кисиелу. Пирюткин готов был в любую минуту защитить Надю, во он не знал, откуда в какая грозит опасность, и чувствовал себя беспомощным, Он поглядывал на Сашку. Тот шел уверенно, строго глядел во сторонам, и в глазах его стояла зоркая мысль: мол, я вас наперед знаю

Тварды не появлялись.

По мере продвижения по странному городу лабиринт улиц, домов, башен все усложнялся. И вот Сашка остановился и сказал.

{176}

- Мы не найдем выхода!

Надя посмотрела на Кисиела. Мъекк струился, словно текучее отражение, шляпа потрескивала бахромой. Мъекк молчал.

- Найдём - сказал Василь.

И вдруг обозлился на Сашку. «Трус!» — подумал Василь, И хотел сказать это вслух, но увидел, что и Сашка смотрит на него глазами, полными ярости.

- Прекратите! — крикнула Надя.

«Ненавижу!» — подумал Василь и отвернулся от Сашки.

Он и сам понимал: что-то с ними происходит. Откуда в нем Василе, ненависть?

Мъекк остановился, длинной рукой приостановил и друзей.

Перед глазами всех встала старинная башня, высокая, поросшая мхом, на самом верху — бойницы. И вот в одной из бойниц вдруг сверкнул яркий, больно резанувший глаза лучик. — Тва-ррды, — сказал Кисиел.

Он рванулся за угол и повлек за собой остальных. Все дрожали. Но не ясно было, от чего. Кисиел выглянул, спрятался, потом снял шляпу, взмахнул и пустил ее в небо, в сторону башни. Видно было, как шляпа плавно пошла по дуге вверх, описала круг у вершины башни и возвратилась.

Надя, приблизив лицо к Василию, сказала ему в самое ухо:

— Мне так страшно, что... кусаться хочется.

А вокруг была тишина. Солнце как бы пряло лучи и опутывало все видимые дома, деревья на башню. Кисиел снова пустил шляпу, но теперь видно было, как лучик на башне выстрелил треугольным, светом, метя в шляпу. Сашка стучал зубами. Василь отворачивал лицо к стене. Ему хотелось плакать. Надя тоже всхлипывала, но от еле сдерживаемого смеха..

Да что ж такое происходит? В чем дело? А дело в том, что с чувствами троих землян творилось неладное. Чувства сами по себе играли в душе землян. Страх сменял ненависть, а хохот приходил на смену страху. Описывать это трудно, лч. Ведь во внешнем мире ничего не происходило. Тварды притаились в башне и отстреливались треугольными лучами. А Кисиел все бросал и бросал шляпу, словно накидывал на башню невидимые петли. И с каждым взлётом шляпы, с каждым ударом жесткого луча атмосфера все сильнее возбуждалась, вибрировала, проникала в души землян, и чувства их, теряя контроль рассудка, рвались во все стороны, жаждали удовлетворения немедленного и любой ценой.

Стоит ли описывать, как Пирюткин принялся плясать, выкрикивая угрозы, грозя кулаком в сторону башни? Стоит ли рассказывать, как Надя встала на колени перед Кисиелом и умоляла его признаться, кто он — мьекк или твард? Имеет ли смысл говорить о выходке Сашки Секунды, которая чуть не стоили рассудка всем троим?

Мьекк пристально оглядел спутников семью-восемью глазами и...

Глава восемнадцатая

У меня есть подозрение, лч, что Кисиел и не понял состояния своих друзей-землян. Что ж, это вполне возможно. Он ведь «сделан» из другого материала и чувствует совсем по-другому. Да и тварды тоже, мне думается» совсем не знают, что проделывает с землянами их «твардушка», пушка, стреляющая «твердыми» зеркалами... Ну да вот что было дальше. Кисиел рванулся через площадь, нырнул в дверь, ведущую в башню, и по винтовой лестнице взбежал на верхнюю площадку. Все это время ребята, как утята за уткой, следовали за ним.

В проеме бойницы, великолепно переливаясь лазурным сиянием, лежал Изумрудный Череп. И всем троим друзьям на мгновение почудилось, что площадку только что покинул таинственный маг... Но, судя по пыли и паутине, здесь давным-давно никого не было. «Странно, — подумал Василь Васильевич. — И как он здесь...»

— Случайно, — сказал Изумрудный.

Надя вскрикнула и отпрянула. Кисиел взмахнул шляпой, точно отмахиваясь от невидимых чар Изумрудного.

- Да не маши ты, бестолковый мьекк, — досадливо сказал Изумрудный, — Тварды — существа благородные и пленников не распротражают.

Василь Васильевич подумал, что ослышался, и сказал:

— Убийство лысого в подвале пустым мешком по голове. Изумрудный засмеялся.

— Лыс по необходимости, а шутки понимаю.

- Вы так странно... думаете, — сказала Надя. — Откуда вы?

— Я думаю из будущего, - сказал Изумрудный. На всем его «лице» лежал блик веселости

— Я думаю из будущего, а потопу думаю логически. Я не думаю в общепринятом на Земле смысле. Мьекки думают за твардов, а тварды от мьекков. — Изумрудный рассмеялся. Так смеялся бы кот, если бы умел произносить «мяу», как «ха-ха». - Этот мьекк Кисиел — очень большая моя находка, — продолжал Изумрудный. — Посажу его в «зеркальный» ящик и буду разводить разные экзотические мысли, а? Вот Я чую, что Сашок меня понимает, он очень распротраженно мыслит, он знает, что такое селекция мозгов, да, Сашок? А вот этот молодой человек... Я о тебе, Василек. Ты все время увиливаешь, не мыслишь, а хвостом виляешь. Как мы Есть среди вас и еще одно существо, которое мой нюх воспринимает с трудом. Иной раз оно мыслит логично. Но иной раз делает такие прыжки, что у меня в черепе ум за разум...

— А кто вы такой? — грубовато сказала Надя.

— «Вы такой!» Прекрасно! — язвительно заговорил Изумрудный.— Вежливость, достойная мьекков!

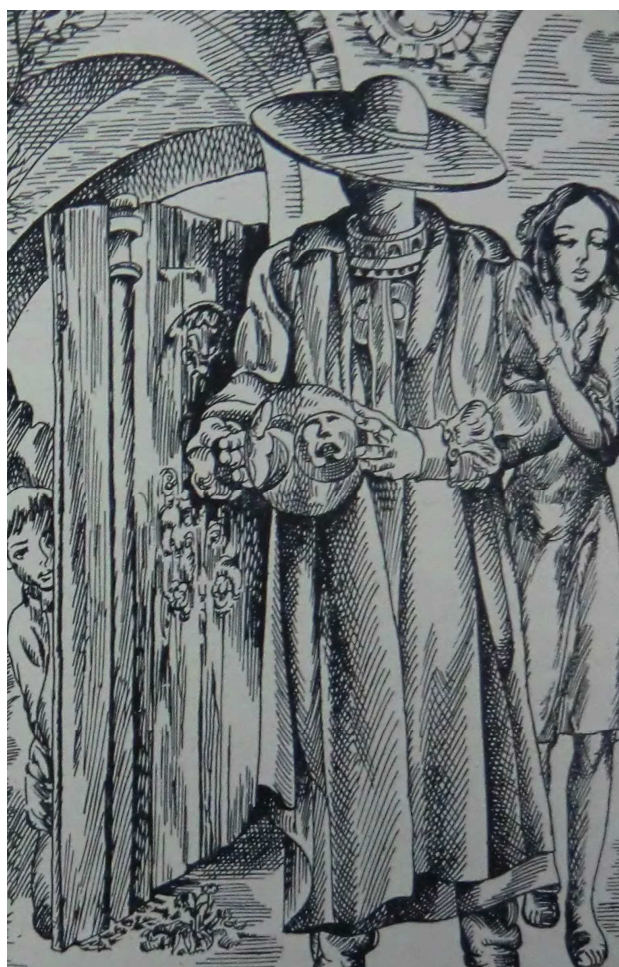
— Вас не должно быть! —сказала Надя.

— А меня я нет, Наденька, — взволновался Изумрудный. — Я ведь какая голова? Вы скажете: виртуальная. Никакая, понимаете? Это очень, очень удобно, уверяю тебя, Сашок. Вот на вашем заводе ломают голову, как добиться высокой точности обработки, ТО есть как добитый нулевой точности? И чего только не повыдумывали, а все ж —брачок, нет, Василек? Вот и мьекк скажет — дудки. А почему? Потому что без меня бьетесь. С этой стороны бьётся. А попроси меня, и я сделаю вам нулевую точность — с той стороны.

— С того света, — сказал Василь.

- Верно сказано! - подхватил Изумрудный. - Именно с того а... Кстати, вы знаете, что такое «тот» свет? Василь заметил, что, когда Изумрудный начинал говорить, по спине у Василя стлался холод, в голове делалось так ясно, словно в ней вдруг «ударял» сорокаградусный мороз.

— В ваших атомных котлах, дорогой мой Сашок и дорогой мой Василёк, совсем не между прочим, горит именно наш тот свет...

Кисиел осторожно подошёл к Изумрудному, взял его в руки и стал всё так же осторожно вертеть его в руках. Изумрудный, как ни в чем не бывало, продолжал говорить.

Надя, решив было покинуть башню. Обнаружила, что лестницы нет.

Все стены были глухи, а бойница оказалась сияющим зеркалом.

— Не суетись, Наденька, - сказал Изумрудный. - Ты сам себе портишь жизнь. И знаешь, чем? Не думай о выходе. Чем упорнее ты о нем думаешь, тем сложнее лабиринт, из которого тебе выбираться.

Сашка вдруг засмеялся. И Василь, как бы вторя, тоже хихикнул. Почему? Кто знает, может быть, так ведет себя человек в

— Все вы на одно лицо, — сказала Надя, показывая на Изумрудного. - кубики Рубика.

— А что в этом плохого? — ответил Сашка.

— Ни пло-о-оного, ни хоро-о-ошего. — запела Надя своим привычным тоном. — Но всегда знаешь, что из вас получится.

~ Я знаю себя на пять ходов вперед, - сказал Сашка. - И горжусь этим.

— Ты очень родствен твардам, — сказал Изумрудный в руках Кисиела. — Ты чувствуешь во порядке, а не комом, как вот эта особа непонятного происхождения, Кисиел склонился, как Гамлет, над Изумрудным, выпулил несколько глаз. Он изучал. Изредка между ним и Изумрудным проскакивали с треском электрические молнии.

Тогда Надя обращалась к Кисиелу:

— Ну, получается? Изучи его, Кисиел!

Василь же подошел к окну-зеркалу и увидел картину, которая ввела его в состояние какой-то детской беспомощности. Он увидел лабиринт, каким он предстает сверху. Василь понял, что они в самом деле в плену. И тоска его обуяла такая, словно он и в самом деле стал вдруг трехлетним и потерялся. Рядом оказалась Надя. Василь посмотрел в ее глаза, вздохнул и сказал:

— Ты прости... меня. Я... не знал, что я такой... двоедушный.

Надя улыбнулась. Сознание Василя, заблудившегося в чувствах, вдруг разглядело дорогу к свету. Василь обозвал себя двоедушным. Может быть, он прав, а может быть, и ошибся. Дело в том, что в душе у него проснулось некое новое чувство, некий новый взгляд на мир, на друзей. Такое и с тобой, лч, было или будет: в одно прекрасное лето ты вдруг обнаружишь, что игры, в которые ты играл прошлым лотом, нынче для тебя малы. Ты вырос из них. как из туфель, и теперь в твои игры играет кто*?» другой, и ты смотришь на это превращение и с грустью, и с насмешкой... Вот что испытал Василь, но ощущение это пришло ненадолго» помаячило и пропало.

В странных обстоятельствах затерялись друзья. Василь, например, ждал чего угодно — погони, драки, риска жизнью, — но не этого пленения и затерянности в лабиринте, который растет сам собой, по мере того как думаешь о выходе.

Но, видимо, такова природа твардов, которые вот прибыли на Землю, можно сказать, захватили Кисиела, и теперь кто скажет, что с ним будет?

По поведению Кисиела можно было понять, что и он растерялся, глаза его, наполненные лихорадочным блеском, то расцветали на блескучем лице, то исчезали. Он вертел Изумрудного в руках, потом снял шляпу и положил Изумрудного в нее, сунул под мышку и стал ходить по наглухо закрытой площадке.

— И не расстраивайтесь, друзья мои, — пел из шляпы Изумрудный. — Наш мир не так плох, как кажется. Мы создадим вам все условия! А Кисиел, этот никчемный мьекк, будет работать на меня. Ведь я его поймал?

Изумрудный Череп был разговорчив. Он старался объяснить земным существам, что мир твардов — мир особенный. Он приглашал землян понять его. Он говорил, что вот, например, человек мыслит же головой. Мышление есть свойство, а свойство можно пересаживать. Тварды научились пересаживать, то есть

распотражать свойства. Но бывают и ошибки. Такой ошибкой оказался Кисиел. Кисиел — это просто сбежавшее свойство. Но Изумрудный постарается вернуть его на место.

Вы мне не верите, а надо бы мне верить, — звенел Изумрудный из шляпы Кисиела. — Со мной же легче найти общий язык, чем вот с этим презренным мьекком... И не надо против меня настраивать свои души! Я же чувствую вашу неприязнь, как собака... Есть у вас такие существа?

Потом Изумрудный говорил, что контакт землян с твардами может принести землянам большую выгоду. Земляне бьются над пересадкой свойств материалов, а тварды давно это делают. А ещё тварды могут пересаживать такое свойства человека, как душа. И если земляне согласны заключить договор, то тварды со своей стороны готовы прийти на помощь...

Всё это, лч, похоже было на странную пьесу. Все переволновались, а теперь им было скучно. Надя причёсывалась и задумчиво глядело в зеркало. Сашка что-то прикидывал в уме, возможно, сложность лабиринта, и хмурился. Васильпочему-то не хотел думать о том, что они в плену. Он не верил.

Да и в самом деле, какой плен? Перед нами два инопланетных существа выясняют свои отношения. Земляне случайно оказались вовлечёнными в этот спор... Вот и дядя Митя появился. Вернее его голос: "Эй, хлопцы!". А потом сильно запахло табаком.

Эпилог

Кисиелу удалось обезвредить тверда. Он выдул один шар и посады в него Изумрудного. Потом выдул шар поменьше и впихнул в него больший, потом выдул ещё меньший и то же самое проделал с предыдущими. И, как говорится, до бесконечности. Гришка, наблюдавший за этой операцией, потом уверял, что он видел комарика, который получился из тварда... На это Василь вмел обыкновение улыбаться. Дядя Митя, вызволивший друзей из лабиринта с помощью табака...

С тех пор он любит повторять: "В человеке главное — чутье!" И не любят вспоминать о твардах. Он говорит, что если все случившееся ему хотя бы приснится, он не выживет. «Я так волновался, как никогда в жизни!» — приоткрыв; дядя Мала тайну «табачного» вызволения друзей в Кисиела. И нехотя рассказы вал: «Я тогда увидел, что вы, как апостолы, прямо по воде!.. Шаг в шаг, словно невесомые, и на крики мои ухом ее поведете!» Ну, я свихнулся маленько. Дядя Митя говорил что мир стал как бы из тонкого металла и звенел под ногами, от дыхания, а что было самым удивительным — звенел от взгляда! Катер бежал, не поднимая брызг, и выехал на берег, и понесся по берегу, и Дядя Митя, заглушив мотор, еще долго не мог его остановить. И, боясь, что память совсем изменит, дядя Митя стал разбрасывать табак, повинуюсь чутью, что ли. «Дорожку на память оставлял», — уточнял дядя Митя. И выходило, что табачным запахом дядя Митя перешиб тварда, вывел друзей из лабиринта... Дядя Митя был сдержан и на поздравления отвечал ухмылкой; мол, знаем мы ваши оации!

Обработка обечайки сдвинулась с мертвой точка. Мастер Шлях шутил по атому поводу: «Работаем от точки до точки - от мертвой до нулевой!»

Гришка после всего случившегося перестал лепить из пластина что-либо. Ему было скучно уже играть с самим собой. Да к тому же дядя Кисиел готовился к отлету — ведь двигатель-котел уже почти готов! Гришка попросил папу купить карту звездного неба и попытывался у Кнсиела, в каком созвездии живут мьекки Кисиел показал, но не очень уверенно и точно. Однако Гришке и этого хватило — что там, одно созвездие вправо, одно влево!

Василь все еще не мог прийти в себя, был, так сказать, раздвоен. Одна половина вспоминала с замиранием своего сердца о «жидком» зеркале» и пляске чувств в лабиринте, а другая поло вина, скрепя свое сердце, убеждала: «Надо во всем разобраться, подумать, взвесить...» Но пока что побеждала первая половина, она говорила: «Потом!»

— и наслаждалась жизнью, текучими ощущениями неба, воздуха, птиц по-над домами и, главное-то, зелеными глазами Нади Естественной. Он сидел за своим микропроцессором и что-то считал, что-то, как говорил шутя дядя Митя, распротражал. Сашку интересовал один важный, как он был убежден, вопрос: как договориться с мьеккамн или твардами о том, какая сторона правая, а какая левая? Есть ли такой эталон, который бы для всех существ Вселенной точно указывал, где какая сторона? Что ж, вопрос этот в самом деле существенный. Ведь с твардами, например, почти невозможно договориться, Надя стала задумчивой, как бы ушла в себя. Она грустными, как у Гришки, глазами, наблюдала за Кисиелом. Тот уже потерял свой «жидкозеркальный» блеск, приобрел прежний сероватый цвет. И глаза у Кисиела теперь не сверкали лихорадочно, глаза благодарно смотрели на людей, и голос его, позванивающий, часто теперь распевал песенки. Надя не смогла бы объяснить, отчего ей грустно. Все пережитое навалилось на нее камнем, она никогда и не думала, что жизнь может так загружать человека! Вот лишь чувства ее стали от этого груза опыта как бы тоньше, честнее, что ли. Надя понимала Василя, доверяла его влюбленным взглядам, не искала в них подвоха. И Сашку она увидела как бы в новом свете. Не было в нем угрюмства, однобокости. Сашка был просто очень увлекающийся парень, а Надю, как она теперь поняла, раз это-то и раздражало, потому что хотелось ей втайне Сашка смотрел и а нее, как смотрит Василь Пирюткин.

Вот в таком настроении и подошла повесть к концу. И так бы и закончилась. Но тут Надин папа и его друзья-инженеры преподнесли сенсацию! Они бились над загадочной природой твардов и мьекков, они старались понять, откуда же они прибыли, из какого уголка Вселенной, как, наконец, связаться с их цивилизациями. Но чем глубже проникали инженеры в природу пришельцев, тем больше вопросов возникало. И вот однажды Надино папу осенило:

«Откуда мы по привычке ждем пришельцев? Из другой солнечной системы, так? С другой планеты, верно? Ну, так вот, представьте, что мьекки и тварды пришли из... микромира!»

В самом деле, лч, микромир — это вселенная, и такая, что о ее роли в развитии Земли и биосферы мы узнаём только сейчас. Если мир видимой вселенной вкупе с нашей матушкой Землей — это так называемые «внешние условия» развития жизни, то микромир — это «внутренние условия». Ученые предполагают, что динозавры достигли гигантских размеров и веса под воздействием урановой «линзы», которую микромир периодически «наводит» на Землю.

Согласись, лч, к чему было возникать живой материи и развиваться от амёбы до человека, если среда обитания примитивнее живого организма? Что толкнуло ящера летать? Ведь он мог бы всю свою жизнь ползать и плавать. Вывод один: ящер полетел, повинаясь законам более сложным и стойким, чем законы биологического выживания. Ученые говорят, что под воздействием ионизирующего облучения у ящера стали расти пальцы и покрываться пленкой, а чешуя расщеплялась и превращалась в перья. Один мой знакомый, отец троих детей, уверяет, что поведение, например, электрона по сложности вполне соотносится с поведением нейронов мозга. «Мои дети погружены в электронный океан, — говорит мой знакомый. — И когда мне некогда, воспитанием моих детей занимаются электроны». На первый взгляд дети моего знакомого — как все дети. Но, если присмотреться, то можно заметить некоторое сходство с нашим общим знакомым — Кисиелом.

И теперь, лч, мы должны признать, что есть мир, который манипулирует нашими чувствами изнутри. Есть мир, к которому мы приспосабливаемся постепенно, а есть мир, который переворачивает нас изнутри, и так быстро, что мы и осознать-то не успеваем, с нами произошло.

До появления человека накопление радиоактивного вещества урана проходило под воздействием космических законов. Но вот пришёл человек, геологическая сила, навёл на

себя и на весь живой мир планеты урановую «линзу».. Кто выйдет из этого нового мира? Каким он будет?

Космическим законам все равно, когда начать действовать. Был бы внешний толчок. Космические законы и не знают о том, что человек считает себя венцом природы. Они могут переделать человека, и так быстро, что он только в последний момент поймет простую истину, что был лишь очередной формой существования электронного облака.

Может быть, из такого мира и пожаловал Кисиел. Пришел случайно, попытался объясниться с землянами. Сумел — не сумел, кто его знает. Но кое что сказал. Кисиел за мгновение до того, как «приземлился» в нашем мире, может быть, и не подозревал о его существовании. Так что простим ему некоторую сбивчивость речи. Кисиел — пришелец из микромира, а мир этот только-только приоткрывает свои тайны.

Сказать, что это известие обрадовало ваших друзей? Гришка аж задохнулся от непонятного страха. Он умоляюще и во все глаза смотрел на Ниного папу и мотал головой. Василию даже померещилось, что на лице его брата, как на лице Кисиела, прибавилось глаз. А Надин папа рассмеялся, шевеля бородой, и сказал: «Не волнуйтесь, микромир — это тоже вселенная!»

И настало время распрощаться с Кисиелом. И всеми друзьями овладела не просто грусть, а грусть в квадрате, потому что сначала они провожали Кисиела в космос, на околоземную орбиту, а потом Кисиелу предстояло нырнуть в микромир, вернуться на электронную орбиту своего родного атома. Дядя Митя оглядел всех смеющимися глазами, погладил Гришку по голове и сказал:

- Ладно вам. Прилетит ещё Кисиел... Если тварды ему дорогу не перебегут. Они сидели в той самой избушке на курьих ножках. Небо было ночным, рассыпчатым. Звезды были туманны, и лишь одна звездочка была яркой. Это светилась «летающая тарелка». Сейчас на ней двигатель мьекки плечом к плечу с земными мастерами. Изредка по телевизору показывали этот трудоёмкий процесс, а если выпадали минуты отдыха, то на экране появлялся Кисиел. Он был виден смутно, потому что телеизображению мешали космические лучи, но ребята-то хорошо угадывали очертания такого знакомого, многоглазого, лица, говорящего сразу двумя ртами: «До-с-корого!"

¹К тебе я, солнце, повернусь спиной (нем.)